

Жуков Дмитрий Анатольевич

родился 30.08.1927 г. в Грозном.
Служил в армии с 1944 по 1960 гг. Ранен.
Удостоен ряда боевых и правительственных наград.

Публикуется с 1955 г. Издал более тридцати книг переводов произведений английских, американских, югославских классиков и современных писателей. Собственные рассказы, очерки, статьи, повести и романы увидели свет в почти сотне изданий, включая переведенные на другие языки. Наибольшим успехом пользовались его книги «Аввакум» и «Владимир Иванович», вошедшие в дилогию «Огнепальный» (общий тираж более 4-х миллионов экз.)

Труды Д. Жукова неоднократно отмечались журналами, как лучшее произведение года. Он отмечен знаком «Золотое перо» и удостоен почетного звания «Заслуженный деятель культуры РСФСР». Трижды издавались его избранные произведения в нескольких томах.

Вице-президент Академии российской словесности, профессор и действительный член Петровской академии наук и искусств, Академии Евразии, он становится лауреатом премий «Писатель года» (2003, за «Русские биографии» в 2-х тт.); «Серебряная лира» (2003, за труды об А.К. Толстом); Центрального федерального округа (2004, за успехи в области литературы и искусства): «Отечество» (2005, за публикацию в «Роман-газете»), им. Антона Дельвига (2005, за книги последних лет).

«Перо Д. Жукова обладает редкостным, уникальным свойством; оно оживляет все, к чему прикасается». Эти слова доктора филологических наук О. Михайлова воспроизводятся во многих энциклопедиях и справочниках.

Дмитрий Жуков не раз бывал в Иране. В настоящее время трудится над новой книгой «Иран глазами русского человека». Само название говорит о ее содержании.

ИРАН от Хомейни до Хаменеи

Дмитрий Жуков

Дмитрий Жуков

ИРАН

 от Хомейни до Хаменеи

Памяти Имама Хомейни

Дмитрий Жуков

ИРАН от Хомейни
до Хаменеи

Научная книга
Москва
2011

ББК 84(2Рос=Рус)6
Ж86

این کتاب توسط معاونت بین الملل موسسه تنظیم و نشر آثار امام خمینی(ره) و با همکاری رایزنی فرهنگی سفارت ج.ا.ایران در
قدراتسیون روسیه ترجمه ومنتشر شده است

The Institute for Compilation and Publication of
Imām Khomeini's Works
(International Affairs Department)
NO. ۳, SŪDEH ALLEY,
YĀSER ST., BĀHONAR AVE.,
TEHRAN, I. R. OF IRAN
P.O.BOX : 19575/614
FAX: (+9821) 22834072
TEL: (+9821) 22292593

Жуков Д.А.

Ж86 Иран от Хомейни до Хаменеи. — М.: Научная книга, 2011. —
159 с.

ISBN 978-5-91393-094-1

Очередная книга известного российского ученого и писателя
Д.А.Жукова посвящена одной из выдающихся личностей XX века — Рухол-
ле Аль-Мусови Аль-Хомейни.

Автор дал не только подробный очерк политической биографии, но и
всесторонне рассмотрел основы мировоззрения и учения имама Хомейни.
Книга может быть полезной не только ученым-востоковедам, политикам,
государственным деятелям, но и широкому кругу читателей.

Содержание

Предисловие посла.....	5
Небо над Ираном ясное. Очерк политической биографии имама Хомейни.....	7
Часть первая: <i>Вводно-историческая</i>	9
Часть вторая: <i>Биографическая</i>	27
Часть третья: <i>Заключительная</i>	109
От Хомейни до Хаменеи. Воспоминания и размышления	117
Приложение	152
Послание имама Хомейни М.С. Горбачеву.....	152
Ответ М.С. Горбачева имаму Хомейни.....	157

ISBN 978-5-91393-094-1

© Жуков Д.А., 2011
© Научная книга, оригинал-макет, 2011

Предисловие посла

Во имя Всевышнего!

Об Имаме Хомейни можно говорить очень много, ибо эта личность воистину великая и универсальная. В предисловии к настоящей книге ограничусь упоминанием лишь двух ключевых моментов:

1. Если обратить внимание на все крупные социально-политические события последнего столетия, то становится очевидным, что причина большинства из них была связана с деятельностью партий и/или элиты. Не в пример этой традиции, Имам Хомейни опирался не на элиты или группы, но на народ. Он был подлинным выходцем из народа, служил народу и свято верил в него. Имам основал новую политическую доктрину, базирующуюся на двух принципах: народ и высшие ценности. Эта доктрина подтвердила свою актуальность в ходе недавних народных движений в Египте и Тунисе и подтвердит в будущем еще не раз.

2. Революция Имама Хомейни не только привела к грандиозным по масштабу и глубине социально-политическим преобразованиям, но также стала причиной крупных явлений в двадцатом веке, как-то:
- Религиозное возрождение: антирелигиозная и богоборческая атмосфера заменяется духовностью и верой в Бога. Небесные религии, подвергающиеся непрерывным нападкам сионистов, реабилитированы в глазах общества.
 - Безраздельное господство сверхдержав, в первую очередь США, сведено к минимуму; народы мира, вдохновленные примером Ирана, пробуждаются.
 - Оккупация и все более расширяющаяся экспансия Израиля (длившееся 60 лет) приостановлена.

Я бесконечно рад, что за составление книги об Имаме Хомейни взялся лично академик Жуков — выдающийся писатель, блестящий мыслитель и один из ярких представителей российской интеллигенции. Как представитель Исламской Республики Иран, я выражаю господину Жукову глубокую признательность за это, поистине, великое начинание и в свою очередь спешу поделиться с уважаемыми читателями радостной вестью о том, что имя Дмитрия Анатольевича Жукова вместе с именем Имама Хомейни останется в современной истории двух дружественных народов. Каждый русскоязычный читатель, познакомившийся с Имамом Хомейни через эту книгу, будет считать себя в долгу перед ее автором.

Также выражаю признательность руководителю Культурного представительства при Посольстве Исламской Республики Иран в Российской Федерации господину Абузару Эбрахими Торкаман, который сделал все возможное для выхода в свет настоящей книги.

*Чрезвычайный и Полномочный
Посол ИРИ в РФ
Махмуд Реза Саджади*

Небо над Ираном ясное

Очерк политической биографии
имамы Хомейни

Часть первая: Вводно-историческая

В эпоху всеобщего разочарования в личностях, пытавшихся изменить мир в лучшую сторону революционным путем, и робких упований на чудо появления вождя, верующего и достойного доверия, лишённого чувства самолюбования и корысти, жажды власти и равнодушия к народным страданиям, что сказали бы вы о таком феномене?

С детства он был внимателен, серьезен, благочестив и неспособен к дурным поступкам. По семейной традиции, он избрал карьеру ученого-богослова и прошел все ее стадии, являя собой образец послушания учителям и усердия в постижении религиозных догм и множества языков и наук, что, однако, не иссушило его души, оставив место творческим сомнениям, поэзии и стремлению сблизить мистические абстрактные теории с вечнозеленым деревом жизни.

Во благовремении он женился и обрел в семейной жизни любовь и верность, был счастлив в пятерых детях, радовавших его своими успехами и привязанностью, освятившей всю их жизнь. Он был всегда справедлив и проникновенен — от его зорких глаз не укрывалось ни одно дурное поползновение общавшихся с ним, как и многообещающие их задатки. Великолепный педагог и оратор, он вырастил учеников, не только навсегда оставшихся верными его идеям, но и готовых отдать за него жизнь.

Натура цельная, он никогда не кривил душой, высказывался свободно и так убедительно, что его превосходство редко вызывало неприязнь коллег, которых он не заслонял собой в собраниях, четко разграничивая тщеславие и дело. Написав несколько десятков объемных трудов и обретя соответствующие звания, он по праву считался авторитетнейшим ученым, но не стремился к какой-либо власти, даже академической, пока политика сама не вторглась в его мир, посвященный Богу, и не заставила безоглядно отстаивать свои идеалы.

Это случилось, когда ему минуло шестьдесят, когда тирания замахнулась на все, чем он жил, на Божественное право, которое он знал назубок, и он обрушился на тиранию со всем пылом своей

безгрешной души, в одночасье превратившись в харизматического лидера, обретя невиданную духовную власть над верующими, вспомнившими о вере предков, находя без всякой натуги яркие слова, еще больше будоража мятущихся и в то же время давая им чувство уверенности в том, что они, наконец, нашли смысл жизни.

Его арестовывали и запугивали, но он ни разу не пошел на компромисс с теми, кого считал недругами народа и хулителями Бога. Его выслали из страны, но в пятнадцатилетнем изгнании ни на день не стихал его громовой голос, долетая до самой ничтожной из хижин на родине. Чистота его помыслов, неподдельная искренность, безыскусная гениальность его посланий и речей, всем известный аскетизм и неуклонность в соблюдении религиозного долга, совершеннейшая неспособность замечать жизненные неудобства, презрение к политиканству и уважение к политике, если она полностью подчинена Божественному праву, вселяли надежду на приход царства справедливости и духовного очищения.

Он вернулся на родину в разгар народных волнений, встреченный миллионами сторонников, возглавил революцию, а после победы ее создал государство, подсказал ему выстраданные в изгнании законы, обеспечивавшие народовластие, гарантией которого стал он сам.

Полностью лишенный капризов, свойственных властителем и победившим революционерам, он мечтал об одном — собственным примером и словом воздействовать на каждую личность так, чтобы она своим стремлением к совершенству и знанию приблизилась к Богу, и это во многом ему удалось.

Он вознесся на самый верх власти, став духовным лидером большой и богатой страны, в которой помимо него были президент, правительство, парламент и прочие известные и новые институты, но не менял образа жизни, обитал в арендуемом на собственные средства скромном домике. Скончавшись почти в девяносто лет, он не оставил после себя никакого имущества, раздарив даже то, что осталось от родителей.

* * *

История отношений нашей страны с Ираном, если считать и легенду о неудачном походе Дария на скифов, набеги казаков на персидское побережье Каспийского моря, имперские войны за Кавказ, Туркманчайский мир и гибель Грибоедова в Тегеране, в старину развивалась бурно. В свое время мне хотелось написать книгу о Грибоедове, и я собирался поехать в Иран, чтобы разобраться в

таинственных причинах его гибели, но не поехал, не дали выездной визы, потому что на страницах советских газет замелькали сообщения о тамошних «беспорядках» и впервые появилось незнакомое звание и имя — аятолла Хомейни.

Однако в 1978 году я все же опубликовал короткий очерк «В последнем завидном году» после своей поездки по Кавказу, проследил путь Грибоедова до персидской границы, описал место встречи двух великих поэтов Пушкина и изуродованного тела российского посла в Персии, которое везли на арбе. Вспомнил упрек Пушкина: «Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...».

Поехать в Иран удалось лишь теперь, но уже с другой целью — побольше узнать еще об одной феноменальной личности, исключительном явлении в истории человечества, богослове, революционере и вожде, превосходно знавшем, что слово «феномен» в его первом значении есть нечто субъективное, существующее только в сознании и противопоставляемое философом Кантом непознаваемой «вещи в себе», «нуомену». Но кроме блестящего знания философии, начиная с древнейшей, аятолла Хомейни был и прирожденным поэтом, что немудрено в стране, которая возвела мавзолеи над могилами таких всемирных знаменитостей, как Рудаки, Фирдоуси, Хафиз, Саади и Омар Хайям, и окружила каждый морем благоуханных роз. Это далеко не главное в его жизни и деяниях, но и не последнее, если принять во внимание слог его речей и посланий, способность говорить так, что его меткие слова и выражения стали, как и грибоедовские, как и пушкинские, достоянием повседневной народной речи.

В моем старом очерке был намек на то, что позже назвали Исламской революцией, ради которого я позволю себе привести несколько абзацев, для меня не лишних здесь и написанных после разговора с тогдашним председателем иностранной комиссии Союза писателей, востоковедом по образованию.

— Не поедете в Иран, — категорически сказал он. — Благодарите за это имама Хомейни.

И язвительно добавил:

— Нам новые жертвы не нужны...

«По нынешним временам Тегеран не так уж и далек. Всего несколько часов лету, — говорилось в очерке. — **Но бурные события сдвигают время, увеличивают расстояния** (выделено сейчас — Д.Ж.), и недостижимым становится для меня Александр Сергеевич Грибое-

дов, тот, что сидит, скрестив ноги и углубившись в чтение какой-то бумаги в кресле... на невысоком пьедестале во дворе дипломатического здания в иранской столице. Его осеняет листва высоких деревьев, у ног — большая клумба, розы цветут там в январе, источая аромат, навевая обманчивый покой...».

Прошло ровно полтора века с тегеранской трагедии, вызванной неразлично сплетенными английскими происками, ненавистью к Грибоедову родственника шаха и бывшего премьера Аллаяр-хана, который послал в злополучный день своих людей к русской миссии, чтобы подогрели толпу выкриками: «Господин приказал убить русского посла...», провокационным выстрелом у ворот посольства, преступным бездействием шаха, до того говорившего: «Кто меня избавит от этой собаки-христианина!», подстрекательством шиитского духовенства, действиями самого Александра Сергеевича, верного своей клятве: «Голову мою положу за несчастных моих соотечественников...».

Другая эпоха, другие страсти бушуют сейчас совсем рядом с армянской церковью в Тегеране, где в братской могиле спят вечным сном служащие русской дипломатической миссии, убитые ровно полтора века назад.

Я до сих пор жалею, что не поехал тогда в Иран и не стал свидетелем исторических событий, которые ныне описаны нашими ирановедами по уже написанному, как это буду делать и я, а подлинным дыханием революции от бумаги не веет.

* * *

Согласно марксистско-ленинской методике, в то время иранскую революцию ставили в один ряд со всеми народными движениями против империализма. Существовала расхожая фраза, что массы не желают жить по-старому, а верхи неспособны... Революцию делили на этапы, во время которых она перерастала в антимонархическую, а движущей силой ее объявлялась городская беднота, кустари и мелкие торговцы на первом этапе, после расправы шахской армией с мирной демонстрацией в городе Куме 9 января 1978 года. Второй этап исчисляли с 8 сентября, «черной пятницы», когда на улицы Тегерана высыпали миллионы, а убитых армией и тайной полицией было не счесть, и тогда движущей силой стал пролетариат с присоединившейся к нему либеральной интеллигенцией, который уверенно двинулся к третьему, победному, этапу «независимо от воли и желаний богословского руководства», чтобы после бегства шаха Мухаммеда Резы Пехлеви из Ирана под предлогом «ухода в

отпуск» в январе 1979 года наступило непременно «триумфальное шествие революции по всей стране», сметающее двоевластие.

Накатанная фразеология не могла скрыть проступающее в газетных статьях беспокойство по поводу тех же самых «движущих сил», поскольку сюда как-то не укладывалась ни демократическая направленность революции, ни ее идеологическая и организационная религиозная основа. Все чаще поговаривали о «мелкобуржуазном, реакционном» и даже «репрессивном в отношении левых и демократических сил» характере революции. Противоречий было много.

И все чаще упоминалось имя аятоллы Хомейни, который до 1 февраля 1979 года жил под Парижем, но держал руку на пульсе революции и давал указания и политические лозунги ее руководителям — мусульманским богословам — по телефону. Богословы и революция. Понятия явно не совместимые для догматических мозгов, которые при одном упоминании религии испытывали враждебное чувство.

Весь мир облетели телевизионные кадры его встречи в Тегеране, всем запомнился красивый старик, бережно поддерживаемый, спускавшийся по трапу с самолета. Оторвавшись от него, объективы запечатлели океан восторженных лиц...

Однако то, что проповедовал и осуществлял аятолла, не нравилось ни рассудочно-лицемерному Западу, ни атеистическому Востоку, как называл он «социалистический лагерь», и с обеих сторон на него выливались ушаты лжи, обвинений в тайной принадлежности к одной из сил, соперничавших в «холодной войне». Но толком его никто не знал.

В секретных справках, поставлявшихся в Кремль «востоковедами в штатском», сейчас можно прочесть, что он де был крупным помещиком, замешанным в связях с гитлеровской агентурой во время войны, а после нее — одним из руководителей фундаменталистской террористической организации «Поборники ислама». Перевернулся даже год его рождения, прибавлялось несколько лет, выходило почти 80, что на старцев из Политбюро действовало ободряюще — мы моложе, проживем еще, покомандуем.

Так уж получилось, что иранская революция и наш ползучий переворот назревали почти в одно и то же историческое время. Есть и еще одно сходство — у истоков обоих событий стояли старцы. На этом совпадение заканчивается.

О наших старцах известно все: и как их сажали одного за другим в кресло генсека по мере вымирания, и как этих дряхлых роботов подключали вилкой к аппаратам, поддерживавшим их угасавшее сознание, и как вокруг них происходила замена честных недотеп, верив-

ших еще, что из бессовестной атеистической толпы можно построить справедливое общество, на шкурников, не веривших ни во что, кроме «общечеловеческих ценностей», то есть денег, добываемых под сенью «свободы» ограблением миллионов жителей «этой страны».

Шестидесятилетний шах Мухаммед Реза казался совсем несмышленным мальчишкой. С ним встречались, когда он посетил СССР с еще первой женой-красавицей, которую звали Сорайя. Перипетии его бурной семейной жизни обывательски и не без удовольствия обсуждались. Он был ближе и понятней, пытался осуществить какую-то «белую революцию».

Что же касалось его тесной дружбы с Израилем и Соединенными Штатами, то проамерикански настроенные советники старцев успокаивали: «Восток — дело тонкое. Восток бурлит и полон стремления стать под эгиду развитого социализма. В самом Иране крепнет влияние прокоммунистической Народной партии (Гуде). Назревает революционная обстановка и в соседнем с Ираном Афганистане, и все можно взять под контроль, если заварить там кашу и ввести ограниченный контингент».

Религиозный аспект восточной проблемы был хорошо известен этим советникам, но они умалчивали о нем, тонко рассчитав, что СССР увязнет в этой войне — первом звонке упадка и распада империи.

В Америке и Израиле, которым аятолла Хомейни попортил немало крови, выкинув из Ирана вместе с шахом их разведчиков, советников и бизнесменов, грабивших страну, политологи и журналисты не очень утруждали себя изучением его взглядов и личности, употребляя весьма ограниченное число слов: «фанатизм», «радикализм», «терроризм», а чаще — все тот же «религиозный фундаментализм».

Кстати, отметим, что после нарушения мирового баланса сил Запад—Восток и сосредоточением военной мощи в НАТО из политического лексикона западных и российских средств массовой информации, скупленных на корню мировым сионизмом, выпало словосочетание «освободительная борьба», замененное на отрицательно окрашенное слово «терроризм». Даже целые государства объявляются «террористическими», как то Иран и Ливия, не говоря уже о борьбе палестинского народа, изгнанного со своих территорий Израилем, действия которого одобряются по двойным меркам, какие бы преступления ни совершались.

Нотка объективности в хоре охаивания прозвучала лишь в статье, опубликованной 4 июня 1989 года, на другой день после кончины Хомейни, в газете «Нью-Йорк таймс»:

«Жизнь аятоллы Хомейни была так туманна, так обросла мифами и слухами, что долго спорили, а то и вовсе не знали, кто были его предки, каково его настоящее имя и дата рождения. Но когда он с триумфом возвратился 1 февраля 1979 года (после 15 лет изгнания), не осталось никаких сомнений относительно того, кто этот старик и чего он хочет для своей древней страны».

* * *

Но для жителей народившейся Исламской Республики Иран сомнений не было никогда. Клич «Независимость, свобода, исламское правление!», неразрывно связанный с деятельностью и борьбой аятоллы Хомейни, воспринимался подавляющим большинством народа с необыкновенным воодушевлением.

Прозрачность жизни вождя, его сила воздействия на людей, научная компетенция, необходимая для принятия решений по вопросам государства и права в соответствии с религиозными установками, распорядительность служили образцом в принятой после революции конституции, статья 5 которой гласит:

«Во время отсутствия Вали-е-Аср (да приблизит Аллах его явление!) в Исламской Республике Иран управление делами правоверных и имамат в исламской умме возлагается на справедливого и набожного, обладающего широким кругозором, смелого и имеющего организаторские способности факиха...».

За этим стоит шиизм.

Сталкиваясь с ним и начиная читать произведения аятоллы Хомейни, вы сразу же понимаете, что попали в другой мир, где реалии, образ мышления и религиозная подготовка отличаются от наших коренным образом. В нашем образовании, пропитанном духом западничества, есть пробел, создающий трудности в понимании системы ценностей ислама, который стал для более чем миллиарда человек не только верой, но и образом жизни, основанном на стойких традициях.

Эти трудности усугубляются, если принять во внимание, что за свою многовековую историю мусульмане разбились на множество сект, каждая из которых яростно отрицает учения других, создает свои мистические системы, непонятные самим рядовым мусульманам, не говоря уже о тех, кто не впитал догматов ислама с молоком матери.

Начнем с общего, обязательного для всех мусульман.

В этом отношении, ислам — религия почти математическая, имеющая пять главных правил. Первое — знание символа веры на

арабском, языке Пророка: «Ля иляха илляллах ва Мухаммадун ра-сулюллах» («Нет никакого божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Аллаха»). Второе — молитва, совершаемая до пяти раз в сутки с предварительным ритуальным омовением, где бы ни застал урочный час: дома, в мечети, на работе, в пути... А в пятницу славят Бога в мечети, где произносятся проповеди, имеющие не только религиозное, но и политическое (!) значение. Третье — посты, главный из которых месяц рамадан, когда надо читать Коран и заниматься благочестивыми размышлениями, ни есть, ни пить и ни развлекаться от рассвета до заката, а в иные дни существует запрет и на потребление алкогольных напитков, свинины, азартные игры и ростовщичество. Четвертое — хадж, паломничество к святым местам, если хватит сил и средств. Пятое — налог на имущество и доходы, который идет на нужды общины, культа и помощь бедным.

Порой к «столпам ислама» причисляют «джихад» — полную отдачу сил, возможностей, времени и даже жизни ради торжества своей религии. Помня о победоносном шествии ислама в средние века, европейцы переводят это слово, как «священная война».

Все остальное в исламе — традиции, законы, основывающиеся на арабских и местных обычаях, и мистика, круто замешанная на истории.

Основатель ислама Мухаммед, «главный и последний пророк истинной веры», родился в арабском городе Мекке примерно в 570 году н.э. Он рано осиротел, воспитывался родственниками. Помогая им в торговых делах, повидал свет. Встречи с иудаистами и христианами, догмат о единобожии укрепили зреющую в нем монотеистическую идею. Единственный, не рожденный, вечный, всемогущий Создатель избрал его своим посланником и во время религиозных экстаических бдений передал ему через ангела откровения — тексты Корана, священной книги, в которой в совершенной стихотворной форме содержатся наставления, правила, запреты, повеления культового, этического, юридического, хозяйственного характера, определяющие образ жизни, религиозную, политическую и социально-экономическую системы, а также народные понятия о морали, нравственности, справедливости и равенстве всех перед Богом.

Пророк Мухаммед, по велению Аллаха, создал *умму* (общину верующих), которая при его преемниках *халифах* (заместителях) Абу Бакре, Омаре, Османе и Али стала молниеносно, в историческом масштабе времени, распространяться на север, восток, запад, и через сотню с небольшим лет ислам восторжествовал на гигантской территории от юга Франции до границ Китая.

Обращению в ислам способствовала уже указанная точность и простота религиозных правил, исполнение которых обещало исправление земных несправедливостей хотя бы на Страшном суде, после которого праведники и мученики будут блаженствовать в раю, а грешники мучиться в аду. Многие язычники были уже близки к идее единобожия и слышали от иных проповедников о Ветхом и Новом заветах, о праотцах арабов и евреев Ибрахиме (Аврааме), Мусе (Моисее), Исе (Иисусе), утвердившихся и в Коране. Но Мухаммед утверждал, что человечество не воспринимало Божьего глагола из уст этих пророков и непременно наказывалось.

При жизни пророка Мухаммеда откровения существовали по большей части разрозненными и в устной форме. При первых халифах их собрали и записали. Коран был дополнен *сунной* и *хадисами* (преданиями о поступках и высказываниях пророка и его сподвижников). На основе их сложился *фикх* (мусульманская юриспруденция), осмысливающий *шариат* (правильный путь к цели) и разработанный *факихами* (правоведами). Он предусматривает нормы и правила религиозной жизни и поступков мусульманина. Вспомним, что *имам* (духовный и светский предводитель иранской уммы) Хомейни был факихом.

Прошу простить за пространное объяснение одной единственной статьи конституции, но когда речь идет о власти, обычно не жалеют ни слов, ни крови. Хотя ислам уравнивает людей перед Богом, спор, кто «равнее», существует в любом обществе. Мы помним, что четвертым халифом после кончины Мухаммеда был Али, его двоюродный брат, женатый, к тому же, на дочери пророка Фатиме.

Он воспитывался в доме пророка с шести лет, и когда пророк призвал своих родичей принять ислам и сказал:

«Первый из вас, кто примет мою религию, будет после меня преемником», — Али и стал тем первым. Благочестивый и умный, он был задушевым другом пророка и соратником в трудные времена, а после кончины основателя ислама противился отклонениям от религии. В бедной хижине воспитывал своих детей — Хасана, Хусейна и Зейнаб, продолжив род пророка.

И когда встал вопрос о власти, сторонники его доказывали, что родство с пророком дает ему и его потомкам право на нее, потому что они унаследовали благодать и способность выступать посредниками между людьми и Аллахом, а следовательно, должны быть имамами.

Мекканская знать из рода Омейядов выдвигала своих предводителей и утверждала, что родство с пророком необязательно, что во

главе общины должен стоять «всемирно избранный» халиф. Поскольку эту демократическую тенденцию поддерживало большинство, она возобладали в исламском мире, несмотря на то, что правители, как правило, оказывались порядочными тиранами. С этого и начался в мусульманстве великий раскол на *суннитов* (люди традиции, предания) и *шиитов* (присоединившиеся, т.е. сторонники Али).

Борьба за власть шла жестокая. Погибли Осман и другие халифы из Омейядов. Погиб Али и его сыновья Хасан и Хусейн, оплакиваемые шиитами ежегодно. Трагическая судьба ждала их потомков, почти всех шиитских имамов, которых, вместе с Али, было двенадцать, называемых священными, непорочными, чистыми, безгрешными.

Последний из них, двенадцатый, Ходжат бен Хасан исчез в 70-е годы IX века в пятилетнем возрасте. Шииты считают, что он, согласно Божьей воле, был «сокрыт» на 69 лет, хотя и поддерживал связь с народом через четырех своих представителей, а потом начался период «большого сокрытия», когда он был взят живым на небо, где пребывает до Страшного суда, перед которым в образе Махди (своего рода мессии), или *Вали-е-Асра*, или Багиотоллы, или Повелителя времени явится на землю, чтобы установить царство правды и справедливости.

«Большое сокрытие» двенадцатого имама вызывает богословские споры. Видные шиитские мыслители поддерживают народное поверье, что будущий Махди пребывает среди людей и ждет своего часа, чтобы возглавить восстание и обеспечить победу истины.

А пока его полномочным представителем является шиитское духовенство.

Духовенство в Иране — это несколько сот тысяч человек: муллы, ахунды, пишнамазы (предстоятели на молитве), чтецы поветствований о мученической кончине праведных имамов, проповедники, настоятели мечетей, судьи, наставники...

Они могут иметь и светские профессии. Среди них выделяются улемы, ученая элита, получающая образование в высших религиозных учебных заведениях священных городов Ирана (Кум и Мешхед) и Ирака (Неджеф и Кербела). Официального посвящения в сан не существует.

Религиозная организация совсем не похожа на иерархическую пирамиду любой христианской церкви, как не похожа мечеть на храм. Мечеть — дом собраний и молитв, где по пятницам (выход-

ным дням) молятся совместно, слушают проповеди и обсуждают политические вопросы.

Все улемы считаются равными и подчиняются лишь Богу и сокрытому имаму, и если духовное лицо, благодаря своим знаниям и благочестию становится особенно авторитетным и имеет большее число сторонников, чем другие, то с согласия лидеров шиитских богословских центров получает почетное звание ходжатолислама («доказательство ислама»), потом аятоллы («божественное знамение»), великого аятоллы, а всеми признанный духовный лидер зовется марджа-е таклид («образец для подражания»). Все вместе они считаются муджтахидами, то есть лицами, имеющим право на иджитхад, на интерпретацию вновь появляющихся жизненных явлений. Они могут давать личное заключение о правилах поведения своих сторонников в изменившихся обстоятельствах, опираясь на основные и частные законы мусульманской веры. Это называется «выносить фетву» или декрет по правовым и политическим вопросам, а с появлением в стране духовного лидера его фетва приобрела значение приказа (хукм), обязательного для исполнения всеми верующими.

Но стать высоким духовным лицом совсем не просто.

Во-первых, он должен быть законнорожденным. Во-вторых, обладать хорошим слухом, зрением и дикцией. В третьих, вести благочестивый образ жизни и быть настолько безупречным в своих суждениях, чтобы у его сторонников не возникало и тени сомнения в их правильности. И этого мало...

Вдобавок к высокому интеллекту, глубокому знанию Корана и хадисов, духовного наследия праведных имамов, логики, этики, мусульманского богословия и права надо участвовать в диспутах, выступать с проповедями в мечетях, иметь учеников и сторонников, которые, как это повелось истари, разьясняли бы взгляды своего наставника в мечетях и на базарах.

Зависимость духовной элиты от светской власти во времена монархии была слабой. Она распорядилась специальным налогом, собираемым не государственными чиновниками. Все это и предопределило успех исламской революции в Иране, духовным руководителем которой стал имам Хомейни, чья страстная и доходчивая проповедь при помощи современной электронной техники звучала в многих тысячах мечетей, минуя государственную цензуру и сыск.

Шиитов много в Ираке, Сирии и других мусульманских государствах. В Иране их 90 процентов населения. Со времени исламской революции они называют Хомейни имамом, что признавалось не

всеми священнослужителями. Хомейни не возражал против такого звания, но никогда не отождествлял себя с Махди. Словосочетание «имам Хомейни» стало настолько прочным в сознании иранцев, что его называют так во всех трудах, даже когда речь идет о событиях, происходивших до 1979 года.

Мне довелось побывать в Тегеране, Куме, Казвине, Исфахане, Хомейне и других городах, беседовать с людьми, седыми, бородачатыми, в просторных темных халатах и чалмах об имаме Хомейни, революции, расспрашивать о тонкостях исламского права и правления. Они были скромны, не любили называть свои ученые звания, но все равно обнаруживалось, что многие из них свободно говорят на нескольких иностранных языках, кроме обязательного арабского, что им ведомы перипатетические размышления Аристотеля, что кое-кто читал Декарта и Канта на их родных языках...

Глаза их молодо блестяли.

Постепенно я стал разбираться и в одежде, которую они носили. Улемы повязывают головы белыми тюрбанами, а черные были знаком того, что их обладатели являются сейидами — потомками пророка, что их родословная восходит через праведных имамов к самому Мухаммеду. Последние пользуются большим уважением у шиитов, независимо от того, улемы ли они или миряне. Им не рекомендуется лишь заниматься торговлей. Не священнослужители вообще не носят тюрбанов, многие не афишируют своей принадлежности к сейидам, и я с удивлением узнал, что мой постоянный спутник, доцент русской кафедры Тегеранского университета, защитивший диссертацию в Москве и с изяществом носящий пиджачную пару, — потомок пророка.

Имам Хомейни носил черную чалму, как и нынешний духовный лидер Исламской Республики Иран Хаменеи, речь которого я слышал, сняв туфли, в пятницу при большом стечении народа в мечети Тегеранского университетского городка, которая представляет собой большой навес, весьма отличающийся от роскошных дворцов с радиофицированными минаретами, что строятся сейчас повсеместно в разбогатевших на нефти мусульманских странах. Превосходно поставленным голосом со своеобразным тембром, как бы с трещинкой, он говорил о «текущем положении», опираясь на высказывания имама Хомейни. Слышал я и крупнейшего религиозного и государственного деятеля аятоллу Рафсанджани, который был в белой чалме.

Это не отчет специального корреспондента, а потому отмечу только, что у обоих риторика отработана в совершенстве, с должными паузами и ударными концовками пассажей, после которых раздавался многотысячный рокот: «Аллаху акбар!» или другое ритуальное скандирование. Говорят, каждый иранец — прирожденный оратор...

Помолившись под руководством пятничного имама, который подавал знак, когда всем вместе, касаясь локтями друг друга, чтобы почувствовать общность, надо склоняться, верующие разошлись. Почти все они были в современных костюмах, но ни у одного из них не было галстука, ни у одного мужчины в Иране, как бы наперекор всемирной моде, в знак протеста против удавки. У всех бороды, но у молодых это что-то, вроде сильной небритости, ставшей модной и на Западе, не осознающем, откуда что пошло.

Женщины молились отдельно под навесом и одеты были все в просторные платья, скрадывающие соблазнительное изящество фигуры. Головы покрыты большим платом, хиджабом, чадрой, не закрывающей лица. Впрочем, косметика позволительна и плечики тоже, а мешковатость или приталенность платья, как меня уверяли мужчины, зависит от того, насколько жена любит мужа и не хочет или хочет нравиться другим мужчинам.

Многоженство? Попробуй содержать четырех жен одинаково хорошо по современным понятиям. В Иране меня с каким-то затаенным ужасом спрашивали — неужели многоженство, по слухам, сохранилось у мусульман России? Поскольку еда очень дешева (своя, не привозная, правительство тратит около 2 миллиардов в год, чтобы цены на нее и на бензин не поднималась), а к столу не подают спиртных напитков, то ходят в многочисленные ухоженные рестораны семьями, с выводками ребятишек, которых обожают, и нетрудно было заметить, что верховодит все-таки в семье супруга «ханум», а муж поспекает и сопли подтереть дитятке и метнуться по ее подсказке к официанту, чтобы уточнить заказ. А насчет легкости развода, когда мужчине достаточно, по шариату, трижды заявить об этом публично, то это еще вилами на воде писано...

И это после исламской революции, о которой наговорили столько ужасов по части угнетения женщины. Кстати, студенток в университете никак не меньше чем студентов.

Иранцы удивительно добродушны и приветливы.

Улицы двенадцатимиллионного Тегерана до отказа забиты машинами с, видимо, лучшими в мире водителями, которые при малочисленности светофоров и совсем незаметной полиции, умудряются очень

быстро рассеивать пробки, сворачивать, как кому в голову взбредет, проходя в считанных миллиметрах друг от друга, договариваясь на ходу едва заметными движениями рук и мимикой без скрежета сминаемого металла и ругани. У меня, привыкшего к московской неуступчивости и вечно дурному настроению водителей, то и дело падало сердце...

Скажут, это не показатель, но у меня было немало случаев удивляться, как такие незлобивые люди, сбившись в неистовую толпу, шли с голым руками на американские танки в революцию, не говоря уже о гладкоствольных ружьях охраны русской миссии, не отстоявшей посла Грибоедова. Но тут уже замешана политика и религия, наглость американских прихвостней, о чем скажу позже...

Догадки мои в случае с Грибоедовым подтвердились. Были наложения всех перечисленных причин, провокации, подогревшие ярость толпы, как и горделивое поведение поэта, памяти которого досталось от нашей лени и нелюбопытства. Трусливый персидский монарх тогда тотчас послал принца в Петербург с подарком царю — одним из крупнейших в мире алмазов, и в шуме приемов и балов великая империя предпочла худой мир доброй ссоре.

Ведут иранцы свое летоисчисление с 26 июля 622 года н.э., когда пророк Мухаммед со своими приверженцами совершил хиджру, переселился из Мекки в Ясриб, впоследствии названный Мединой (Городом Пророка). У мусульман принято летоисчисление по лунному календарю, в котором год меньше нашего, и потому исламская революция совпала с наступлением 15-го века хиджры. Но в самом Иране больше пользуются солнечным календарем, по которому у них сейчас на дворе 1376 год, начавшийся в марте. Был еще введенный последним шахом календарь, начинавшийся в 5 году до н.э., по которому, если бы он не был отменен в предреволюционной обстановке, сейчас был бы 2527 г. При таком обилии календарей, хотя существуют всякие сравнительные таблицы, даже ученые мужи часто путаются, стараясь дать одну и ту же дату по разным мерилам, что автоматически переносится переводчиками на иностранные тексты сообщений об имаме Хомейни, в чем я не раз убеждался. А стрелки часов, вылетая из Москвы, приходится переводить на полчаса назад, хотя в наших бывших закавказских республиках разница в час.

На языке азери в Иране говорит больше людей, чем в постсоветском Азербайджане. Но ислам национальностей не признает. Как для христианской церкви «несть ни эллина, ни иудея», так и перед лицом Аллаха все равны — что перс, что тюрк, что курд... На фар-

си, от которого в свое время иностранцы произвели Персию, говорят почти все, как по-русски общаются все «тюркоязычные братья», от якутов до туркмен, не понимающие родственных наречий.

Раз уж мы заговорили о древнем летоисчислении, то не грех вспомнить, что во II или III тысячелетии до н.э. на великое пространство южнее моря, которое позже назвали Хазарским или Каспийским, пришли арийские народы. От них и пошло название страны — Иран. Не оттого ли тут часто встречаются темноволосые люди с серыми и зелеными глазами и европеоидными чертами лиц, а в музыке, наряду с восточными, встречаются мелодии, напоминающие вагнеровские и украденные Дунаевским? Право же, стоит прислушаться при случае к иранскому гимну...

Имам Хомейни повторил за Цицероном, что история — учительница жизни, и часто прибегал к примерам из прошлого, а порой оно просто вторгалось в современную жизнь, вызывая кипение умов и отнюдь не схоластические споры. Сами иранцы свою древнюю историю воспринимают, как отражение мифов и легенд, запечатленных в «Ведах», «Махабхарате», «Авесте» и особенно в «Шахнамэ» («Книге шахов»).

Древние греки и римляне наполнили историю лязгом оружия, восхвалением своих побед и уничижительными характеристиками персидских владык. Она смутно помнит мидян, расправившихся с Ассирией и, в свою очередь, покоренных персами, жившими на юго-западе Ирана, в районе цветущего и поныне города Фарса (Персиса по-гречески) в середине VI века до нашей эры во главе с царями из династии Ахеменидов. Кир Великий завоевал Центральную Азию и ближний Восток, блистали его столицы Сузы, Экбатан, Пасаргад. Цари Камбиз и Дарий раздвинули пределы империи от Индии до Балкан, подавив сопротивление лидийцев, вавилонян, египтян и построив Персеполис, величественные руины которого мне посчастливилось увидеть и запомнить навсегда.

Каждый из покоренных народов сохранял свой язык, религию, нравы, законы, но во главе его стоял персидский сатрап, следивший за тем, чтобы благосостояние подданных не гасло и налоги поступали исправно, хотя само слово, подаренное миру тоже через древних греков, имеет негативный оттенок. Персы щеголяли великолепными одеждами и вооружением, в них воспитывали воинственный дух, чувства чести, правдивости и любви к славе.

Государственной религией был зороастризм, основанный мифическим пророком Заратустрой, который утверждал, что мир есть арена борьбы бога света Ормузда и бога тьмы Аримана. Это отсюда почерпнули мировые религии эсхатологическую идею конца света, воскресения из мертвых и даже рождение будущего спасителя Девой, но падшему ангелу рядом с Богом места не стало.

Однако Дарий и его сын Ксеркс обломали зубы о Грецию при Марфоне и Саламине, а через полторы сотни лет Александр Македонский, разгромив огромное персидское войско всего с 40 тысячами бойцов при Гранике и Гавгамелах и празднуя победы в Персеполесе то ли демонстративно, то ли по пьянке сжег его. Не помогли персам боевые колесницы, великолепная почтовая служба, покровительство искусствам, инженерные достижения, ознаменовавшиеся соединением Нила и Красного моря каналом. Цивилизация хрупка, когда за дело берется решительность и полководческий гений.

Минуем достаточно известных Селевкидов, парфян, битвы с римлянами и дойдем до династии Сасанидов из того же Фарса, правившей лет четыреста в Иране, то благоденствующем, то сотрясаемом междоусобицами. Шах Хосров Парвиз даже захватывал Иерусалим и вывез оттуда «подлинный крест», на котором распяли Иисуса Христа.

Но тут налетели арабские всадники с победным зеленым знаменем ислама. Пророк Мухаммед скончался в 632 году, а наместники халифа уже через десять лет управляли Ираном, и большая часть населения, как категорично говорят немусульманские историки, «нашла выгодным принять ислам». Наместников не очень любили, но ислам был демократичнее зороастризма. Беспокойный и талантливый народ, иранцы присоединялись к безгрешному имаму Али и его потомкам из духа протеста против халифов, и в народных волнениях простолюдины создавали новые мелкие династии, а гениальные поэты и ученые, несмотря на смуту, оставили неизгладимый след в мировой культуре и науке в то время, когда Европа прозябала в своих темных веках.

При турках-сельджуках, хлынувших из Туркестана, была крепость Аламут, до которой, к сожалению, я не мог добраться, когда ехал в Казвин, по возрастной причине, невозможности карабкаться по горным тропам. Я много читал о грозе халифов, о гнездившихся там убийцах, бросавшихся в пропасть по мановению руки повелителя с надеждой попасть прямо в рай прохлады, фонтанов и прелестных гурий, порожденном воображением арабов, живших в безводной знойной пустыне, и ныне признаваемом мусульман-

скими учеными с оговоркой, что игра воображения еще не рисует картины трансцендентного мира. Ассасины-убийцы, получившие название от употребления одурманивающего гашиша, прочно вошли в лексикон большинства европейских языков, породив глагол, означающий покушение со смертельным исходом.

Было и страшное нашествие монгольской военной машины, когда воины внука Чингисхана истребили ассасинов, а заодно и добрую толику жителей Ирана, которые в ужасе ложились на землю при появлении одного-единственного кривоногого монгола. За его жизнь предали бы смерти жителей целого города. Но монгольская династия Ильханов, удовлетворила свою страсть к убийствам и разрушениям, приняла ислам и правила, по свидетельству Марко Поло, бывавшего в столице улуса Тебризе, весьма цивилизованно.

Тамерлан, пожелавший возродить монгольскую империю, громоздил трупы до самой Москвы, а в Иране сложил пирамиду из 70 тысяч отрубленных голов. Его же потомок Улуг-бек стал замечательным астрономом, поэтом и покровителем литературы.

Всех династий и войн не перечислишь, но странное дело — лишь они остаются в писаной истории, отодвигая на обочину народ, который пахал, строил, ремесленничал, торговал, растил новые поколения. В XVII веке при Сефевиде и особенно при шахиншахе (царе царей) Аббасе I Великом именно он преобразил Исфahan, который называют в Иране «половиной света» за его прекрасные мечети, самую большую в мире площадь, ажурные мосты... Тогда фарси стал государственным языком, как и возобладал шиизм. Правда, облаканный государством, он потерял свою вольнодумную прелесть, стал догматичнее, а шиитское духовенство — нетерпимее.

Через сто лет тюрок шах Надир уже преследовал шиитов, уничтожал целые города за неприятие суннизма, покорил Бухару, Хиву и Индию, откуда привез знаменитый «Павлиний трон» великих Моголов, который усыпан драгоценными камнями, но, на мой взгляд, совершенно безвкусен, что не помешало короноваться на нем последним шахом Ирана во дворце Гюлистан (Розовый сад), сплошь отделанном неровными кусочками зеркал, нарядно глядящихся и в старинных мечетях. Но личная резиденция самого последнего шаха Мухаммеда Резы на севере Тегерана забита эклектическим смещением подаренной европейцами мебели, и запоминается лишь революционный юмор — отрезанные от большой статуи шаха бронзовые сапоги в человеческий рост у входа во дворец, на которые можно взбираться и фотографироваться.

Однако пора приступать к династии Каджаров, которую основал жестокий скопец Ага Мухаммед, перенесший столицу из Исфахана в Тегеран в конце XVIII века, счастливо воевавший с Россией, приказавший раздать в рабство 20 тысяч женщин города Кермана, а мужчин ослепить. Ему было доставлено 7 тысяч глаз, и он сам считал и взвешивал их. Ему наследовал племянник Баба-хан, который правил Персией под именем шаха Фетх Али, вел две неудачные войны с Россией из-за Закавказья, и едва не случилась третья война из-за расправы над Грибоедовым.

Вот при Каджарах-то и пришла Персия в полнейший упадок, отстав в промышленном отношении от многих стран и к XX веку оказавшись в зависимости от двух крупнейших империй, Британской и Российской, которые поделили страну на сферы влияния, помыкали шахским двором, меняя по своему усмотрению министров и военачальников. Впрочем, в стране не было никакого порядка и даже регулярной армии.

Первую конную бригаду, соответствующую требованиям своего времени, сформировали русские по образцу казачьих войск в 1879 г., поставив во главе ее русского полковника, офицеров и урядников и вооружив берданками. Практичные англичане прибирали к рукам добычу нефти.

Шах Музаффараддин, правивший, когда имам Хомейни был еще ребенком, дважды брал деньги в долг у русских для поездок в Европу, уступая им за это таможенные доходы на севере и рыбные ловли. Англичане пользовались таможенным правом на юге. Банкротство было полное.

Все это не могло не унижать гордый иранский народ и не сказаться на настроениях шиитского духовенства, которое старалось напоминать о былой славе и культурной уникальности.

Взгляды имама Хомейни на необходимость вмешательства улемов в политику выросли не на голом месте. Когда одна английская компания в конце XIX века монополизировала производство и сбыт табака, вызвав возмущение народа, аятолла Ширази издал фетву, в которой проклял англичан и объявил бойкот товару фирмы. Во время иранской Конституционной революции 1905-1911 года, добившись ограничения прав монарха, аятоллы обратились к народу с коллективным декретом, утверждая, что «принятие конституции угодно сокровищу имаму и не противоречит Корану».

Часть вторая: Биографическая

Будущий имам, подписывавшийся полным именем Рухолла Аль-Мусави Аль-Хомейни, родился 20 джамади аль-тани 1320 года по лунному календарю хиджры или 30 шахривара 1281 г. по солнечному, принятому в Иране, что приходится на 24 сентября 1902 г., в городке Хомейн, находящемся в центральной части Иранского нагорья, километрах в трехстах к югу от Тегерана.

Уже в самом имени для иранца-шиита заключено много сведений. Рухолла значит «Божий дух». Мусави, перешедшее из имени отца сейида Мустафы Мусави, говорит, что его род восходит к седьмому святому и непорочному имаму Мусе Казему, а следовательно, к пророку Мухаммеду. Фамилия Хомейни появилась в 1935 году, когда предпоследний шах Реза Пехлеви заменил привычное для европейцев название страны Персия на древнее Иран во всех официальных документах и завел паспорта с фамилиями, чего прежде не было. Сперва имам выбрал себе фамилию по имени отца — Мустафави, как это делают и наши мусульмане, но потом образовал ее от названия родного города, что тоже очень часто бывает со знаменитыми людьми на Востоке, и тем самым в конце концов прославил Хомейн на весь мир.

Мне довелось побывать в этом городке, жители которого добывают себе пропитание, качая воду с глубины 60 метров и выращивая бобовые, пшеницу и виноград, а всякой зелени снимая с огорода по четыре урожая в год. На берегу русла речки, которая наполняется водой, сбегаящей с остроконечных гор лишь в период таяния снегов, и по сию пору стоит просторный родительский дом, с массивными дверями, переходами, закутками, дворами, украшенными маленькими бассейнами причудливой формы. Это типичный мусульманский дом, какие можно встретить и сейчас в нашей, еще недавно, Средней Азии. В толстых глинобитных стенах — камин и ниши для одежды, книг и нехитрого скарба. Полы кирпичные и глиняные, покрытые коврами, у стен толстые подушки, к которым прислоняются спинами, сидя на полу.

Дед будущего имама сейид Ахмед, скончавшийся в 1868 году, имел прозвище Хинди (Индиец), потому что родился в Кашмире. Он изучал богословие в священном городе Неджефе (Ирак), а потом осел в Хомейне, женившись на сестре местного помещика Юсеф-хана. Он-то и построил дом, поскольку был человеком зажиточным, сочетая религиозные обязанности с ведением хозяйства.

Деда и отца, родившегося в 1861 году, сейчас называют аятоллами, хотя в XIX веке такого звания еще не было, но это недалеко от истины. Сейид Мустафа Мусави тоже закончил высшую богословскую школу в Неджефе и имел диплом муджтахиды, дающий право заниматься фикхом или мусульманской юриспруденцией. До Неджефа он учился в Исфахане, где был вхож к известному богослову с пышным званием и именем ахунд хадж мулла Хусейн Хонсари, на дочери которого Бану Ходжар он и женился. Она родила ему трех дочерей и трех сыновей. Рухолла был самый младший. Когда ему было всего пять месяцев, а отцу — 47 лет, случилось несчастье. По дороге в ближайший город Арак, у деревни Хасанабад, отца застрелили, по словам местных жителей, наймиты местного хана Али Бахроми, с которым не ладил строптивый факих.

Есть много других версий этого убийства, в результате которого Рухолла, как и пророк Мухаммед, рано остался сиротой. Есть даже легенда, что будто бы его убил Реза-хан, будущий шах Ирана, династию которого низвергнул Хомейни, но это не более чем красивая выдумка...

Во всяком случае, вдова убитого оставила младенца на попечение его тети Сахибы-ханум, которую Рухолла поминал добрым словом всю жизнь, и отправилась с родственниками в Тегеран искать правды и отмщения. Три года понадобилось, чтобы, наконец, через одного из шахских министров добиться повешения киллера. Голова его была выставлена на главном базаре.

По возвращении вдова взялась за воспитание сына, проча ему ученую карьеру отца и деда. Мальчик оказался очень способным. В мактабе (начальной религиозной школе) и дома с помощью старших братьев он учился каллиграфии и арабскому языку, постигал азы богословия и персидской литературы. Система начального образования в Персии всегда строилась на заучивании огромного количества текстов, исторических сведений и дат.

Но спокойно учиться было совсем непросто в условиях постоянной смуты, когда то и дело восставали племена, а банды воров и грабителей нападали на села и небольшие города. Семье доводилось уходить из города и прятаться.

Не выдержали такой жизни мать и любимая тетя Рухоллы. Они скончались одна за другой, когда ему было пятнадцать лет.

В 1915 году в Персию ввели русский экспедиционный корпус. Рухолла видел русских солдат в Хомейне. Но войска приходили, уходили, а бандиты оставались. Имам Хомейни вспоминал об их налетах на город:

«В Хомейне обычно строили укрытия. У меня, почти ребенка, была винтовка. Нам их выдавали к 16-17 годам и учили стрелять. Из своих укрытий мы отстреливались от нападавших. Хаос царил повсюду. Центральное правительство было бессильным. Однажды его солдаты захватили часть Хомейна, но люди вышибли их оттуда. Народ взялся за оружие, и мы, дети, были вместе со всеми».

Старшие братья поддержали тягу к ученью круглого сироты и в 1920 году помогли ему устроиться в Араке, где была школа знаменитого богослова Хаери Язди, который в следующем году переехал в священный город Кум, куда потянулся и Рухолла.

Он застал Кум в запустении, а стены духовной семинарии Фейзие, в которых ему предстояло провести более сорока лет, превратились в развалины и стали убежищем для нищих и сумасшедших. Сейчас Кум представляет собой внушительное зрелище с его тесно сгруппированными мечетями и замкнутыми прямоугольниками богословских школ. В учебных классах и у бассейнов в благоухающих розами дворах занимаются десятки тысяч талибов (студентов), и можно представить себе, какие усилия понадобились великому аятолле Хаери Язди и его сподвижникам, чтобы возродить этот оплот шиитской культуры, которой положил начало шестой непорочный имам Джафар Садек. Здесь находится и могила Фатимы Масумэ, дочери седьмого и сестры восьмого имама шиитов, мавзолеем которой был всегда притягателен для массы паломников.

Для Рухоллы потекли годы напряженного учения.

Он поставил себе за правило во всем следовать примеру пророка и праведных имама, которые стремились к обретению наибольшего знания, искореняли в себе дурные побуждения, вели себя достойно, были терпимы и даже добродушны, прекрасно разбирались в людях, их чувствах и инстинктах, которые надо было научиться

правильно направлять. И при этом приучаться к аскетической жизни, делиться знанием терпеливо, повторяя непонятное по несколько раз, чтобы лучше запомнилось, не перекладывать на плечи других свою работу, «не высовываться», как сказали бы теперь, то есть не высказывать прежде всех со своим мнением и не стараться занять важное место в собрании...

Серьезный не по годам, Рухолла не тратил ни минуты зря.

Хаери Язди привлек в богословский центр в Куме авторитетнейших педагогов. Иранцу их имена сами по себе внушают глубокое уважение. Весь список наук настолько внушительен, что его не охватить, но кроме богословия и права, надо упомянуть риторику, этику, арабскую и персидскую литературу, математику, астрономию, философию, просодию и рифмику, теорию познания...

Педагоги семинарии Фейзие не могли не заметить аскетические наклонности и усердие молодого человека. На дочери одного из них Мухаммеда Сакафи Техрани он женился в 1929 году. Разумная и спокойная Батул-ханум пережила своего мужа, а в молодости родила ему семерых детей, двое из которых умерли в младенчестве. Сыновья сейид Мустафа и сейид Ахмед, а также три дочери радовали отца.

Труды Рухоллы Мусави были вознаграждены. Он добился признания как муджтахид в 27 лет. Годом раньше вышел его объемный труд на арабском языке об утренней молитве, в котором он, опираясь на стихи Корана, пытался разобраться в сложных вопросах мистики и мусульманского богословия. В частности, там затронута проблема, которую он часто обсуждал с одним из своих учителей аятоллой Шахабади. В мистике существует противоречие: если истинно верующий в своих молитвах связан непосредственно с Богом, не подрывает ли это институт священнослужителей?

Это говорит о гибкости его ума и пытливости, что обычно приводит к переходу количества накопленных знаний, как учит диалектика, в новое, творческое качество.

Он уже и сам преподавал, писал на арабском том за томом комментарий к преданиям, труды по этике, мистике и мусульманской юриспруденции.

На фарси он сочинял мистические стихотворения, подписывая их псевдонимом «Хинди». Хомейни был не чужд пантеизма в его суфическом осмыслении, поскольку восхвалял в стихах знаменитого мистика X века Аль-Халладжа, который утверждал, что священной правды нет в мечетях и семинариях, и будто бы воскликнул

свое знаменитое: «Ана-ль-хакк!» («Я — Истинный, т.е. я Бог»), за что багдадские улемы приговорили его к сожжению, а прах его был брошен в реку Тигр.

Но это говорило лишь о сложности размышлений о пути человека к Богу и о живости воображения, которое мусульманские мыслители считают целым миром, находящемся между миром материальным и миром божественным. Вся персидская классическая лирика, проникнутая благородством и воспевающая нежный цветок любви и женскую красоту, создавалась людьми глубоко верующими, и литературный псевдоним поэта Хафиза переводится, как «тот, кто знает Коран сердцем». В одном из лирических стихотворений Хомейни есть такое:

Милая! Помни, что юных желаний тебе не унять,
В старости будешь годиться на то лишь, чтоб спать!

Некоторые коллеги относились к его опытам неодобрительно, и он еще столкнется с начетчиками, придерживавшимися буквы, но не духа ислама.

После большевистского переворота в России случилось много важнейших для Ирана событий. Выведен русский экспедиционный корпус. Англичане, оберегая интересы своей Англо-персидской нефтяной компании, полностью подчинили своему влиянию молодого шаха Ахмеда, подкупали членов каджарской семьи и правительства, вовлекали в масонство компрадорскую буржуазию. Подписанное тогда же кабальное соглашение, нацеленное на превращение Персии в английский протекторат, вызвало общественное движение, заставившее вывести британские войска.

Но их командующий генерал Айронсайд, подготовил путч. Сперва он хотел было заменить в казачьей дивизии, в которую уже превратилась бригада, ушедших русских офицеров английскими, но это не удалось. Тогда он нашел в ней лихого человека, вступившего в казацкое войско в четырнадцатилетнем возрасте. Это был Реза-хан, быстро пробившийся в офицеры и прославившийся своим бесстрашием и жестокосердием. Получив современное оружие, он со своей частью совершил бросок из Казвина на Тегеран, захватил его без боя 21 февраля 1921 года, произвел нужные ему аресты и стал «сильным человеком».

Англо-иранский договор все-таки был отменен, но и советско-иранский заключен такой, что Ирану уступили все концессии и имущество, принадлежавшее Империи и русским подданным. Будучи военным министром, а потом премьером, Реза-хан заигрывал с шиитским духовенством и, в частности, покровительствовал великому аятолле Хаери Язди. Он рассыпал заверения, что желает способствовать независимости и процветанию Персии, наводил порядок, подавлял восстания племен, ездил в Кум, где договорился с шиитскими лидерами о преждевременности установления республики.

В конце 1925 года с согласия парламента Каджары были низвергнуты, и на престоле появился новый шах Реза, принявший претенциозную фамилию Пехлеви, которая ассоциировалась у иранцев с Сасанидами. На дочери Йездегерда, последнего царя этой династии, был женат, по преданию, имам-мученик Хусейн. Сразу же проявились диктаторские замашки шаха Резы и страсть к обогащению. Он грабил всех и вся и даже замахнулся на земли шиитской общины (к 30-м годам он уже владел двумя тысячами деревень).

У нового шаха был пример секуляризации и подражания западному образу правления. Он во многом копировал Ататюрка, незримыми узами связанного с мировым масонством, которое под многими личинами старалось перенять власть над душами людей любой религиозной принадлежности. Шах Реза запретил многие религиозные церемонии, провел закон, разрешавший женщинам не носить чадру, поощрял ношение европейского платья. А главное — ущемлял духовенство материально, реквизируя земельную собственность и другие источники дохода, которые жертвовали и завещали верующие религиозным учреждениям на нужды духовного образования, постройку и содержание мечетей, самих священнослужителей, на помощь бедным, что вменялось Кораном мусульманской общине.

Это не могло не вызывать возмущения Хомейни, как и всего прочего духовенства. Ему приписывают слова, будто бы сказанные еще молодым студентом в 1925 году:

«Иран примирится сам с собой лишь с исчезновением династии Пехлеви».

Известен такой случай: шах Реза публично ударил хлыстом по лицу аятолле Бафки в Куме, когда тот сделал резкое замечание супруге шаха, явившейся в мечеть при мавзолее святой Масумэ с

непокрытой головой. Молодой преподаватель Хомейни призвал своего наставника аятоллу Хаери дать отпор шаху, но у того не хватило духу сделать это. Недовольно было исламское духовенство и желанием шаха прославлять величие доисламского Ирана, а также возрождением зороастризма. Кроме мусульманского календаря лунной хиджры, был введен солнечный календарь. Детей стали называть древними арийскими именами, заговорили о чистоте арийской расы, разрабатывалась национальная идеология, которая претитла аятоллам, исповедовавшим исламский интернационализм.

Иранское духовенство, на которое влияла официальная пропаганда, не отстаивало свои взгляды. Ансари, директор Института по изучению трудов Хомейни, пишет: «Даже изучение и преподавание мистицизма (эрфана) и философии, которое подстегивало процесс мышления, пробуждение сознания, было запрещено крючкотворами и отдельными ленивыми представителями духовенства. Положение было таково, что на имама Хомейни началось гонение, его вынудили прекратить чтение лекций по философии, мистицизму и этике».

В 1937 году Хомейни совершил паломничество в Мекку и Неджеф. К тому времени минутах в пятнадцати ходьбы от семинарии Фейзие у него был просторный дом для разросшейся семьи, часть которого и стена сада выходят на узкую улочку. Ныне он не носит мемориально-музейного характера, а поддерживается и убирается соседями, использующими его для собраний и совместных молитв.

Живущий неподалеку аятолла Нури в свое время учился у Хомейни. Сидя на ковре за низеньким письменным столиком в своем кабинете с книжными полками вдоль всех стен (думается, что такая же обстановка была и у Хомейни), он рассказал мне много подробностей последующей бурной жизни своего учителя, характеризовал его как человека чрезвычайно нравственного, спокойного и терпеливого в обращении с учениками, со *светлым*, по его выражению, лицом. Несмотря на погруженность в теорию, имам любил поговорить о политике, считая, что роль ислама в обществе и государстве надо поднимать, воздействуя на мораль и судьбу каждого человека.

В 1937 же году скончался великий аятолла Хаери Язди, которого Хомейни почитал, как замечательного исламского ученого, талантливого хранителя духовных ценностей, предпочитавшего, однако, не вмешиваться в политику. Почитал он и другого улема, Модарреса, который весь жил в политике с 1910 года, когда его уполномочили богословы в числе пяти муджахидов контролировать работу парламента, а потом сам стал его членом, не допустил принятия

кабального договора с Англией, сидел в тюрьме и достиг такого влияния в народе, что справиться с ним шах Реза мог лишь, отдав приказание убить... В постный месяц Рамазан 1937 года во время ночного разговения его отравили, а для верности еще и задушили, придумав для народа какую-то нелепую историю.

У Хомейни накопился к шаху большой счет...

От будущих союзников в войне с гитлеризмом не ускользнуло внимание Германии к стране, где появился культ древнеперсидских империй, исключительности арийцев и оказалось немало немцев. После нападения Германии на Россию Черчилль предложил Сталину совместную военную кампанию в Иране.

Уже в сентябре 1941 года советские войска с севера, а английские с юга вошли в Иран. Шаха заставили отречься в пользу своего сына Мухаммеда Резы Пехлеви, которому было всего 22 года.

Объявленный уже в детстве престолонаследником, он соответствующим образом воспитывался английскими и немецкими гувернерами, учился в Швейцарии, а потом закончил военное училище в самом Иране. Характером был в отца, но долгие годы скрывал свою склонность к деспотизму. Бывшего шаха отправили на английском корабле в Южную Африку, где он и скончался через три года от огорчения.

В 1942 году через Иран хлынул поток грузов в СССР по лендлизу, и в страну были введены под предлогом охраны коммуникаций американские войска, что и положило начало затянувшейся «защите интересов США» в районе Персидского залива, так богатого нефтью...

А в 1943-м состоялась знаменитая Тегеранская конференция с участием Черчилля, Рузвельта и Сталина, которого Хомейни потом особенно выделял из тройки за «любовь к церемониалам и аристократизм», заключавшийся в том, что Сталин привез с собой дойную корову и попивал каждое утро парное молочко.

Дабы не делать серьезных заключений, вспомним неприхотливость обоих вождей, бескорыстных настолько, что из личной собственности после кончины одного осталась ношенная шинель и опорки, а другого — четки и молитвенный коврик.

Кстати, тут было бы уместно отметить невероятную работоспособность каждого из них до положенного жизненного предела. Разница была в том, что Сталин заканчивал работу к утру, дер-

жа в напряжении всю свою партийную бюрократию и заставляя ее вставлять спички в глаза, а Хомейни всю жизнь ложился спать ровно в десять вечера и вставал затемно, чтобы подготовиться к первому намазу.

И еще раз кстати, я увидел в саду российского посольства того самого, знакомого по фотографии, бронзового Грибоедова, что сидит, скрестив ноги и углубившись в чтение какой-то бумаги в кресле... Он оказался метровой статуэткой, но россиянки мальчишки отломали металлическую бумагу, зажатую в бронзовой руке, в которую, вместо нее, всунули пачку обесценившихся купюр, видимо, в отместку за двойки по уже никому не нужной классической литературе. В нынешние времена даже двухсотлетие со дня его рождения прошло незамеченным, а могила находится в иностранном государстве, в Грузии, которая вместе с Арменией во многом обязаны ему своим существованием.

Статуэтка — шагах в десяти от парадной лестницы, на площадке которой была сделана известнейшая фотография Сталина, Черчилля и Рузвельта. Ради безопасности Рузвельт жил на территории этого бывшего посольства СССР, а Черчилль — в английском посольстве напротив, на другой стороне улицы, через которую перекинули тогда мостик, чтобы ему было удобно ходить на заседания, где ему приходилось против воли, стиснув зубы, вставать при появлении Сталина.

В том же, 1943, году случилось два события, весьма приметных в жизни имама Хомейни.

Первым было создание книги «Раскрытие секретов», ради окончания которой он даже взял двухмесячный отпуск. Этот глубокий ученый труд с очевидной политической подоплекой сразу же сделал его имя широко известным. Он как бы спорил с шумевшим памфлетом Али Хакимзаде «Тысячелетние секреты», в котором тот подверг сомнению историческую состоятельность шиитских мифов.

В памфлете явно прослеживалось влияние ваххабитов, религиозно-политического движения в суннизме, основанного в XVIII веке проповедником Аль-Ваххабом и требовавшего возвращения к раннему исламу, отказа от поклонения святым местам, что считается «идолопоклонством», от новшеств в одежде, культе. В свое время ваххабиты осквернили могилы мусульманских святых

в Медине и других местах, а по некоторым сведениям, и могилу самого пророка Мухаммеда. Тем не менее, ваххабизм распространяется во многих странах и ныне укрепляет свои позиции в Чечне и Дагестане.

Трудно судить о книге, не переиздававшейся и в самом Иране, поскольку почти за полвека произошла трансформация некоторых взглядов имама Хомейни, но мне удалось вычитать отрывки из нее в труде на английском языке, изданном без указания года в Лондоне Хусейном Мусавианом. В своей книге сорокалетний богослов впервые доказал всем, что прекрасно разбирается и в политических хитросплетениях. Приведу несколько примеров такой его прозы в переводе на русский:

«Религия — это единственное, что удерживает человека от предательства и преступлений. К сожалению, власть имущие в Иране имеют искаженное представление о религии или вообще не верят в Бога. Эти демагоги, судорожно твердящие о защите интересов страны, на самом деле радуют лишь о собственных интересах. Если кандидат в члены парламента тратит так много на скупку голосов, то это только потому, что он, будучи избранным, намеревается обогатиться еще больше. Проведя несколько месяцев на своем посту, заведомо бедный министр становится обладателем большого богатства. Так служат ли они стране от всего сердца?».

Вчитываясь в эти слова, вы начинаете понимать, что они универсальны для того мира, в котором мы живем, и если раскавычить их, то мысли имама вполне можно вписать в новейший трактат о сущности и диктатуры, и разнузданной демократии, и продажного всевластия чиновников при любом режиме.

«И разум, и опыт говорят нам, что правительства, ныне существующие в мире, утвердились силой, на остриях штыков, — писал он. — Ни одна из монархий или правительств не опирается на справедливость или основу, приемлемую для разума. Основы их насквозь прогнили и являются ничем иным, как приращением и насильем».

Со ссылкой на узурпацию власти Реза-ханом в 1925 году Хомейни доказывает:

«Разум не может примириться с тем, что человек, который ничем не отличается от остальных по своим достоинствам и, возможно, даже хуже их, считает свою власть правильной и справедливой, а свое правление законным только потому, что ему удалось окружить себя бандой для грабежа страны и убийства ее граждан».

«Вы знаете, что такое справедливость? Если не знаете, спросите свой разум, потому что разум подобен глазам человека. Справедливость — это, когда каждому дозволено свободно распоряжаться собственностью, добытой законными средствами, а несправедливость — это, когда кому-то дозволено нарушать закон в отношении собственности и прав других. Это несправедливо и грешно, кем бы правонарушитель ни был, какой бы властью он ни обладал, и каким бы темным и бессильным ни был человек, обреченный на страдание таким угнетением».

«Многое можно было бы сказать еще из продуманного, но где те уши, которые услышат меня, где я встречу понимание? Короче говоря, эти слабоумные и коварные правители, эти чиновники — высшие и низшие, эти нечестивцы и вымогатели должны быть сменены ради изменений в стране. Иначе вы испытаете времена похуже нынешних, времена настолько худые, что настоящее в сравнении с ними покажется раем».

Хомейни критиковал секуляристскую политику шаха Реза Пехлеви и ее защитников из среды духовенства, привлекая многие исторические факты, а главное — в этой книге впервые прозвучала мысль о необходимости руководства страной мусульманским правоведом на весь срок «сокрытия» двенадцатого имама, до явления Махди. Он остался верен этой идее всю жизнь и через тридцать пять лет приблизился к ее осуществлению вплотную.

Вторым, нами упомянутым, знаменательным событием в жизни Хомейни было его сближение с сейидом Мухаммедом Боруджерди, который впервые обрел популярность, когда в 1943 году совершил паломничество из родного Боруджерда в священный город Мешхед к гробнице восьмого праведного имама Резы и по дороге остановился в Куме. После кончины аятоллы Хаери ученое духовенство не имело явного лидера, и всех поразили глубокие знания Боруджерди, его умение произносить проповеди и вести

диспуты. В 1944 году по требованию шиитской элиты, студентов, паломников он поселился в Куме и был признан великим аятоллой и «вождем шиитов всего мира».

Незадолго до этого Хомейни выпустил первую в своей жизни декларацию, в которой призывал исламских ученых и мусульманское общество едва ли не к восстанию, признавая однако, что при нынешнем состоянии умов скоро рассчитывать на это не приходится. Но талибы (студенты) нашли в декларации созвучие собственным настроениям. Отношения будущего имама с учениками стали доверительней, что имело далекие последствия. Образовывался круг, которому предстояло сыграть значительную роль в грядущей революции.

Число его учеников росло. Любопытно, что единого списка студентов медресе не существовало. У каждого муджахида, как говорят специалисты, был свой список учеников, который он никому не показывал. Это повелось еще со времен средневековья. Отбирались молодые люди, которые, наряду с благочестием и способностями, обладали физической силой, храбростью и способностью с оружием в руках защищать своих наставников.

Однако аятолла Боруджерди не собирался заниматься политикой. Он сплотил духовенство, на крупные пожертвования содержал медресе и реставрировал мечети не только в Куме и Мешхеде, но и в священных городах Ирака. В 1949 году в медресе Фейзие он провел конференцию-диспут об участии духовенства в политической жизни и настоял на резолюции, запрещавшей тому под любым предлогом вступление в политические партии и организации.

Не все придерживались этой точки зрения в то время, когда иранское общество стало ареной борьбы различных идеологий. Появилось множество правительственных, оппозиционных и даже военизированных исламских организаций. Усилилась прокоммунистическая Народная партия (Туде). Активизировались религиозные меньшинства.

Шах Мухаммед Реза настоял на поправке в конституции, дававшей ему право распускать парламент без ограничений, и тогда же объявил Туде вне закона.

Назревало событие, оказавшее влияние на экономическую обстановку в целом мире. Доктор Мосаддык создал Национальный фронт и выступил за национализацию Англо-иранской нефтяной компании, которая платила больше налогов английскому правительству, чем концессионных денег Ирану. Он выиграл выборы 1951 года и добился своего в 1953 году. Его поддерживал аятолла Кашани, соперник Боруджерди.

Хотя английский и американский флоты бороздили воды Персидского залива, шахскую гвардию разоружили, а сам Мухаммед Реза бежал в Италию. Однако ЦРУ и Моссад спланировали свержение Мосаддыка, а военные осуществили переворот. Шах вернулся в 1955 году и расстрелял неверных ему офицеров. 7 англо-американских компаний создали Международный нефтяной консорциум. 40% акций отошли к Бритиш Петролеум, 35% — к американской Стандард Ойл. Ирану дали 50% чистой прибыли. Шах разбогател и с тех пор стал верным слугой неокOLONиальных держав, а в отношении своего народа усвоил диктаторские замашки.

Хомейни же по-прежнему живет в Куме и следует указаниям Боруджерди. Он не вмешивается ни в какие политические передеряги и размеренно, том за томом, выпускает свои труды, имеющие чисто теоретическо-религиозное значение. Еще не пришло его время. Из любопытства можно подсчитать: за семнадцать лет (1944-1961) им написано и издано более тридцати толстых фолиантов различных исследований и комментариев к священным книгам.

Он стал свояком Боруджерди, выдав одну из своих дочерей за его сына. Он выполнял поручения великого аятоллы и порой встречался с самим шахом. Об этих встречах ходят легенды, одну из которых я слышал от аятоллы Нури. Однажды будто бы шах посетил дом Боруджерди в Куме, когда там был Хомейни, который не встал при появлении Мухаммеда Резы. Великий же аятолла приветствовал властителя стоя. Когда шах ушел, Хомейни заметил, что вставать перед таким человеком не стоило бы. На что Боруджерди будто бы ответил: «Я должен растить вас на благо школы. Противостоять будете потом».

В конце 50-х годов Хомейни стал аятоллой, а в 1961 — великим аятоллой.

Американцы давно нацелились на иранский рынок сбыта и нефтяные богатства. Американского финансового советника еврея Шустера, грабившего страну до 1911 года вместе со своими соплеменниками, устранили не без помощи русской воинской части. С 1942 года, когда американские войска вошли в Иран, к правительству молодого шаха был приставлен советник Милспо, получивший чрезвычайные экономические и финансовые полномочия. Иранскую жандармерию возглавил тоже американский советник.

После 1955 года не было почти такой области экономики и культуры, куда бы не вмешивались американцы. Особенно они стара-

лись направить усилия шаха на борьбу с левыми, не предполагая, что главный удар будет нанесен со стороны духовенства, которое пока молчало, накапливая недовольство начавшейся «вестернизацией».

Шах Мухаммед Реза, чрезвычайно амбициозный человек, был и главнокомандующим, мог распускать парламент по своему усмотрению, хотя с подачи своих американских советников очень много говорил о демократии. Он разрешал существование различных партий, что, как мы теперь и сами прекрасно знаем, ничего не меняло.

Все в стране было под бдительным оком тайной полиции САВАК, созданной в 1957 году. Служащие ее обучались тайнам сыска и изощренным пыткам в Израиле. В самом Иране ею руководили израильские советники. Это становится понятным, когда мы узнаем, что среди самых богатых семей Ирана в то время, прибиравших к рукам банки, промышленность, земли, разорвавших миллионы ремесленников и крестьян, было немало людей с двойным гражданством.

Агенты САВАК и полиция никогда не трогали крупных предпринимателей и владельцев, скажем, супермаркетов, но были настоящими «рэкетирами» в отношении ремесленников и базарных торговцев. Придет время и Хомейни скажет:

«Наша страна стала базой для Израиля. Наш базар также находится в его руках. Если такая ситуация продлится и мусульмане останутся индифферентными, наши базары перестанут существовать».

Это было написано по поводу передачи шахом некоторым еврейским семьям монопольного положения в торговле.

Недаром так ненавидят имама Хомейни, Иран, его революцию «все прогрессивное человечество» и купленные на корню средства массовой информации. В 1959 году шах заключил с США военное соглашение, которое предусматривало не только перевооружение армии американской техникой и пребывание в стране десятков тысяч советников, но и введение американских войск в случае угрозы шахскому режиму.

Многие иранские авторы утверждают не без основания, что политическая деятельность Хомейни не прерывиста, что он готовился к ней со времени написания книги «Раскрытие секретов», после которой студенты валом валили на его лекции, что само преподавание богословия и мусульманской юриспруденции

позволило ему выковать несколько поколений будущих революционеров. Вспоминают, что он особенно любил заниматься с молодыми людьми, не слишком твердыми в своих религиозных убеждениях и настроенных скептически. Если такой человек являлся в Кум, встревоженный путаницей в мыслях, Хомейни отменял уроки дня на три и посвящал их целиком колеблющемуся, пока в споре не одерживал победы и не рассеивал чужие сомнения.

От увлеченного своим делом преподавателя студенты часто могли слышать: «Тема, которую я затрону сегодня, еще никем не исследовалась!». Не раз отмечалось, что в своих многочисленных трудах он придерживался арабских и персидских традиций, но излагал тему живо, заботился о композиции. Что же касается его языка и словосочетаний, то многие меткие слова и выражения вошли в живую речь. Правда, это касается его публичных выступлений, а не ученых трудов, слишком насыщенных специальными терминами.

Нынешний первый человек Ирана, рахбар — духовный вожь, аятолла сейид Али Хаменеи, президент страны ходжатольслам сейид Мухаммед Хатами (1998 г. — Д.Ж.), председатель Совета по принятию целесообразных решений аятолла Хашеми Рафсанджани, спикер собрания экспертов аятолла Али Мешкини, глава судебной системы аятолла Мухаммед Язди, спикер парламента (меджлиса) ходжатольслам Али Нури — все прошли выучку у аятоллы Хомейни в Куме, не раз арестовывались шахской охранкой и были самыми активными деятелями исламской революции.

Все они внимали его речам, смысл которых не менялся со времени написания книги «Раскрытие секретов», в которой он советовал:

«Порой войны необходимы ради обороны... например, когда враг наступает, или хочет завоевать исламские города, или хочет заключить мусульман в тюрьму, или хочет конфисковать их собственность. Во всех подобных обстоятельствах необходимо, чтобы жители страны защищали свои жизни и собственность и вели войну против иностранцев...».

Итакое время пришло. 1962 год стал переломным в истории Ирана.

Скончались великий аятолла Боруджерди, ладивший с шахом, но в последние годы все чаще высказывавшийся против шахских нововведений, и великий аятолла Кашани, который в свое

время поддержал Мосаддыка и приводил шаха в ярость своими требованиями не подрывать религиозные представления народа, а также осуждением иностранного вмешательства во внутренние дела страны.

Преемник Боруджерди не был назван духовенством, но на роль авторитетного лидера все чаще претендовал Хомейни, оторвавшийся от своих ученых изысканий и ставший проявлять политическую активность, которая с каждым днем увеличивала его популярность среди верующих.

Еще 25 мая 1961 года президент Кеннеди, обращаясь к Конгрессу США, заявил, что «никакое оружие или войска не могут обеспечить безопасность (шахскому режиму — Д.Ж.), если не будут проведены экономические и социальные реформы». В январе следующего года был принят закон о земельной реформе, который приветствовала и «Правда», несмотря на «холодную войну».

Но все началось с законопроекта о создании провинциальных и уездных советов, опубликованного в октябре 1962 года и предусматривавшего, что кандидату не обязательно быть мусульманином, и что давать присягу можно на любой священной книге других религий, а не только на Коране. Несмотря на распространенные настроения отделения религии от политики, это было воспринято как оскорбление ислама.

Хомейни собрал виднейших ученых Кума в доме покойного Хаери Язди. Результатом были телеграммы протеста шаху и правительству, послания духовенству всей страны. Все это публиковалось в газетах и обсуждалось на религиозных собраниях. 1 ноября в стране закрылись базары и многие предприятия. Выработывалась тактика постепенного нажима и подготовки революционной ситуации. Хомейни произносил речи, в одной из которых отпустил саркастическую реплику:

— Он (шах — Д.Ж.) говорит: «Мне нет никакого дела до духовенства». Ваше Величество, до вас у духовенства дело есть.

Так в чем же все-таки было дело с этими советами и присягой? Судя по многочисленным интервью и речам имама в то время, он воспользовался возможностью разоблачить тайные отношения между шахом и Израилем, и раскрыть вмешательство сионистов в мусульманские дела. Ясно, кем бы заполнились советы.

Законопроект похерили. И объявили об этом в печати.

9 января 1963 года шах объявил «Шесть пунктов Белой революции», звучавших весьма привлекательно: уничтожение феодальной

системы и земельная реформа, национализация лесов и пастбищ, приватизация государственных предприятий с выкупом рабочими акций, избирательные права для всех, борьба с неграмотностью.

На первый взгляд, прогрессивные цели были очевидны. Шах вынес их на всенародный референдум, намеченный на 26 января.

Аятолла Хомейни проницательно предвидел, что референдум носит показной характер и усилит в стране влияние Израиля и Америки, расстройство экономики, скупку предприятий жуликами и иностранцами, посылку в деревни агентов САВАК под видом членов Корпуса ликвидации неграмотности и установление там контроля в противовес духовенству, а главное — он *«станет основой уничтожения законодательных принципов, связанных с религией»*.

Забегая вперед, скажем, что реформы вылились в то, что мы можем наблюдать ныне у себя. Акции, которые предложили рабочим выкупить в кредит, оказались чем-то вроде «ваучеров» из-за разорения мелких предприятий крупными. Крестьянство в новых условиях тоже разорялось и подавалось в города, где был переизбыток рабочей силы. 20 тысяч деревень исчезло с лица земли. По мелким торговцам и ремесленникам ударила инфляция и закон по борьбе со спекуляцией, требовавший от них фиксированных цен, которых не придерживались шикарные магазины.

Крупная буржуазия души не чаяла в монархе. «Новые иранцы», если их так можно назвать, проводили время в расплодившихся казино и публичных домах. Кинотеатры и телевидение затопила низкопробная американская продукция. Громадный процент населения оказался ниже черты бедности, что влекло за собой рост преступности, проституцию, наркоманию...

Проницательный имам персонифицировал угрозу и сделал заявление:

«Итак, мы лицом к лицу стоим личности шаха, который, несмотря на попытку выжить, несмотря на притворное отступление, угрожает осуществить программу, враждебную нации. Он не только не отступит, но без колебаний употребит силу для борьбы с оппозицией. Поэтому нам следует не ждать отступления, а сразаться с его режимом...».

Это уже был прямой вызов. Демонстранты высыпали на улицы во многих городах. Полиция их разгоняла, давила колесами броневиков. В Тегеране в беспорядках участвовали и студенты универси-

тета. Летели кирпичи, камни, бутылки. Религиозные деятели повсюду поддерживали протестующих.

23 января агенты САВАК ворвались на собрание духовенства в Куме и произвели аресты. Демонстрация тегеранских студентов была разогнана нанятым хулиганьем, кричавшим: «Да здравствует шах!». По мере приближения дня референдума — 26 января, тюремные камеры заполнялись все больше.

На подступах к дому Хомейни в Куме толпились тысячи людей. На площади Астане разломали полицейские автомобили. Тогда в город прибыла колонна грузовиков с солдатами, открывшими по толпе огонь, рняя и убивая людей.

Когда улицы и семинарии были очищены от народа, жителям приказали не покидать жилищ. Ждали шаха.

Один из современников этих событий вспоминал:

«Массы так привыкли к реакционным идеям отделения религии от политики, что с негодованием встречали всякое вмешательство религиозного лидера в даже малейшие политические дела. Но в результате проповедей имама, их понимание роли высшего духовенства в решении государственных дел изменилось фактически мгновенно».

Круг тем проповедей имама все расширялся. Теперь он говорил о неокOLONIALИЗМЕ и необходимости борьбы за независимость, предупреждал об опасности интернациональной солидарности угнетателей.

«Я считаю своим религиозным долгом перед иранским народом и мусульманами во всем мире заявить, что священный Коран и ислам в опасности. Политическая независимость народа и его экономики находится под угрозой поглощения сионизмом. Если фатальное молчание мусульман продолжится, сионисты вскоре захватят всю экономику страны и уничтожат мусульманскую нацию. Пока эти опасности не будут устранены, народ не должен молчать, а если кто будет так поступать, то он будет проклят в глазах Всемогущего Бога...».

Многим иранцам такие заявления раскрывали глаза. Они начинали понимать, что творится за стенами шахского дворца, понимать причины своих бедствий. С закрытием дверей парламента

и сената еще в 1961 году, политические дебаты были перенесены в народную гуцу.

А тем временем режим принимал все меры для дискредитации духовенства. САВАК и его агенты распускали слухи о его отсталости и игре на невежестве народа. Жирующие богачи выставлялись двигателями прогресса. На январь 1963 года в Тегеране был подготовлен парад эмансипированных женщин, на что население ответило забастовками и демонстрациями. Духовенство показало, что оно еще не потеряло своего влияния на верующих, собиравшихся каждую пятницу на общую молитву в тысячах мечетей.

Имам, которому докладывали о событиях, сказал с удовлетворением: «*Слава Богу, режим разоблачил себя. Этого мне и хотелось».*

Губернатор Кума призвал к себе аятоллу и его коллег, извинился за суровые меры и предложил встретиться с шахом, дабы уладить разногласия. В ответ аятолла заявил, что после произошедшего о такой аудиенции не может быть и речи. Он потребовал сместить премьер-министра и освободить арестованных.

Потом беседовали с каждым в отдельности, уговаривали прийти на встречу, угрожая закрыть в Куме богословский центр вообще. Но все ссылались на волю Хомейни.

Город заполнили солдаты и агенты тайной полиции. Снайперы сидели даже на минаретах. Когда кортеж машин остановился у священной гробницы Масуме, шах в первую очередь спросил:

— Где духовенство?

Узнав, в чем дело, он долго сквернословил, а потом побежал в направлении, не предусмотренном протоколом. Речь его, произнесенная истерично перед толпой одетых в штатское агентов, изобиловала словами «черные реакционеры», «пособники коммунистов», «предатели»... После речи шах Мухаммед Реза тотчас укатил в Тегеран.

Хотя 26 января улицы многих городов были забиты грузовиками с солдатами, а участки для голосования пустовали, пресса сообщила о ликовании народа и том, что на референдуме предложенные реформы получили 99,99% голосов.

Первым шаха поздравил Джон Кеннеди. Радио Москвы тоже хвалило реформы и называло их противников «западными агентами и реакционерами».

Но приближались события еще более грозные, приближался Новый, 1342 год (21 марта 1963). Аятолла Хомейни предложил духовенству Кума отметить его встречу трауром по жертвам режима. Были посланы вестники в священный город Мешхед, в Тегеран, Шираз, Тебриз, Исфахан и другие города. На Новый год аятолла выступил перед собравшимися в семинарии Фейзие, говорил о чести мусульман, поставленной на карту, о беспощадности режима, который своими изменениями конституции хочет оскорбить и привести к деградации народ Ирана. Свое неприятие женского равноправия он объяснил тем, что будет разрушена традиционно крепкая иранская семья, восемнадцатилетних девушек увлекут в «центры коррупции», где проституируется все. Он предположил, что «белая революция» это всего лишь средство укрепить позиции в стране американских сионистов, тех самых, которые наделали бед в Палестине и теперь развязывают себе руки здесь. Он призвал режим Пехлеви сойти со сцены и передать власть *«правительству, которое придерживается исламских принципов и разделяет печали иранского народа»*.

Речь, доведенная до сведения миллионов иранцев, во время совместных намазов, произвела громадное впечатление. Шах был вынужден сделать официальное опровержение, доказывая, что ни одна из законодательных мер не направлена против ислама, и представляя себя защитником Ирана.

Против духовенства повелась массированная пропаганда, но траурные церемонии в мечетях все равно проводились. В религиозных центрах студенты носили черные флаги с надписями: «Мусульмане не празднуют прихода этого Нового года».

Расплата за свободумысли последовала скоро. На другой же день после публикации новогодней речи аятоллы бронированные машины Имперской гвардии окружили Кум и ворвались в город. Дворы семинарий были забиты крестьянами, ремесленниками, торговцами, собравшимися со всей страны послушать аятоллу. Они не расходились, несмотря на его предупреждение:

— Приготовьтесь умереть, сесть в тюрьму или быть забранными на военную службу. Приготовьтесь к нападению и оскорблениям, приготовьтесь к трудностям, защищая ислам и независимость...

Аятолла Хомейни неустанно повторял в проповедях, что режим не остановится ни перед какими преступлениями ради достижения своей цели. И в то же время он говорил, что без жертвенности,

страдания и риска подвергнуться пыткам и попасть в тюрьму невозможно добиться священных целей исламского революционного движения.

Однако он еще надеялся на то, что шах образумится. Напрасно.

22 марта, на второй день праздника, в Фейзие началась траурная церемония, как и задумывалось. В разгар ее солдаты предприняли штурм семинарии. Ворвавшиеся били преподавателей, студентов, всех, кто попадался под руку. С крыш стреляли в мечущихся по двору людей.

Собравшиеся снаружи люди бросились на помощь. Их лупили прикладами и травили слезоточивым газом. В помещениях разжигали костры из документов и священных книг. То же происходило в семинарии Талибие в Тебризе.

Весть об инциденте разнеслась повсюду, несмотря на меры предосторожности, принятые САВАК. Люди навещали в больнице раненых, а потом тех выкидывали на улицу с незатянувшимися ранами.

Аятолла издал фетву, в которой заявлял, что все члены мусульманской общины и духовенство обязаны извещать массы о действительном состоянии дел и докладывать о любом вреде, причиненном исламу или национальной независимости режимом Пехлеви. Это закрывало двери компромиссу, о котором подумывали некоторые священнослужители.

В результате нечто вроде забастовки духовенства парализовало религиозную и преподавательскую деятельность в крупнейших городах и показало, как силен авторитет аятоллы Хомейни и как слаба шахская власть, неспособная влиять командным порядком на содержание проповедей.

В знак солидарности владельцы лавок на базарах и магазинов закрывали свои заведения. Начались аресты. Агенты САВАК рвали студенческие билеты и забирали талибов в армию. Аятолла Хомейни обратился с призывом служить честно, как полагаются «солдатам Махди», поддерживать у других солдат религиозные чувства, совершенствоваться физически и не срамить своего духовного звания.

Выполняя волю аятоллы, эта молодежь читала Коран в гарнизонных мечетях и своим поведением, нравственностью вносила свежую струю в удушливую казарменную жизнь.

На сороковой день после побоища в стенах Фейзие аятолла обратился к нации, обвиняя шаха в нарушении законов и жестоко-

сти, и предложил читать похоронные молитвы, поминая ислам и Иран.

В одной из своих речей имам так характеризовал своего монарха:

«Этот тип посылает своего шефа полиции и чиновников своего проклятого правительства по домам почтенных людей. Я даже не пустил их на порог, возжелая выбить им зубы. Они разослали своих агентов по домам почтенных священнослужителей, извещая их о том, что его величество пригрозил: Скажите супротив слово, и ваши дома будут взорваны, их крыши упадут на ваши головы».

Между тем приближался мухаррам, месяц скорби по третьему безгрешному имаму Хусейну, сыну Али и младшему брату Хасана, первого и второго имамов шиитов. С отрядом в 70 воинов в 680 году он выступил против 4-х тысячного отряда суннитского халифа Язида из династии Омейядов у местечка Кербела и пал в неравном бою, получив десятки колотых и рубленых ран. Голова его была доставлена халифу в Дамаск. Хусейн признан величайшим мучеником, а Кербела — одной из главных святынь и мест паломничества шиитов.

Когда шииты молятся, они на коленях склоняются и касаются лбами положенных на ковры красных шайбочек из глины, добытой в Кербеле и пропитанной, по поверью, кровью безгрешного имама Хусейна. Каждый год 10 мухаррама отмечается главная дата шиитского религиозного календаря, названная «Ашурой». Совершаются траурные шествия, в мистериях воспроизводятся эпизоды злополучной битвы. Все горестно кричат:

«Шах Хусейн, вай Хусейн!», что сливается для европейца в восклицание «Шахсей-вахсей», которое и стало для них названием Ашур. Прежде многие наносили себе кровоточащие раны, что запечатлено на картине великого художника В.В. Верещагина. Остро и действительно проявляет себя характерный для шиитов культ жертвенности, мучеников за веру (шахидов).

Религиозные церемонии в 1963 году были запрещены правительством, но аятолла Хомейни 3 июня читал в Куме проповедь, в которой сравнивал режим шаха с приспешниками Язида Омейяда и призывал духовенство и всех верующих сказать свое слово про-

тив шаха и его американских и сионистских советников. О себе он сказал:

«Я ныне выставляю свое сердце против острия ваших штыков, но никогда не поддамся вашим угрозам, не признаю вашего угнетения и деспотизма».

Первые религиозные демонстрации начались в Тегеране. Сожатыми кулаками люди проходили мимо шахского Мраморного дворца, выкрикивая: «Смерть диктатору!». Распространялись листовки с портретами аятоллы и его призывами. Участники траурных процессий во всех крупных городах разбивали витрины магазинов, переворачивали автобусы... Были попытки захватить правительственные здания. Продолжал звучать голос аятоллы Хомейни:

«Иранский народ! Те, кому за тридцать или сорок, помнят, как три державы напали на нас во время Второй мировой войны. Собственность людей подвергалась опасности, их честь была попрана. Но Господь знает, что все были счастливы, потому что шах Реза Пехлеви исчез!».

Он обращался к нынешнему шаху:

«Несчастный, прошло сорок пять лет твоей жизни. Не пора ли тебе подумать, поразмыслить немного о том, куда все это заведет тебя, извлечь урок из опыта своего отца?...».

Пройдясь по советникам шаха, он предрекал:

«Неужели ты не понимаешь, что однажды случится взрыв, и столы будут перевернуты, но никто из этих людей, окружающих тебя, не окажется в твоих друзьях? Они друзья доллара. У них нет ни религии, ни верности. Они затают удавку ответственности на твоей жалкой шее!».

Знаток жизни имама Хомейни господин Ансари сравнивает подобные слова с ударами молотка по голове шаха, одурманенной властью и тщеславием.

* * *

Шах отдал приказ заглушить голос, призывавший к восстанию. 4 июня 1963 года были арестованы друзья и сторонники аятоллы. Следующий день, 15 хордада 1342 года по иранскому летоисчислению, вошел в историю страны как «благодатное зерно революции», брошенное в почву и взошедшее через 15 лет — 22 бахмана 1357 года (11 февраля 1979).

В 3 часа утра сотни десантников перекрыли все пути из Кума. Агенты безопасности не знали, что с начала мухаррама аятолла решил ночевать в доме своего сына Мустафы, стоявшем напротив. Хомейни не спалось. Он встал, чтобы помолиться и услышал какое-то движение со стороны собственного дома. Разбуженный Мустафа поднялся на крышу и увидел лезущих через забор чужаков. Вскоре внимание аятоллы было привлечено криками его помощников, которых начали избивать в его доме агенты охраны. Он решительно направился к калитке. При виде первых же агентов, он громко сказал:

— Я Рухолла Хомейни. Почему вы бьете этих людей?

И вот тут надо помнить, что все это происходит все-таки в исламской стране. Агенты смешались и стали бормотать:

— Мы пришли, чтобы засвидетельствовать вам свое уважение, мы верующие мусульмане. Мы никого не били...

Улочка, разделяющая ряды домов там очень узкая две машины не разъедутся. По словам одних соседей, подъехал черный фольксваген. Другие говорили мне, что БМВ. Аятоллу посадили в машину и повезли в Тегеран. Мне рассказывали, что по пути аятолла еще и утешал агентов.

Сначала его держали в Офицерском клубе, потом перевели в тюрьму Каср.

Весть об аресте аятоллы разнеслась по Куму и окрестностям. Люди шли к его дому и кричали: «Хомейни или смерть!». На центральной площади слышались автоматные очереди. В небе барражировали самолеты.

На подступах к Тегерану танки расстреливали людей, шедших в столицу. Громадные толпы собрались у базара и в центре города. С южной стороны колонны демонстрантов вели два человека по фамилии Резаи, которых в ноябре того же года приговорили к смертной казни. Друг шаха генерал Фардуст рассказывает в своих мемуарах, какая паника царила в окружении шаха и как американцы подбирали кадры для подавления восстания, действуя примерно так же, как много позже в Москве при расстреле парламента.

Был отдан приказ стрелять на поражение в самом Тегеране и других крупных городах. Было убито и тяжело ранено тысяч пятнадцать человек. Заработали военные трибуналы и тюрьмы снова переполнились. В газетах инициатива восстания почему-то приписывалась агентам Гамаль Абдель Насера¹.

Восстание было подавлено, но началась крупнейшая кампания по освобождению аятоллы Хомейни, которого на девятнадцатый день перевели в тюрьму военной базы в Эшратабаде. На допросах он отказался отвечать наотрез, в одиночке читал историю иранской конституции и книгу Дживахарлала Неру.

В Тегеран стекалось духовенство со всего Ирана и требовало освобождения аятоллы, что и было сделано. Однако его непустили домой, а поселили в тегеранском районе Давудия, изолировав мощной охраной. В тот же день у дома собралась громадная толпа, которую немедленно разогнали солдаты. Информационное агентство сообщило лживую новость о том, что аятолла и шах пришли к взаимопониманию. Хомейни перевозили из дома в дом, пока не стало понятно, что это напрасная трата времени, и 7 апреля 1964 года он был доставлен в Кум со специальным правительственным эскортом.

Горожане устроили большое празднество по этому поводу, на котором аятолла опроверг утверждения о своем соглашении с режимом не вмешиваться в политику. Он сказал:

«Реформы не делаются штыками. Сегодняшний праздник не имеет смысла. Народ будет скорбеть по погибшим 15-го хордада, пока существует».

* * *

15 апреля в мечети Азам в Куме аятолла произнес большую речь о мучениках 15 хордада. Тысячи священнослужителей, студентов, торговцев, паломников зарыдали с первых же слов. Он рассказывал о своем состоянии после ареста, защищал ислам от обвинений в реакционности пронзительными словами... Пересказывать речи — дело неблагодарное.

¹ Уже 8 июня московская газета «Известия» сообщила о событиях с откровенной неприязнью, подчеркивая, что толпы бунтовщиков, подстрекаемые муллами, воспользовались религиозным праздником, бесчинствовали на улицах Тегерана и главных исламских центров, пытаясь сорвать антифеодальные реформы шаха. Уже одно это говорит о том, что просионистски настроенные советники коммунистического руководства в нашей стране готовились и ждали своего часа.

Впрочем, хотелось бы дать общее представление о риторической манере аятоллы и его откровенных высказываниях.

Как всегда, он начал с формулы: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного», на этот раз присовокупив к ней стихи:

Я нахожу убежище в Боге от проклятого сатаны.

Мы, Божьи создания, вернемся к Нему ...

«Я никогда не чувствовал себя таким слабым и неспособным говорить. Неспособным выразить печаль, которую испытываю по поводу общего состояния ислама и государства Иран, а также событий этого злополучного года, таких, как штурм учебных заведений и восстание 15 хордада. Только когда мое тюремное заключение сменилось пребыванием под надзором, я узнал о том, что случилось. Один Бог знает, какое горе обрушилось на меня (Слушатели плачут)... Я вижу сирот, матерей, потерявших детей, женщин, лишившихся братьев, искалеченных мужчин... Нас изображают традиционалистами и реакционерами... Иностранцы газеты щедро подкупаются, чтобы представлять нас антиреформистами, сопротивляющимися модернизации. Ахунды в них путешествуют на ишаках и оспаривают пользование электричеством и авиацией. Говорят, они хотят возвращения в Темное Средневековье...»

Аятолла легко разбил эти утверждения, обосновав право каждого мусульманина на свободу, на борьбу против деспотизма, право умереть за ислам. Он уверял, что Бог даст такую же силу, как «двадцати тысячам арабов, положивших такую большую страну, как Иран, к своим ногам», а сам он не знает страха и говорил своим тюремщикам, что его зря выпускают на волю, так как покоя он им не даст. С исламскими принципами страна шагнет далеко вперед, закончит с коррупцией и неокOLONIALИЗМОМ. Ислам с первых веков своего существования не был врагом точных наук. В Иране улемов не допускают к радио и телевидению, захваченными сионистами.

«Радио и телевизионные программы расшатывают нервы».

Это и нам теперь знакомо, как и многое другое, отмеченное в речи имама Хомейни:

«Мы считаем, что программы наших реформ на самом деле разработаны Израилем, и это к Израилю вы обращаетесь за

помощью и советом, когда надо составить план. Вы зовете израильских советников в нашу страну. Вы посылаете студентов из нашей страны в Израиль. Как будто нельзя послать их куда-нибудь еще: в Америку или даже в Англию, например. Но нет — именно в Израиль!.. Бог знает, чему они могут научиться у евреев, кроме искусства мошенничать, обманывать и предавать?...».

Это он обращался к шаху, которого считал недоразвитым и не-далеким человеком.

«Даже если Хомейни придет к соглашению с вами, иранский народ этого не потерпит! Мы против законов, одобренных парламентом, если они вредят исламу. Мы против силы и обмана. Любимый мой народ ненавидит Израиль, ненавидит любое правительство, заискивающее перед Израилем».

В том же году, рассказывая о разорении крестьян и их голодных скитаниях после того, как у них махинациями израильтян были отняты хорошие фермы, аятолла упомянул о «гвалте», случившемся за два дня до этого в Тегеране.

«Четыре или пять сотен вороватых евреев собрались вместе, и все их речи сводились к восхвалению одного и поношению другого, а потом они провозгласили, что более великих, чем евреи нет, что они избраны Богом — мы, мол, народ, который должен править, мы против диктатуры, мы против гитлеризма и так далее и тому подобное. Таково было содержание их речей. Эти люди знают наше правительство до мозга костей и открыто говорят об этом...».

Логика у аятоллы железная. Если евреи против диктатуры, то почему диктатура не заткнет им рты, хотя они прямо заявляют о своих претензиях на власть? Да потому что они восхваляют шаха, который является их орудием и оскорбляют духовенство, выступающее в защиту обездоленных.

«Не стоит любой стране доверять евреям. Разве то, что мы говорим сейчас, очень плохо? Конечно, такую горькую пилюлю трудно проглотить, вам проглотить. Тем не менее, гибельно для

любой исламской страны, для мусульман, доверять им, иметь отношения и заключать договоры с правительством, которое сейчас враг ислама, которое противостоит исламу и незаконно захватило Палестину».

Трогательно звучат его слова о собственной объективности и призыв к единению:

«Если кто-нибудь оскорбит меня, даст мне пощечину или отшлепает моих детей, ради Бога, я не стану призывать кого бы то ни было восставать и защищаться. Я знаю, что некоторые нарочито или по невежеству стараются создавать трения. Я целую руки улемам, всем улемам, здесь, в Неджефе, Мешхеде, Тегеране, где бы они ни были. Я целую руки всему мусульманскому духовенству. Наша цель выше всяких мелочей. Я протягиваю братскую руку всем исламским народам, мусульманам всего мира, на Востоке и на Западе...».

С созданием ОПЕК и ростом цен на нефть у шаха появились большие деньги, и его вынудили потратить 6 миллиардов долларов на американское оружие, чтобы в конечном счете создать из Ирана форпост против СССР. В стране появилось еще больше американских и израильских советников (до 40 тысяч), чувствовавших себя вольготно, потому что все они пользовались дипломатическим иммунитетом.

В 1963 году был «избран» послушный шаху парламент, который 14 октября 1964 года принял закон об экстерриториальности американских военных и невоенных специалистов, включая членов их семей и обслуживающий персонал, в соответствии с Венской конвенцией. А она, кстати, касалась лишь дипломатических представителей одной страны в другой, и согласно ей их нельзя ни задерживать, ни арестовывать, ни облагать налогами и пошлинами. Но тут речь шла о тысячах и тысячах самонадеянных солдафонов, заполнивших улицы Тегерана и злчные места, часто пьяных и скандальных. Опять начались демонстрации и драки с американцами.

Приближался день рождения шаха, проводившийся всегда весьма пышно. Предполагая реакцию аятоллы на принятие закона,

Мухаммед Реза послал своего представителя в Кум, чтобы попросить договориться. Хомейни отказался принять его. Послание шаха вручили сыну аятоллы Мустафе.

25 октября аятолла, несмотря на угрозы, выступил в Куме перед духовенством и представителями многих городов. Кроме прочего, он сказал:

«Я не могу выразить печаль моего сердца. Сердце сжимается... Я почти не сплю... Наша честь попорана, нравственное величие Ирана оплевано... Если какой-нибудь американский служащий убьет на рынке вашего духовного наставника, иранская полиция не посмеет вмешаться, а иранский суд не имеет права его судить. Судьба его будет решаться в Америке, Иранский народ поставили в положение хуже американской собаки. Ведь если кто задавит американскую собаку, его привлекут к ответственности, даже если это сделает шах Ирана. Но если американский повар (на своей машине) задавит шаха Ирана, высшее лицо в государстве, никто не сможет вмешаться...

Некоторые говорят, что надо молчать. И сейчас надо молчать? Именем Божьим, всякий, кто сейчас не возвысит свой голос, станет грешником... ведь это государственная измена...

... Америка хуже Англии, Англия хуже Советского Союза, и Советы хуже обеих!!! Но сейчас вся мерзость воплотилась в Америке. Пусть президент США знает, что наш народ ненавидит его больше всех... Все наши беды исходят из Америки, от Израиля, что рядом, и Израиля, что в Америке!!!».

На рассвете, 4 ноября 1964 года, Кум снова заполнили десантники. Когда стали ломиться в дверь дома аятоллы, он уже молился. Одевшись, он спокойно открыл дверь. 130 километров до Тегерана были покрыты за полтора часа. Хомейни привезли прямо в аэропорт Мехрабад и вручили паспорт.

Военный транспортный самолет взял курс на Анкару. Родину аятолла увидит лишь через много лет.

В 9 утра в Куме арестовали сына аятоллы Мустафу и многих других и отправили их в Тегеран, где, как и в других городах, начались волнения. Премьер-министр Мансур сделал заявление об обезвреживании «пятой колонны» (чьей?).

В Турции имаму приходилось нелегко, ему запретили носить одеяние священнослужителя. Переводили из гостиницы в гостиницу, наводняя вестибюли и коридоры тайными агентами. Хомейни вел себя с большим достоинством и открыто принимал вестников из Ирана. Узнав, что сын его тоже арестован, он сказал, что «тюрьма — это очень эффективный и полезный опыт в подготовке к будущности», но вскоре Мустафу тоже выслали в Турцию.

Для большей изоляции имама перевели в Бурсу.

Всего он пробыл в Турции 11 месяцев, в течение которых написал много писем родственникам и духовенству. В завуалированной форме, цитируя священные тексты, он напоминал о неизменности своих убеждений и призывал к сопротивлению. Также им было написано два тома исследований по мусульманскому праву.

В Иране в это время, несмотря на усилия шахской охранки и многочисленные аресты, духовенство в проповедях неустанно упоминало имя Хомейни. Создавались и подпольные боевые организации, член одной из которых Мухаммед Бохараи 22 января 1965 года совершил успешное покушение на премьер-министра Мансура, на место которого шах тотчас назначил своего приспешника Амира Ховейду.

Казалось, можно было бы задаться вопросом, почему шахские агенты просто не уничтожили Хомейни. В том-то и дело, что все было совсем не просто. Авторитет имама был настолько высок, что когда он за короткое время превратился из скромного преподавателя и духовного писателя в символ сопротивления шахскому режиму, убийство его для верующих поставило бы его в ряд шиитских праведных мучеников и грозило бы всеобщим восстанием, которое возглавили бы десятки духовных и светских вождей, настроенных в то время еще более радикально. Имя его гремело по всему мусульманскому миру, и протесты против его ареста и высылки сыпались со всех сторон, включая ректора знаменитого каирского университета Аль-Азхар и генерального секретаря ООН У Тана.

Шах осознал угрозу, но пока лишь предпринимал попытки нейтрализовать влияние Хомейни. Во время второй годовщины кровавых новогодних событий он снова приказал расстреливать демонстрации.

13 октября 1965 года имам Хомейни вместе с сыном Мустафой были высланы в Ирак. Турецкое правительство не желало больше быть причастным к преследованиям и играть роль тюремщика. С другой стороны, шах меньше всего хотел возвращения Хомейни

в Иран, где намеревался все-таки добиться умиротворения и, выслуживаясь перед США, осуществить свою «белую революцию». Перевод имама в богословский центр священного города шиитов Неджефа выглядел пристойно, но тем не менее оставался ссылкой.

Совершив паломничество к гробницам праведных имамов в Каземейне, Самарре и Кербеле, имам прибыл в Неджеф, где была могила первого Имама Али. При встрече с представителем президента Ирака, тогда еще Арефа, он отклонил предложенное интервью и встречи, которые передавалась бы по радио и телевидению, подчеркнув тем самым, что не хочет быть разменной пешкой в политической игре.

Уже в ноябре он начал читать свой знаменитый курс лекций по мусульманскому праву в богословском центре при мечети Шейха Ансари в Неджефе. Очень скоро красноречие и энциклопедичность знаний Хомейни сделали свое дело. На лекции собиралось до 1200 слушателей, среди которых были не только студенты, но и ученые из самого Ирака, а также из Пакистана, Афганистана, Индии, стран Персидского залива, не говоря уже об Иране. Его бывшие ученики хотели в полном составе эмигрировать в Ирак, но имам посоветовал воздержаться от этого и сохранить дух богословских собраний, существовавший при нем в Иране.

День рождения двенадцатого имама Махди был отмечен 10 декабря в Большой мечети Кума тысячами приверженцев Хомейни, большая фотография которого была вывешена на самом видном месте. 28 февраля 1966 года в Куме отмечалась очередная годовщина разгрома семинарии Фейзие шахской охранкой, а празднование мусульманского Нового года ознаменовалось демонстрациями протеста, и обвалом телеграмм в защиту Хомейни, и многочисленными арестами высших духовных лиц. Это уже становилось традицией.

Бунтовщиков расстреливали, но и сам Мухаммед Реза Пехлеви едва не стал жертвой стража собственного Мраморного дворца. Телохранители шаха оказались проворней.

Положение шаха было двойственным. С одной стороны, он вроде бы соглашался со статьями конституции, в которых ислам шиитского толка провозглашался государственной религией, но когда духовенство начинало настаивать на своем праве вмешиваться в политику, поскольку ислам предусматривал неразделимость духовной и светской власти, он предпочитал руководствоваться принципом: «Шах — тень Бога на земле».

Однако эта «тень», как она признавалась впоследствии, послушно выполняла указания «наших верных и проверенных друзей» — посла США и представителя ЦРУ. Высокопоставленные женщины шахского двора занимались перетасовкой министров, депутатов и судей. Сестра шаха Ашраф была известна своим развратным поведением и операциями по контрабанде наркотиков, за что ее при дворе называли «мастерицей на все руки».

Назначенный после гибели Мансура премьер-министром Амир Аббас Ховейда по рождению своему принадлежал к бехаитам и оказался верным цепным «псом Его Величества». В середине прошлого века Иран был охвачен восстаниями, которые возглавлял Али Ширази, объявивший себя сперва Бабом (врата мессии), а потом «мессией-махди». Шиитскими муджтахидами он был признан еретиком и позднее казнен. Один из учеников Баба объявил себя Беха-уллой (блеск Божий), пророком, призванным своим учением заменить Коран. Бехаизм претендует ни больше, ни меньше, чем на универсальную религию, обещая покончить с национальными, государственными и социальными границами и создать единый язык для всех. Противопоставляя себя исламу и терпя гонения со стороны шиитского духовенства, бехаиты, благодаря сектантской спайке, постепенно прибрали к рукам часть иранской экономики, но главные свои центры по сию пору держат в США и Германии, а штаб-квартиру в Хайфе (Израиль). Прикрываясь различными религиозными личинами, они являют собой нечто вроде мусульманского масонства, служа объективно целям «избранного народа», которому заповедано, согласно Ветхому завету, «пасти народы жезлом железным».

Недаром имам Хомейни ставил в один ряд сионистов, повинных в страданиях более миллиона лишенных крова мусульман, и их агентуру в Иране. Ховейда, осуществляя громкие заявления шаха о модернизации ради создания «великой цивилизации», не только способствовал проституированию культуры на западный образец, но и поощрял раскрадывание национальных богатств сотнями американских и европейских фирм, разрушение сельского хозяйства и отток «излишнего» сельского населения в городские окраины, где из люмпенов плодились преступники.

Шах всюю старался превратить Иран в «прогрессивное государство». Заморские товары вытесняли отечественные. Исчезли вывески и реклама на фарси, их заменили на англоязычные.

Схема, теперь уже знакомая читателю, дополнялась полным подчинением американскому диктату. Великие нефтяные богатства

стран Персидского залива предполагалось эксплуатировать и защищать от потенциальной угрозы СССР не только под прикрытием авианосного флота США, но и путем создания мощной буферной иранской армии, что обошлось бы американцам дешевле, поскольку траты на нее перекладывались на чужие плечи. В 1970-1977 годах Иран израсходовал на покупку американского оружия более 6-ти миллиардов долларов. Только за один 1980 год шах собирался истратить на вооружение 12 миллиардов долларов полученных от продажи нефти, и довести число американских инструкторов до 60 тысяч, но эти планы были сорваны исламской революцией в Иране.

* * *

Тринадцать лет пребывания имама Хомейни в Ираке были исполнены трудов по подготовке революции. Поражает энергия этого человека, который на седьмом десятке лет своей жизни успевал заниматься глубокими теоретическими разработками, быть в курсе политического положения в Иране и во всем мире, произносить речи, откликаясь на все злободневные события, едва ли не ежедневно писать письма своим сторонникам на родине, подбадривая их непреклонной уверенностью в грядущем социальном и политическом взрыве. Соратников аятоллы удивляла его работоспособность, быстрота реакции, умение очень четко формулировать свои мысли в самое кратчайшее время. Самые важные документы он набрасывал почти мгновенно, если учитывать, что страницу своим каллиграфическим убористым почерком он писал без помарок всего пятнадцать минут. За этим стояли десятилетия упорной работы, всесторонняя образованность, феноменальная память и умение сконцентрироваться на главном.

В Неджефе вокруг него образовалось мощное ядро верных ему недюжинных людей, взявших на себя штабные и охранные обязанности, пропаганду идей аятоллы, связи с политическими эмигрантами во всех странах. В Иран его послания доставлялись многочисленными курьерами, преодолевшими смертельные ловушки, расставленные шахской охранкой.

Особенно горячим был 1967 год. 16 апреля он обратился к иранским богословским центрам:

«Я заверяю вас, господа, и иранский народ, что режим потерпит поражение. Шахских предшественников смел ислам и его сметет... Стойте на своем твердо, не поддавайтесь угнетению»

нию. Угнетатели уйдут, а вы останетесь... Эти тупые заемные мечи будут вложены в ножны!».

И в тот же день он написал открытое письмо премьер-министру Ховеиде, в котором кроме разоблачения тирании шаха, было и такое предостережение:

«Не заключайте братских отношений с Израилем, этим врагом ислама, который сделал бездомными более миллиона мусульман... Не давайте больше Израилю и его агентам запускать руку в рынки мусульман. Не подвергайте опасности экономику страны ради Израиля и его агентов. Не жертвуйте культурой ради удовлетворения греховных желаний...».

Обстановка накалялась. Арабские страны были на грани войны с Израилем, а тот, пользуясь режимом наибольшего благоприятствования, таможенными и налоговыми льготами, заваливал Иран яйцами, курами и другими гнилыми западными продуктами, подрывая сельское хозяйство. Куры были тощие, и тегеранские острословы шутили: мол, тель-авивские куры потому отощали, что долго аплодировали ирано-израильской дружбе и шаху.

7 июня, во время шестидневной войны между израильтянами и арабами, аятолла издал фетву, запрещающую любые политические отношения с Израилем и потребление израильских товаров в мусульманских общинах. Верующие оказывали на шаха давление своими заявлениями.

В ответ шах приказал совершить налет на дом Хомейни в Куме. Его труды уничтожались и в доме и в семинариях. Были арестованы его сын Ахмед и многие другие, но и это не могло воспрепятствовать регулярной посылке денежного содержания аятолле, которое выделялось из народных пожертвований на религиозные нужды и полагалось ему по сану. Несмотря на оцепление вокруг дома имама, его сторонники пробирались туда по ночам, потому что сама его семья была не только символом сопротивления, но и активной участницей его.

17 июля 1967 года к власти в Ираке пришла партия Баас, ревниво отнесшаяся к авторитету аятоллы, который воспользовался настроениями исламского мира во время арабо-израильской войны и развернул широкую пропаганду своих идей. Уже через год он установил, чтобы часть денег собираемых шиитским духовенством

для распределения среди бедных, выделялась и палестинской партизанской организации Аль-Фатх.

Положение аятоллы усложнилось тем, что между партией Баас и шахским режимом возникли трения по поводу границы, проходившей по реке Шатт-аль-Араб. Баасисты начали выселение из Ирака живших там иранцев и одновременно оказывали давление на аятоллу, желая использовать его враждебное отношение к шаху. Ему обещали всяческое содействие, но он твердо знал — стоит его движению попасть в зависимость от иностранного государства, ввязаться в чужие политические интриги, и чистота помыслов будет нарушена, а обычная политическая практика приведет к неудаче всю задуманную революцию. Он не поступился своими идеалами и принципами и поступил весьма мудро. Его сын Мустафа вручил официальное послание имама иракскому президенту Хасану Аль-Бакру. В нем на весь мир заявлялся протест против высылки из Ирака иранцев и содержался твердый отказ пойти на сотрудничество с баасистами.

Когда сионисты сожгли часть мечети Аль-Акса в Иерусалиме, второй, по значению, святыни мусульман, шах поспешил сделать заявление, что оплатит ее восстановление. Он хотел оказать еще одну услугу Израилю, а заодно утихомирить разгневанных мусульман, но у аятоллы было другое мнение:

«Поскольку Палестина не освобождена, мусульмане не должны восстанавливать мечеть. Пусть преступление Израиля остается наглядным и будет еще одной побудительной причиной освобождения Палестины».

К 1969 году, когда это случилось, авторитет Хомейни стал неоспоримым для очень многих не только в стране, но и в других странах. Тогда же имам прочел серию лекций об исламском правлении или руководстве исламского правоведа. Публикация сборника лекций под названием «Велайят-е Факих» (Правление исламского правоведа) в Иране, Ираке, Ливане и распространение ее во время сезона хаджа не только познакомили мусульман с историей борьбы и целями движения, возглавляемого аятоллой Хомейни, но и определили будущее Ирана.

В апреле 1970 года в Иран прибыла группа влиятельных американских капиталистов во главе с Рокфеллером для переговоров о нефтяных доходах. Хотя в стране гайки были закручены туго и ча-

сти духовенства, преданной имамату, запретили читать проповеди и лекции, посыпались протесты против усиления американского влияния в стране. Охранка арестовала и запытала до смерти несколько крупных религиозных деятелей. Аятолла Хомейни писал, что это делается с намерением «удушить нацию во имя получения больших прибылей».

Добыча нефти составляла 6 миллионов баррелей в день, а стоимость каждого из них доходила до 30 долларов, особенно во время арабо-израильской войны. Для процветания тогдашних 33 миллионов иранцев этого хватило бы за глаза, однако деньги разворовывались и уходили за границу (такое делается и у нас). Не доставало даже асфальта для изъезженных шоссе, не говоря уже о сельских дорогах, хотя по запасам нефти и газа Иран стоит тотчас за богатейшей Россией. О газификации села никто не думал, в больницах ощущалась нехватка лекарств, 50% населения было неграмотным, а в результате земельной реформы Иран, прежде экспортировавший пшеницу, стал ввозить ее из Америки и России.

И в такое время шах Мухаммед Реза надумал отпраздновать 2500-летие существования монархии в Иране. По свидетельству очевидцев, срочно красились в веселенькие цвета тюрьмы, в которых сидели борцы против режима, вдоль дорог высаживались цветы, из парижских салонов выписывались парикмахеры, ткались ковры с изображениями всех коронованных особ и глав правительств, приглашенных на празднество, дабы было чем одаивать.

Студентов университетов предупредили, что с 11 по 18 октября 1971 года у них будут каникулы, и в это время им лучше сидеть дома. Газеты отмечали, что происходят схватки агентов САВАК с боевыми группами мусульманских боевиков. И еще почему-то поднимали вопрос о необходимости введения сексуального образования в школах.

У развалин Пасаргада были возведены грандиозные декорации, а роскошную еду там готовили повара «Максима», которые привезли с собой из Парижа все, кроме иранской осетровой икры.

И когда все было готово, шах обратился к пустой гробнице Кира Великого, девяти королям, пяти королевам, двадцать одной принцессе, многочисленным президентам и премьер-министрам различных стран, а также к 10 тысячам приглашенных с речью:

— Тебе, Кир, великий царь, царь царей, от меня, шахиншаха Ирана, и моего народа, ура!!! Мы находимся здесь в тот момент, когда Иран вновь отдает должное истории, и весь народ выражает громадную благодарность тебе, бессмертному историческому герою, основателю самой древней империи в мире, величайшему освободителю всех времен, достойному сыну человечества. Кир, мы стоим перед твоей вечной усыпальницей и произносим эти торжественные слова: «Покойся в мире, потому что мы проснулись и будем зорко стеречь твоё славное наследие!».

Ему внимал и председатель Верховного совета СССР Подгорный, которому доложили перед этим монархическим праздником, что Кир II Великий, а по древне-персидски — Куруш, из династии Ахеменидов, создал большую империю, протянувшуюся от пригородов нынешнего Стамбула до нынешнего же Пакистана, включая древнюю Вавилонию и Среднюю Азию, где он и погиб в 530 году до н.э., за год до даты, взятой произвольно для того, чтобы отметить 2500-летие монархии в Иране. Он успел заложить столицу своего государства Пасаргад, где и был похоронен.

Но через два столетия Александр Македонский разметал в прах персидскую империю, что, думается, прошло мимо ушей Подгорного, не дожившего до кончины империи большевистской.

Аятолла Хомейни возмущался громадными тратами на юбилейные пиры и высказался от имени иранского народа недвусмысленно:

«Нам не нужно это празднование, мы голодны, положите конец голоду мусульманского народа; не пируйте на трупах людей».

Для шаха празднество было демонстрацией мощи и стабильности режима, для аятоллы — поводом для показа отсталости страны и разоблачения нравов, царивших в иранском обществе.

Положение имама в Ираке все осложнялось. Исторически сложилось так, что граница между Ираном и Ираком с 1937 года проходила по иракскому берегу реки Шатт-аль-Араб. Все иранские суда, направлявшиеся в Персидский залив, подвергались иракскому пограничному и таможенному контролю. В 1969 году шах потребовал пересмотреть старое соглашение и поддерживал курдских повстанцев в Ираке. В 1971 году, когда англичане ушли из этого региона, Иран занял три острова в Ормузском проливе и по-

лучил возможность контролировать все перевозки нефти из портов Персидского залива. Иракская госбезопасность Мухабарат ужесточила контроль над иранцами, проживавшими в стране, все больше их выдворялось за границу. Имам Хомейни протестовал и уже решил было покинуть Ирак, но ему не дали сделать это.

1973 год ознаменовался неожиданным нефтяным бойкотом арабских стран против США и Голландии, главных союзников Израиля, что вызвало крупнейший кризис на Западе, позволило национализировать нефтяную промышленность во многих странах, укрепило позиции ОПЕК (Организации стран экспортеров нефти) и дало ей возможность диктовать цены на нефть в мировом масштабе. Это пошло на пользу СССР, нефтяной торговлей закрывавшего брешу, которые возникли в результате бездарного ведения народного хозяйства, и Ирану, поспешившему прийти на помощь США и Израилю, в которых уже начались драки у бензоколонок.

Во время 4-й арабо-израильской войны аятолла Хомейни призвал мусульманские народы оказывать моральную и материальную помощь палестинским бойцам, сдавать кровь, поставлять лекарства, оружие, продовольствие.

«Исламская нация, — писал он, — не познает радости и покоя, пока не вырвет с корнем гниющую язву (Израиль), и Иран не увидит дня свободы, пока позорная династия (Пехлеви) остается у власти».

Он и сам жертвовал большие деньги боевым организациям Аль-Фатх и Хамаз, действовавшим в Палестине и Ливане, из своего фонда, доходившего до 25 миллионов долларов.

Не отпуская руки от пульса страны, он откликнулся на все события, происходившие в Иране. Так, когда шах, подавив внешнее сопротивление в стране, укрепил свою автократию и решил установить однопартийную систему, формируя Раствахиз или Партию возрождения иранской нации, в которую предложил вступить всем, а несогласным покинуть страну, аятолла Хомейни своим декретом запретил мусульманам-шиитам участие в шахском предприятии, поскольку оно служит злу, жестокости и угнетению. О себе он сказал:

«Здесь, в своей изоляции, я испытываю муки из-за страшных условий, в которых живет иранский народ. Как хорошо было

бы, если бы я мог быть с ним в эти тревожные времена и сотрудничать в борьбе за спасение ислама и Ирана».

Под пеплом тлел огонь. Многие улемы в самой стране поддержали запрет. Дите оказалось мертворожденным, и через несколько лет партия, имевшая придворный характер, была распущена. День восстания 15 хордада отмечался регулярно и кончался избиениями и арестами. Круг оппозиционеров становился все шире. Имам с надеждой отмечал:

«Оппозиция в университетах, повсюду в стране, как это признано шахом, оппозиция высшего духовенства, студентов и различных слоев нашего населения — все это является знаменем нашей свободы и избавления от ига колониализма».

Любопытна эта борьба между всемогущим шахом и мудрым изгнанником, имя которого, однако было в Иране у всех на устах. В феврале 1975 года шах отменил официальный календарь страны, берущий свое начало с хиджры, и ввел новый, согласовав его с началом правления Ахеменидов. И по нему пошел 2535 шахиншахский год. Имам Хомейни счел это покушением на ислам и запретил пользоваться календарем, который был непривычен для народа, обречшего его на ту же судьбу, что и партию Раствахиз.

А между тем над головой имама сгустились тучи.

Шах все-таки настоял на том, чтобы граница с Ираком была отодвинута до средней линии русла реки Шатталь-Араб, обещая прекратить поддержку мятежных курдов. В дни работы конференции ОПЕК на высшем уровне в Алжире при посредничестве алжирского президента Хуари Бумедьена такое соглашение было подписано шахом и новым персонажем на мировой политической арене иракским вице-президентом Саддамом Хусейном.

Возможно, были какие-то устные договоренности, но, во всяком случае, дом имама в Неджефе был плотно окружен агентами Мухабарат, что, однако, не могло заставить его прекратить чтение проповедей и лекций, встречи с революционными деятелями, приезжавшими из Ирана, куда они отвозили его послания. В 1976 году его посетил аятолла Мотаххари, с которым уже обсуждались проблемы более эффективных методов борьбы, чем пропаганда революционных идей. Речь шла о создании организации и сотрудничестве с другими оппозиционными силами. Ядро такой организации

уже существовало, возглавляемое аятоллой Хаменеи и погибшими впоследствии Бехешти, Мотаххари и Бахонаром и получившее название Общество революционного духовенства. Оно положило начало другим органам будущей революции, а потом и Исламской республиканской партии.

Иранский посол в Багдаде сообщал в Тегеран: «Аятолла не сидит сложа руки в Ираке. Он активно работает против нашего правительства. Прошу инструкций для внесения ясности в нашу задачу». Шах ответил коротко и злобно: «Я уже несколько раз говорил — заткните ему глотку!».

На американских выборах 1976 года шах оказывал финансовую помощь республиканцам, но в Белый дом пришел демократ Джимми Картер, победивший благодаря обещаниям защищать права людей и сократить экспорт оружия. Демократы руководствовались желанием справиться с экономической депрессией внутри страны, развеять антиамериканские настроения за границей и выторговать у СССР уступки в осуществлении контроля над ядерным оружием. Уже в марте 1977 года «Амнести интернэшнл» в Гааге осудила бесчеловечное обращение с заключенными в Иране, и шах поспешил выслужиться перед Демократической партией, сместив премьер-министра Ховеиду и объявив об «открытой политической атмосфере». Но визит Картера с супругой в Тегеран выявил, что бояться шаху немилости американцев нечего, поскольку демократы тоже считали шаха своим цепным псом в зоне Персидского залива и не собирались устанавливать лимит на поставки американского оружия.

* * *

Однако, как это часто бывает в политике, события развивались согласно русской поговорке — увяз коготок, всей птичке пропасть. Объявленная либерализация режима вызвала необыкновенное оживление в общественной жизни, возрождение старых партий и групп, появление множества партий левого, центристского и правого толка. Интеллигенция развернула борьбу за расширение конституционных прав и свобод, требовала ограничения единоличной власти шаха. И, естественно, в новых условиях самую широкую опору на массы имело духовенство.

Коммунистическая партия Туде давно уже раскололась. Часть ее занималась внутривнутрипартийными дрызгами за границей, ограничиваясь копированием позиций Москвы, которая, несмотря на антиколониальные, антиимпериалистические и тираноборческие призы-

вы, поддерживала отношения с шахом ради экономических выгод. Другая часть ее руководителей пошла на службу к шаху. Однако и сейчас признается в Иране, что коммунистическая революционная практика и марксистская критика западной цивилизации и капитализма не оказалась бесполезной для оппозиционно настроенного духовенства.

Воспрял Национальный фронт, образованный еще Мосаддыком, которому теперь были ближе идеи аятоллы Хомейни. Освободительное движение было сильно в университетских кругах и эмигрантской среде. Выдвинулся ряд просветителей, лекции которых перекликались с идеями аятоллы Хомейни и объективно способствовали движению Ирана по революционному пути.

Хомейни внимательно следил за международной и внутривнутрипартийной обстановкой и в августе 1977 года заговорил о представившейся возможности, *«которая должна быть тотчас использована академическими и культурными обществами, патриотами и студентами как дома, так и за границей, а также исламскими ассоциациями, в деле осуществления насущных задач»*.

Но раз запущенная сионистами машина шахской охранки САВАК продолжала раскручиваться, и 23 октября 1977 года имаму Хомейни был нанесен жесточайший удар. Отравили его старшего сына Мустафу, видного ученого, аятоллу, друга и правую руку имама, что было если не «затыканием глотки», то серьезной душевной травмой для отца и большой потерей для его неджефского «штаба». Однако Хомейни воспринял беду стоически. 1 ноября, выступая в мечети шейха Ансари, он увидел в смерти сына «скрытое благословение Божие», что было вполне в духе жертвенности шиитов.

И действительно, во многих городах Ирана смерть уважаемого и самоотверженного ученого была отмечена траурными церемониями и демонстрациями, в которых участвовали все слои общества. В силу «политической открытости», когда шах был вынужден отменить страшные пытки в тюрьмах и разрешить своему новому премьер-министру Джамшиду Амузегару слегка критиковать старые порядки, охранка не посмела отменять траурные церемонии на третий, седьмой и сороковой день гибели Мустафы, а имя его многострадального отца произносилось с великой надеждой.

Это и еще один поступок шахской охранки стали тем запальным шнуром, который вызвал взрыв. 7 января 1978 года в газете «Этте-лаат» под псевдонимом Ахмед Мотлак была опубликована статья под заглавием «Красный и черный империализм в Иране». Море

клеветы было вылиты на имама Хомейни. Достаточно привести один абзац:

«Начало шахско-народной революции 6 бахмана 2521 года по имперскому календарю (26 февраля 1963 года) объединило красный и черный империализм в Иране, у каждого из которых был, по-видимому, свой план действий в нашей стране, и это тесное сотрудничество проявилось в бунтах 15 и 16 хордада 2522 года (5 и 6 июня 1963) в Тегеране... Рухолла Хомейни был весьма подходящим агентом для осуществления этого плана, и красночерная реакция сочла его достойным возглавить оппозицию революции в Иране».

Неизвестно, кто подсунил министру информации Хамаюну статью с грязными намеками, что имам сотрудничает с колониальными державами.

Неизвестно, кто додумался сделать единое целое из коммунистов-атеистов и верующих шиитов, но видна та же сионистская рука, которая сотворила «красно-коричневых» в современной России.

Реакция была мгновенной. Прошло чуть больше недели с тех пор, как президент Картер в Мраморном дворце в присутствии иорданского короля Хусейна произнес тост: «Иран — остров стабильности в одном из самых беспокойных регионов мира. Ваше Величество, и все благодаря вам, вашему руководству и уважению, восхищению и всенародной любви к вам. Нет такого лидера в мире, к которому я испытывал такую благодарность и дружеские чувства, как к шаху», и вот уже народ высыпал на улицы, спешит к домам духовенства. Из скромности мой знакомый аятолла Хусейн Нури не рассказал, что тогда в Куме он произнес зажигательную речь, перечислив в ней гонения на Хомейни, его достоинства, революционные события, начиная с восстания 15 хордада, и предрек окончательную победу движения имама. Статья в газете была упомянута, как очевидная нелепость и оскорбление народных чувств.

Колонна демонстрантов с криками «Да здравствует Хомейни!» и «Смерть династии Пехлеви!» двинулась в центр, и на площади Шухада ее обстреляли. Студенты и жители все прибывали, и к вечеру демонстрация захлебнулась в крови под шквальным пулеметным огнем. Больницы переполнились, а ночью агенты охраны добивали раненых и убрали трупы с улиц, увозя их в неизвестном направлении, что обострило горе и желание мстить у верующих родственников, трепетно относящихся к похоронным ритуалам.

Что бы там ни писали правительственные газеты о «святоотечественном союзе красных и черных реакционеров», взрывы гне-

ва охватили всю страну. Промили винные магазины, полицейские участки, но на подступах к государственным учреждениям демонстрантов (а кое-где и восставших) встречали воинские части, обрушивавшиеся на них всей своей огневой мощью.

Шах старался делать вид, что ничего серьезного не происходит и отправился с ответным визитом в Америку, а шахиня Фарах — по приглашению супруги Садата в Египет. Однако мировые информационные агентства своими сообщениями из Ирана не давали оснований для благодушия. Шахскому режиму оставалось жить всего один год.

Поминки по всё новым жертвам на третий, седьмой, сороковой день выливались всякий раз в волнения и расстрелы, и этот процесс становился непрерывным. Прокламации имама и магнитофонные кассеты с записями его речей размножались и распространялись его сторонниками по всей стране, твердо определяя курс на свержение монархии и установление исламского правления. Кстати, от обвинения в сотрудничестве с красными Хомейни отмахивался короткими упоминаниями о тирании Сталина и его наследников, а из собственного опыта общения с людьми из СССР он мог припомнить лишь встречу с советскими солдатами во время паломничества в Мешхед автобусом в свои молодые годы, когда в оккупированном Хорасане они просили у проезжих дать им закурить. Для контраста он ссылаясь при этом на злополучную сталинскую корову.

«Они были довольны, если кто-нибудь угощал их сигаретой, и уходили, посвистывая! Коммунизм — это средство обмана людей, и ничего больше. Разве станут неверующие, не признающие невидимого, заботиться о людях и поправлять их дела? Нет, это обман».

Так он связывал неосуществимость коммунистических идей с атеизмом. А что касается сигареты, то стрелкнуть ее в прежние времена у нас не считалось попрошайничеством.

* * *

Однако может создаться впечатление, что духовенство было целиком настроено революционно и признавало авторитет аятоллы Хомейни. Некоторым претил его радикализм, который не соответствовал старой пословице: «Богу — богово, а кесарю — кесарево». Они стояли за старые методы преподавания, старались

ограничить круг знаний, даваемых богословскими центрами, лишь тем, что освящено средневековой традицией.

Сравнительно недавно ученик имама шейх Казем Рашид рассказал мне, как аятолла Табатабаи при поддержке Хомейни добивался у сдержанного великого аятоллы Боруджерди в свое время введения расширенного курса философии в семинариях и как тот обдумывал это 24 часа, прежде чем дал разрешение, несмотря на сопротивление обскурантов.

В письме к младшему сыну Ахмеду имам четко, как всегда определил свои отношения с этим кругом, который доставит ему еще много хлопот:

«Раны, наносимые намеренно и ненамеренно иностранными агентами (подразумеваются те, которых у нас принято называть «агентами влияния» — Д.Ж.) в среде духовенства, были и остаются во много раз более глубокими, чем те, что наносятся нашими противниками. На заре исламской борьбы, если кто-нибудь говорил:

«Шах — изменник», то тотчас следовало в ответ: «Шах — шиит». Группа отсталых формалистов считала все запрещенным религиозным законом, и никто не мог им перечить. Душевная боль твоего старого отца из-за этой косной группы несравнима с той, которая вызывалась давлением и преследованиями со стороны других... Изучение иностранного языка, занятия философией и теорией познания считались греховными и политеистическими. В медресе Фейзие мой бедный сын, покойный Мустафа, попил воды из чашки, так они потом тщательно помыли эту чашку. И сделали это, потому что я преподавала философию!!!» (Выделено мною — Д.Ж.)

С 1961 по 1964 год Хомейни подвергался не только гонениям шаха, но и бесконечным лицемерным придирикам некоторых коллег по богословскому центру в Куме. После смерти аятоллы Боруджерди места его в качестве духовного лидера шиитской общины стал добиваться аятолла Шариатмадари. В Куме он имел немало сторонников, которые считали, что Хомейни еще слишком молод (в 60 лет) для такого положения, что у него мало богословских сочинений (?), что свои лекции он читает слишком живо, включая в них острые политические вопросы, вопреки общепринятым схоластическим методам.

Шариатмадари даже арестовывался во время событий 1963 года, но вскоре его освободили, поскольку выяснилось, что он стоит за неучастие в политике и поддерживает начинания шаха. Но по авторитету у верующих, молодых преподавателей, студентов он не шел ни в какое сравнение с Хомейни, который предлагал активную тактику и решительную стратегию в борьбе с коррупцией и иностранным засильем.

Шах подыскивал на место лидера более авторитетную личность. Он обратился к аятолле Хакиму, который руководил религиозными центрами Ирака и пользовался большим влиянием у шиитов Ирана, Сирии, Ливана, Индии и Пакистана, но иранское духовенство настаивало на том, чтобы резиденцией великого аятоллы всех шиитов был Кум. Хаким сделать это отказался, хотя фактически стал главой шиитского мусульманского мира, то есть стал преемником Боруджерди. Но это не значило, что в его руках сосредоточена высшая религиозная власть, поскольку, напомним, никакой жесткой властной пирамиды не существовало, и чем больше пытаешься вникнуть в систему влияний различных духовных лидеров, тем более убеждаешься в своеобразном демократизме шиитской системы, поддерживаемом свободой высказывания мнений, которая всеми принималась, как должное, если не выходила за рамки основ мусульманской религии.

Эти рамки не могли быть нарушены и самим шахом, который излагал свою идеологию в многочисленных интервью и книгах «Мое служение родине», «Белая революция», «К великой цивилизации». В них он пытался доказать исконную приверженность иранского народа монархии, убедить, что его политика — это «революция шаха и народа», что в аграрной реформе, в акционировании предприятий он видит установление социальной справедливости.

Но история насмешлива. Вот шах клянется быть верным «священным принципам ислама», но тут же обвиняет мусульманских лидеров в корыстных, демагогических и реакционных целях, явно неистовствуя из-за того, что не может создать прочный служебно-религиозный каркас и подчинить себе всю богословскую элиту, а следовательно, их многомиллионную паству. И он начинает действовать в собственной стране как мародер, опираясь на компрадорскую буржуазию, тайную полицию и армию, руководимую американо-израильскими советниками.

Изгнав Хомейни и превратив его в глазах народа в мученика и героя, шах лишь подстегнул антимоноархические настроения, задел национальную гордость и, по сути, стал могильщиком монархии.

Все обращалось против него. Вроде бы он боролся за прогресс и просвещение, опираясь на изречение из Корана об обязанности каждого правоверного приобретать знания, но с этим никто и не спорил. Вопрос был в том — какие знания? Развращающие или укрепляющие народную нравственность? Воспринимать многовековую исламскую культуру поведения в быту и обществе или следовать «вестернизации» ее со всеми вытекающими и знакомыми уже нам последствиями?

Он призывал духовенство не заниматься политикой, которая — всегда игра, а «политики — игроки даже в лучшие времена», что казалось явным лицемерием «шаха — тени Бога на земле» и противоречило основам ислама, круто замешанном именно на политике.

И именно это обстоятельство побудило Хомейни и его сторонников обратиться к традиции, к духу и букве Корана, но действовать вполне современными методами. Они исходили из того, что покорность воле Божией не отрицает духовной свободы, единственно реальной свободы в мире, где властители говорят одно, а делают совсем другое.

Да, западная цивилизация с ее техническими достижениями вызвала у некоторых пренебрежение к собственным культурным и религиозным традициям, но гораздо меньшее, чем в христианском мире, где религия задвинута на третий план, не выполняет своей роли и лишена всякой власти.

В Иране «вестернизация» развратила верха и отчасти молодежь, но устои живы в народной глубинке, на которую и надо опираться. Марксисты тоже не найдут там опоры, поскольку они атеисты, да и мировоззрение их, возникшее на Западе, мало чем отличается от буржуазного практицизма, который сулит народу угнетение, а правителям благоденствие в любом случае.

Что же касается науки и современных технических достижений, то разве не известен хадис, где Мухаммед говорит: «Я — град знания, а Али — врата его». Великие державы силою обстоятельств ушли вперед в производстве компьютеров, но прибавилось ли там нравственности и морали? А технический прогресс — дело наживное. При должном исламском руководстве коллегам Хомейни виделся «третий путь» развития, не предусмотренный ни столпами капитализма и неокониализма, ни светочами коммунизма, который, по словам аятоллы Тегани, «не изменяет психологии человека», остающейся «частнособственнической».

Лишь ислам способен воспитать богобоязненного человека в духе свободы, равенства и гуманизма. Заимствование научных и

технических достижений Запада и Востока — не грех, но в «третьем пути» не будет места запрещенному Кораном ростовщичество. Деньги даются банками под процент, независимо от того, как пойдут дела на производстве или в торговле. Исламские банки должны не пускать производство с молотка, чтобы выбить свой процент, а заботиться о нем, в зависимости от состояния дел у производителей имея свой доход или убытки.

Так говорили хомейнисты...

* * *

И снова возник вопрос о власти. Репрессии в связи с шахскими реформами включали и запрет на публикацию журналов и сборников Кумским богословским центром, а также закрытие Центра исламской пропаганды в Тегеране. Однако это привело к еще большей активности богословов, чье слово звучало в обращениях к верующим с проигрываемых в мечетях магнитофонных пленок и в политизированных пятничных проповедях мулл. Люди особенно внимательно прислушивались к голосу, доставляемому нелегально из Неджефа, что вызывало особенную ярость шаха. За найденные листовки с текстами люди жестоко наказывались, но подмять под себя мечети монарх при всей своей очень развитой системе безопасности никак не мог.

Мы помним, что до шестидесяти лет Хомейни не проявлял себя как политик, сосредоточившись на мусульманской мистической теории познания и юриспруденции. Именно последняя послужила ему отправной точкой для борьбы с монархией. Его лекции о понимании характера власти и правления в шиитском государстве, прочитанные в Неджефе и собранные в книгу в 1971 году, впоследствии определили цели исламской революции.

Он ни на шаг не отступал от положений Корана, говоря, что жизнь человека, душа, имущество всецело принадлежат Богу, который есть воплощение абсолютной власти, абсолютного совершенства, абсолютного знания. В природе человека заложено стремление к власти, совершенству, знанию, и чем больше он познает и совершенствуется, тем ближе он к недостижимому абсолюту. Кстати, у мусульманских богословов есть интересное сравнение соотношения познанного и непознанного — это капля в океане.

Современное общество он делил на обездоленных и процветающих. Шаха, его окружение, американских и прочих империалистов он относил к дьявольскому отродью. Благоденствие обездоленных

может быть достигнуто лишь беспощадной борьбой с сатанинскими силами.

Это общие положения. Конкретно же стоял вопрос о верховной власти в исламском государстве в отсутствие Махди, «сокрытого имама». Хомейни обычно цитировал хадис о том, как на вопрос пророку Мухаммеду, кто придет после него, тот ответил: «Человек, который в мое отсутствие будет передавать мое учение, предписания и традиции народу». Шиитские богословы утверждали, что пророк хотел видеть своим преемником имама Али. О наследственных правах «безгрешных имамов» мы уже говорили...

И вот главное в учении Хомейни. Должно ли высшее шиитское духовенство в ожидании «сокрытого имама» заниматься лишь богословием и вести себя пассивно в современных условиях? Он предлагает вспомнить, как каждый из безгрешных имамов до самой своей мученической смерти за веру боролся против тиранов и несправедливого правления. Не пора ли выдающимся богословам современности последовать их примеру и заняться преобразованием исламского общества?

Используя сложную систему доказательств своих предшественников, ссылавшихся на Коран и сказания, Хомейни пока еще предположил, что до пришествия Махди идеальным государственным устройством была бы исламская республика, а не монархия. Теоретически он представлял себе ее так: власть осуществляют коллективно три группы. Это Наблюдательный совет, состоящий из наиболее авторитетных факихов (богословов-юристов), контролирующий все и вся изданием фетв и предписаний, составленных в строгом соответствии с мусульманским правом. Это совещательный орган (меджлис), который на Западе часто отождествляется с парламентом, поскольку депутаты его избираются народом и принимают законы. Это исполнительная власть в лице коллегии министров.

Такая схема, впервые предложенная в исламском мире Хомейни, в течение революционного процесса развивалась, уточнялась, конкретизировалась. Но главное в ней осталось неизменным — это представление верховной власти высшему богословскому авторитету, законоведу, знатоку Корана и всех почитаемых книг, уважаемому всеми верующими так, что мнения его воспринимаются беспрекословно.

Что же касается взаимоотношений всего общества, то, по Хомейни они должны были строиться на основе мусульманской эти-

ки, уважения личности и праведно нажитой собственности. Это помогло бы создать экономику удовлетворения скромных и разумных потребностей человека и в городе, и в деревне, уничтожить пропасть между доходами немногих богатых и большинства бедных.

Больше всего Хомейни был озабочен вопросами нравственности, в которой он видел панацею от присущей человеку в тяжелые времена злобности, доходящей до преступного отношения друг к другу. Радость общения с Богом, многократная ежедневная молитва, неуклонное исполнение заповедей Пророка, по его мнению, должно исправить каждого человека, а через него и все общество.

Но он не был утопистом, чтобы забывать о предписаниях шариата, по которому строго наказывались воровство, супружеская неверность, несоблюдение поста, употребление алкоголя, наркотиков... Недаром в медресе Неджефа он прочел пятнадцать лекций по шариату, подробно останавливаясь на всех правилах и подробностях поведения мусульман в повседневной жизни.

В своих неджефских лекциях Хомейни осуждал предшествующее поколение духовенства, допустившего принятие конституции в начале века, за то, что она была списана с западных и несовместима с духом ислама, для которого неприемлем принцип разделения мирской и духовной власти. Позже он скажет в одном из интервью:

«Мы ничего не хотим от Запада и его анархии... Мы не боимся западной науки и техники. Мы боимся ваших идей и образа жизни. Мы не хотим, чтобы вы вмешивались в нашу экономику, политику и наши обычаи».

В другой раз он говорил, что мусульманские духовные ценности не должны быть объектом купли-продажи и что «западная идеология парализует оригинальное мышление мусульман».

Оригинальность учения Хомейни проявлялась во многом. В частности, в подходе к толкованию принципа шестого безгрешного имама Джафара Садека, который оправдывал приспособление шиитов к несправедливому правлению из чувства самосохранения. Задавшись целью свергнуть тиранический режим, Хомейни звал к открытой борьбе, но из тактических соображений допускал проникновение некоторых молодых мулл и студентов в аппарат власти. Допускал и террористические действия. Но во всех случаях, если борец погибал, то его объявляли «шахидом» (мучеником за веру).

Идея жертвенности сыграла потом большую роль в революции. Студентов на своих лекциях он призывал идти в низы города и деревни, готовить революцию и в случае массовых выступлений быть в первых рядах, несмотря на смертельную угрозу.

Показал он себя и превосходным организатором. В Неджефе и Куме были созданы весьма мощные группы из молодых мулл, преподавателей, талибов, которых он подбирал сам, воспитывал и давал тайные поручения. Они охраняли своего имама, служили гонцами в самые разные страны, откуда поступали большие средства в Фонд Хомейни.

Своим лидером его считали уже шииты не только Ирана, но и Ливана, Пакистана, Кувейта, Саудовской Аравии, Бахрейна. Через Фонд финансировалась борьба палестинцев против израильских оккупантов, отряды Хезболла и другие военные формирования, а также подготовка будущих бойцов революции за границей. Особенно активно помогали ему сыновья Мустафа и Ахмед, его секретари и казначеи, сами уже получившие солидное образование и высокие духовные звания.

Идеи Хомейни привлекали на его сторону не только, как выражаются в Иране, «людей базара», но и университетских интеллектуалов, настроенных оппозиционно к шахскому режиму. Было бы несправедливым не вспомнить других шиитских теоретиков, таких как Али Шариати, Мехди Базаргана, аятолл Мотаххари, Бехешти, Талегани и еще многих, которые были генераторами реформаторских и революционных идей, страдали за свои убеждения. Однако развитию этой темы препятствует недостаток места в этой книге, а не их сложные взаимоотношения с Хомейни.

* * *

До лета 1978 года аятолла Хомейни выпустил великое множество воззваний, из которых черпались лозунги народных выступлений. Их можно сгруппировать так:

1. Шах — агент США и Израиля, источник всех зол, он стоит на краю пропасти и должен быть отстранен от власти вместе со всей династией Пехлеви. На нем кровь жертв, и всякий, кто не стремится к мести за них, совершает предательство в отношении ислама.

2. Конфликтов между собой не должно быть, только сплочение и взаимопонимание народа, как и самопожертвование во имя ислама и Корана, вырвет с корнем колониализм. Молчание и смирение, пацифизм и любые призывы, уводящие народ в сторону от

всеобщего восстания, должны быть осуждены, ибо сейчас они — от дьявола.

3. Никакого отделения религии от политики, любая политическая сила без духовенства не стоит и гроша, а потому антиисламские элементы должны быть изгнаны из революционно настроенной среды. Даже во имя свержения шаха нельзя сотрудничать с марксистами, которые, согласно с их понятиями, непременно нанесут удар в спину.

Шах метался в заколдованном круге, его агентам не было ходу в тысячи мечетей, где ковалась революция. В месяце рамазан, совпавшем с июлем 1978 года, после молитвенных собраний народ выходил на улицы, выкрикивая: «Смерть шаху!» и подвергался расстрелу. Новые жертвы разжигали фанатизм, который пугал шаха, шедшего на либеральные уступки, лишь плодившие множество партий, групп, ассоциаций. Но число их сторонников было мало, они тонули в общем движении.

Назначенный новым премьер-министром масон Джафар Шариф-Имаи ратовал за «правительство национального примирения», прикидывался отчаянным правоверным, ездил в Кум к аятолле Шариатмадари, которого прочили за отстраненность от политики на место номинального главы шиитского духовенства, но было уже поздно. Требования имама Хомейни становились все жестче. Всю парламентскую деятельность и партийную возню он считал бесполезной до восстания народа, социальных изменений и культурной революции, основанной на мусульманской этике. В своей изоляции он не мог напрямую общаться с народом в Иране, но средства массовой информации всего мира не могли пройти мимо выдающихся событий и его высказываний — эфир был полон сообщений о них, технический прогресс стал на службу тому, кого и Вашингтон, и Москва обвиняли в «мракобесии».

Любопытно, что немалая часть населения Ирана, обработанная телевизионной и иной пропагандой, воспринявшая «вестернизацию», привыкшая уже к развязности, эгоистичности, несправедливой наживе, посещению расплодившихся злочных мест, под влиянием наэлектризованной обстановки, общественного мнения, задумывалась над смыслом своего существования, проникалась благочестием и общими настроениями, менялась на глазах.

Современные адепты психотронной войны терпели поражение. Отработанные до мелочей приемы доведения общества до морального распада и чувства рабской обреченности, сработали в Рос-

сии, где народ позволял помыкать собой нагло, открыто, поскольку привык жить в условиях казарменного атеизма за семьдесят лет двойного мышления. В Иране религиозные чувства и традиции не успели выветриться в народной толще. И кроме того, все-таки остается загадкой мгновенность всплеск общенародного единомыслия и действий в шарнирах мировой истории, что вселяет надежду на предотвращение бессмысленной гибели России, несмотря на великолепно оснащенное технически подстрекание к центробежности. Исламская революция и фигура Хомейни еще ждут пытливых исследователей, хотя человечество и не склонно учиться на собственных ошибках...

7 сентября 1978 года в связи с окончанием мусульманского поста, духовенство организовало гигантскую демонстрацию, в которой принимали участие женщины в чадрах. Люди скандировали лозунги: «Независимость, свобода, исламское правление!», «Аллах велик, Хомейни — наш вождь!». Сидевшие в грузовиках военные не вмешивались, им бросали цветы. Было объявлено, что на следующий день назначается манифестация на тегеранской площади Жале, впоследствии переименованной в Площадь шахидов (мучеников).

С утра в пятницу, позже названную «кровавой», по радио объявили о введении военного положения в Тегеране и других городах. Несмотря на это, на улицы столицы вышло более миллиона человек. Военным было приказано открыть огонь. До сих пор не могут подсчитать, сколько тысяч человек погибло в тот день. «Мы вам цветы, а вы нам — пули!» — кричали люди. Но армия, вымуштрованная американскими и израильскими советниками, была безжалостна.

С этого дня демонстрации и расстрелы не прекращались. Стронники Хомейни вооружались и их крепко сколоченные группы давали отпор. Но и все население не соблюдало комендантского часа. Мне рассказывали, что по ночам плоские крыши домов заполнялись жителями, хором выкрикивавшими: «Аллах акбар!», «Долой шаха!», «Слава Хомейни!». Автоматные очереди слышны были во всех закоулках, но стоило военным проехать дальше, и ночной крик возобновлялся.

Имам Хомейни обратился к народу с призывом начать забастовки. Откликнулись все, даже служащие Центрального и частных банков, потребовавшие повышения жалования. Это задержало выплату зарплаты рабочим промышленных предприятий, и те тотчас

прекратили работу, потребовали увольнения особенно ненавистных мастеров, улучшения жилищных условий. Бастовали медики и железнодорожники, служащие министерства финансов, торговли, юстиции... Все встало.

А тем временем министры иностранных дел Ирана и Ирака договорились о высылке имама Хомейни из Ирака. Дом его в Неджефе по распоряжению вице-президента Саддама Хусейна был окружен военными. Руководители САВАК связались с шефом иракской безопасности Садуном Шакиром, который ультимативно потребовал от Хомейни отказаться от политической деятельности или уехать и получил категоричный ответ:

«Для меня политика и религия неразрывны, и я никогда не сделаю шага назад и не откажусь от своих политических взглядов».

По воспоминаниям, имам был удивительно спокоен и немногословен. В свои семьдесят шесть лет он подавал своему окружению пример стойкости и присутствия духа, хотя все знали, что сердце его начало сдавать. На всякий случай, до этого велись переговоры о переезде в Ливан или Сирию через Кувейт, откуда частным образом было получено приглашение. Охранники Ирака и Ирана угрожали преследованиями родственникам и друзьям имама.

4 октября он распорядился выехать к кувейтской границе. В ночь перед этим никто в семье не спал, все волновались: жена, его дочь, Хусейн (сын погибшего старшего сына Мустафы), невестки. Имам Хомейни успокаивал всех, говорил о своем религиозном долге и лег спать в свой обычный час.

В трех машинах на рассвете после молитвы отправились имам, его сын Ахмед и несколько друзей. Следом ехали люди в штатском из иракской службы безопасности. Кувейтские пограничники, несмотря на полученную заранее визу, целый час вели по телефону переговоры с начальством. Во въезде в Кувейт было отказано из-за нежелания портить отношения с шахом. Иракские агенты держали имама со спутниками у границы с двух часов дня от одиннадцати вечера. Имам очень устал и требовал разрешения выехать в Багдад.

Наконец разрешили ехать. По воспоминаниям Ахмеда Хомейни, они доехали до Басры и заночевали в гостинице. Ночью перебирали страны, куда можно было бы выехать. Ахмед предложил Францию, где, остановившись на короткое время, можно было бы наладить связь со всеми и принять решение, что делать дальше. Имам согла-

сился, хотя из европейских городов только в Гамбурге была шиитская мечеть. Решение, как потом оказалось, было мудрым.

Имам плохо чувствовал себя, но утром твердо отказался от настояний иракских офицеров вернуться в Неджеф, и его доставили самолетом в Багдад. На другое утро он вылетел из Багдада.

В пятницу 6 октября 1978 года самолет приземлился в парижском аэропорту Орли.

Французский президент Жискара д'Эстен отдал приказ выслать имама, если тот не даст обещания не заниматься политикой.

Хомейни заявил:

— Мы думали, что здесь будет по-иному, чем в Ираке. Куда бы я ни поехал, я буду говорить то, что хочу, я буду перелетать из аэропорта в аэропорт, из города в город, чтобы говорить миру, что все правительства угнетателей объединились, чтобы не дать угнетенным услышать правду. Но, несмотря на все их усилия, я сделаю так, чтобы голос храброго иранского народа услышали все на земном шаре, я расскажу миру, что происходит в Иране.

Он еще тонко заметил, что считал Францию демократической страной, а дипломаты шаха посоветовали президенту остерегаться иранцев и сами попросили предоставить им охрану.

С этого времени аятолла Хомейни стал средоточием внимания всех средств массовой информации. К нему стекались эмигранты. В первой же речи перед ними он сказал, что шаха предадут и его армия, и двор, стоит проклятым Богом американцам лишить его защиты. Но и им следует побережиться...

По сравнению с Ираком, связь с Ираном осуществлялась легко — стоило снять телефонную трубку... Через два дня богатый иранец Асгари предоставил имаму свое имение в городке Нофль-ле-Шато, находящемся в 25 километрах от Парижа. Туда ринулись за ним репортеры и его сторонники. Четыре месяца он давал интервью и произносил речи, излагая свои взгляды на исламское правление, руководя своими сторонниками в Иране. Даже при беглом взгляде на опубликованные в этот период материалы, совершенно невозможно представить себе, что в этих тысячах страниц запечатлена деятельность одного очень пожилого человека за четверть года.

В Иране шах то назначал военное правительство во главе с генералом Азхари и требовал убивать как можно больше бунтовщиков, то наведывался в американское и английское посольства за бесполезными советами, но многомиллионные демонстрации, приу-

роченные к религиозным праздникам, продолжались. Шах произносил речи, признавая свои ошибки, и даже делал вид, что громит коррупционеров. Но ему, обладателю двух миллиардов долларов, лежавших в швейцарских банках, многочисленных роскошных поместий в Старом и Новом свете, никто не верил.

Последним «верным человеком Америки» был один из лидеров Национального фронта Шапур Бахтияр, представленный шаху в качестве нового премьер-министра, согласно договоренности лидеров четырех индустриальных государств в Гваделупе. Заместитель главнокомандующего войск НАТО в Европе генерал Хайзер прибыл в Иран с секретным планом отстранить шаха, подготовить военный переворот, а потом вернуть шаха в страну, как это уже было в 1953 году. Но обстановка была не та. Хомейни настаивал на продолжении революционных боев.

В Нофль-ле-Шато прибывали студенты-иранцы из США, Европы и Азии, многие приезжали из Ирана.

В имении имаму Хомейни было отведено два небольших дома. В меньшем жил он сам с семьей, а в доме напротив встречался с иранцами, проводил молитвенные собрания, и там же располагались его помощники. Для приезжих был арендован третий дом, где порой в каждой комнате спало до тридцати гостей. Имам был столь щепетилен в отношении религиозных фондов, что запрещал брать из них деньги, предназначенные на благотворительные цели, и общежитие оплачивалось по принципу: плати, если в состоянии помочь.

Получалась обратная связь — имама информировали о событиях, а он давал указания духовенству и делал ставку на молодежь, к которой обращался чаще всего, призывая идти в глубинку и поднимать народ. Молодые офицеры и солдаты все больше прислушались к голосу имама и присоединялись к восставшим.

Бахтияр не скупился на обещания заставить шаха уехать, породить демократию, распустить САВАК, соблюдать исламские предписания, вернуть привилегии духовенству, свободу прессе, освободить политических заключенных и арестовать продажных политиков и коррупционеров, что и было частично сделано. Взамен он требовал доверия.

А иначе, грозил он, в Иране победит коммунизм, русские захватят страну и разделят ее. Если припомнить афганские события, начавшиеся в то время, основания для внушения подозрительности были.

Но имам Хомейни объявил правительство Бахтияра незаконным.

* * *

Всенародное движение не было монолитным. Множество группировок объединяла ненависть к тирании шаха, но каждая преследовала свои цели, недооценивала влияние духовенства и рассчитывала воспользоваться завоеваниями революции по-своему. Из тюрем выходили непримиримые коммунисты из партии Туде, вливались в революционное движение, пробивались в его руководство, создавали все новые ячейки. Левые, Организация партизан-федаев и Организация моджахедов, опираясь на заслуги в вооруженной борьбе против шахского режима, напоминая о жестокой расправе САВАК с ними, привлекали многих молодых людей, но имам, поведавшись с их представителями, которые клялись в верности исламу, и, задав несколько вопросов, счел их веру в Бога неглубокой и орнаментальной, прикрывающей неприязнь к духовенству.

Группы либеральных интеллигентов рады были бы возглавить общество, но стихийные выступления, подогреваемые воззваниями имама, диктовали свои условия, и они тоже становились попутчиками, занимавшими видное место в движении. Но Хомейни мерил своими, религиозными, мерками их зыбкую преданность. Позже он испытает бешеное сопротивление своим действиям и назовет попутчиков, а потом врагов, «лицемерами», кличкой, данной нестойким новообращенным мусульманам пророком Мухаммедом.

В декабре 1978 года имам Хомейни создал Революционный совет, а 16 января 1979 года шах бежал из страны через два дня после заседания Монархического совета, заручившись поддержкой кабинета Бахтияра.

13 января 1979 года при громадном стечении народа у Тегеранского университета было зачитано послание имама Хомейни:

«В силу шариатского права и на основании востума доверия, данного мне большинством иранского народа, в целях осуществления исламских целей временно назначается Совет исламской революции, состоящей из компетентных, преданных и заслуживающих доверия мусульманских деятелей...».

В стране установилось двоевластие. Улицы Тегерана заполнили ликующие толпы. Люди пели и танцевали. Они требовали скорейшего возвращения Хомейни, но продолжало действовать военное положение, и Бахтияр с генералом Хайзером и другими американскими советниками все не хотели сдаваться, военные делали воо-

руженные вылазки из казарм, все аэропорты были закрыты. Ходили слухи, что самолет Хомейни собираются взорвать.

Ожидавшийся прилет был отложен на шесть дней.

Наиболее уважаемые религиозные авторитеты сели в бест в мечети Тегеранского университета, т.е. отказывались выходить оттуда до возвращения имама. В Тегеран стекались люди со всей страны, в них стреляли, их давили танками, но остановить поток людей было невозможно.

Наконец, 1 февраля Хомейни ступил на родную землю. Его встречало, по разным сведениям, от 4 до 6 миллионов человек. Имам произнес благодарственную речь и тотчас отправился на кладбище Бехешт-е Захра, где хоронили мучеников революции.

Там он провозгласил назначение нового правительства.

Бахтияр не верил своим ушам, но через два дня стало известно имя другого премьера, религиозного человека, инженера Базаргана, которого, несмотря на его принадлежность к либеральному Движению за свободу, рекомендовал Революционный совет.

Бахтияр с Хайзером лихорадочно готовили военный переворот, но встречать имама пришли и многие военные. Потом на сторону народа стали переходить целые соединения. 9 февраля в Тегеране началось смятение. Дивизия шахской гвардии напала на персонал военно-воздушной базы, ставшей на сторону революции. Народ бросился поддерживать его. Бои шли всю ночь, люди получали оружие из арсенала базы.

На другой день радио по приказу генералов объявило, что с 16 часов никому не разрешается выходить на улицу. Имам Хомейни заявил, что это противоречит шариату.

«Дорогие братья и сестры, не пускайте страх в свои сердца, ибо по воле Всевышнего истина победит...»

Сейчас даже трудно представить себе, что происходило. Известно, что Бастилию взяли малой кровью. Февральская революция в России была почти бескровной, а во время октябрьского большевистского переворота погибло всего шесть человек. В Тегеране же казармы различных родов войск атаковали многотысячные толпы, скудно вооруженные, при пока еще незначительной поддержке откликнувшихся на призыв Хомейни военных. Танки и орудия били прямой наводкой, громоздя буквально горы трупов, но люди шли и шли под огонь, облепляли танки.

Захваченные радио и телевидение 11 февраля 1979 года объявили об окончательной победе Исламской революции и установлении Исламского правления.

«Кровь победит меч» — таков был девиз Хомейни, считавшего жертвенность высшей стадией духовного совершенства. Теперь, воспользовавшись революционным подъемом, он поставил перед собой задачу создать здоровое общество на основе уважения каждым его членом исламских традиций и соблюдения заповедей пророка Мухаммеда и непорочных имамов. Но для этого необходимо было построение исламского государства, идеологию и структуру которого он разрабатывал в течение всего своего длительного изгнания.

Разумеется, Хомейни был идеалистом в общепринятом значении этого слова, то есть никогда не изменял своим идеалам, в благочестии своем верил в Божественное Провидение и загробное воздаяние, постоянно совершенствуясь и сводя до минимума свои мирские грехи. Но это был тот редкий случай, когда идеалист оказался прозорливым политиком, очень наблюдательным, трудолюбивым практиком. Временное правительство Базаргана, включавшее специалистов, подчинялось Совету Исламской революции, состоявшему из революционного духовенства, и оба были под контролем Хомейни.

Наряду с ними был создан Комитет Исламской революции, пытавшийся взять под свое начало вооружившихся во время восстания людей и отвечать за порядок, безопасность. Но не все шло гладко...

Обстановка была сложная, поскольку к прежним политическим организациям прибавились новые, и далеко не все поддерживали идеи исламского правления. В условиях провозглашенной демократии все они требовали себе места под солнцем и даже создавали собственные вооруженные отряды. В противовес духовенство собирало свою массовую партию, во главе которой стали такие соратники Хомейни, как Бехешти, Ардебилли, Хаменеи, Хашеми-Рафсанджани и Бахонар¹, Партию Исламской Республики (ПИР)...

¹ Выступая недавно с проповедью, духовный лидер Хаменеи вспоминал: «Туда, где я и мои соратники находились в революционные дни, американцев приводили с завязанными глазами. Я был уверен, что имам отдаст приказ их казнить или что-нибудь с ними сделать. Но в отличие от наших предположений и к удивлению самих американцев, имам приказал освободить их и отвести в посольство... Кто-то уехал, кто-то остался... Но американское посольство проигнорировало это великодушие нашего народа... С самих первых дней они начали плести заговоры... планировать переворот».

В стране, где при численности шахской армии в 400 тысяч человек в руках народа оказалось 300 тысяч единиц огнестрельного оружия, какого бы то ни было спокойствия ожидать было трудно. Местные революционные комитеты и трибуналы ставили к стенке лиц, сотрудничавших с шахским режимом, в которые попадали не только саваковцы и армейцы, принимавшие участие в расстрелах демонстраций, но и чиновники, промышленники, интеллигенты. Революционный террор осуществлялся не централизованно, по указанию руководства, как это было в России, когда кучка ново-явленных правителей, принадлежавших к иудейскому племени, используя низменные и классовые инстинкты, натравливала коренное население друг на друга, уничтожало людей, традиции, религию.

Хомейни был встревожен и призвал население сдавать оружие, но местные комитеты заносило, и было далеко еще до воплощения исламского образа правления, когда, по его словам, *«вся нация — начальники и подчиненные, сотрудники учреждений и торговцы, религиозные деятели и студенты, работодатели и рабочие все будут братьями и равноправными. Совершенно очевидно, что между ними будет господствовать братство, не будет существовать конфликтов по поводу постов, рангов, богатства и т.п.; имущество всех и каждого будет чистосердечно предоставлено в распоряжение всех и каждого».*

А пока он сделал, по-видимому, единственный правильный ход в условиях революционного кипения и стремления групп всех оттенков политического спектра, особенно леворадикальных боевых дружин, оттеснить духовенство от руководства революционным процессом. Удержать власть можно было лишь создав военно-политическую организацию, в которую бы вошли вооруженные отряды разрозненных революционных комитетов и отдельные боевики, плененные харизматической личностью имама.

И такая дисциплинированная организация была создана 24 февраля 1979 года под названием Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Она была призвана в противовес армии, тоже признавшей авторитет духовенства, но еще не удостоенной полного его доверия, «стойко и бдительно защищать исламскую революцию от происков ее врагов».

Как и во время всякой революции, страну лихорадило. В провинциях восставали национальные меньшинства. Террористические группы совершали покушения на многих видных религиозных деятелей, пополняя список мучеников. Американские агенты

вербовали людей среди недовольных новым режимом и даже близких к либеральному Временному правительству. Советские — подстегивали боевые коммунистические группы.

Экономика страны разваливалась на глазах. Как только было объявлено о конфискации собственности шаха и членов его семьи и передачи ее в Фонд обездоленных, крупные предприниматели бросились вывозить капиталы из страны. Рабочие захватывали предприятия, но не могли наладить функционирование их без опыта и денег. Нефти добывалось меньше, да и цены на нее падали стараниями Саудовской Аравии и США. Иранские авуары, хранившиеся в американских банках, были арестованы. Импорт промышленных и продовольственных товаров, достигший при шахе колоссальных размеров, резко сократился. Экономическая блокада, инфляция, безработица... Недовольных хватало.

Нельзя сказать, что богослов и правовед Хомейни был силен в конкретной экономике, поскольку руководствовался лишь общими понятиями о справедливости. В Ираке вместе с шиитским идеологом ас-Садром они разработали такие принципы: сохранение доходов на уровне потребностей, борьба против излишеств и сосредоточения богатств в руках немногих, регулирование цен, запрещение ростовщичества, введение бесплатного образования и медицинского обслуживания. Экономический советник имама Бани Садр написал книгу «Тоухидная экономика» (тоухид — единство, божественная гармония), в которой обосновывалось органическое сочетание частной и общественной собственности. Распределение по труду, а не по капиталу, намечалось впоследствии заменить принципом: «от каждого по способностям, каждому по благочестию», что вполне отвечало взглядам моралиста Хомейни, который вначале вводил своими указами бесплатные коммунальные услуги, передачу конфискованного обездоленным, бесплатный проезд, не считаясь с правительством, но это вызвало такой наплыв населения в Тегеран, что создались великие трудности, и решение экономических вопросов приняло более умеренный и расчетливый характер.

В частности, Хомейни объявил «созидательный джихад». По его призыву тысячи специалистов и революционных отрядов хлынули в отдаленные районы страны, строились дороги, медицинские центры, электростанции, улучшались условия жизни, а заодно создавались исламские советы, призванные оживить жизнь в провинции и сделать ее сносной.

* * *

1 марта имам Хомейни вернулся в ликующий Кум, где 16 лет назад положил начало революционному движению. Он плохо себя чувствовал, но дело его уже находилось в крепких и верных руках. Оставалось закрепить революционные завоевания. 30 марта был проведен народный плебисцит и 98% пришедших на избирательные участки высказались за провозглашение Исламской Республики Иран (ИРИ), и 1 апреля, день подведения итогов голосования, отмечается празднично и поныне.

В Куме имам Хомейни едва ли не каждый день встречался и говорил с тысячами своих сторонников в семинарии Фейзие.

А говорить было о чем. Если трибуналы приговорили к смертной казни бывшего премьера Ховеиду, главу САВАК генерала Насири и многих других, то группа левых террористов «Форкан» уничтожала сподвижников Хомейни, среди которых были революционные генералы, аятоллы Мотаххари, Табатабаи, Эраги. Горели элеваторы, взрывались нефтепроводы. А тем временем конфискованные земли шаха и других крупных землевладельцев распределялись среди крестьян...

* * *

В стране было три силы: либеральные и демократические партии, на которые опиралось Временное правительство, технократы и политическая элита; левые и радикалы коммунистического и даже исламского толка, тоже яростные борцы с шахским режимом; хомейнисты, духовенство, опиравшееся на широчайшие массы верующих.

Реальная власть все больше переходила к последним, недовольным кабинетом Базаргана, который, в свою очередь, пытался контролировать деятельность великих аятолл, реанимировать армию, собрать в единый кулак светскую интеллигенцию и студентов.

Переговоры членов Временного правительства и Исламского революционного совета продолжались порой до десяти часов и ни к чему не приводили. Сторонники Хомейни имели своих эмиссаров во всех органах власти и проводили свою политику, опираясь на отряды стражей исламской революции и Хезболла (партии Аллаха). А левые, партизаны-федаи и моджахеды, даже решили бойкотировать референдум об исламской республике.

Все решил призыв Хомейни. За ним пошли и студенты. 12 августа 1979 года раскол среди них стал очевиден. В Тегеранском уни-

верситете начались столкновения различных группировок, были сотни раненых. Хомейни оправдывал своих сторонников.

— Я приеду в Тегеран, — грозился он, — и буду действовать в революционном духе.

А дальше произошло то, что имам Хомейни назвал «второй исламской революцией». 3 ноября он опубликовал воззвание к студентам и учащимся и призвал их к «мощной атаке против интересов Америки и Израиля». На другой день группа молодежи, назвавшая себя «студентами-мусульманами — последователями курса имама», захватила штурмом посольство США и взяла в заложники его сотрудников. Одновременно ЦК Партии Исламской Республики сделал запрос правительству, на каком основании премьер Базарган ведет в Алжире необъявленные переговоры с советником Белого дома по вопросам безопасности Бжезинским? Правительство Базаргана пало.

Бумаги, обнаруженные в посольстве, потом были постепенно опубликованы под заглавием «Документы американского шпионского гнезда в Иране» и составили 50 томов. Сразу же стали известны имена американских агентов и методы шпионажа не только в Иране, но и других странах. Имам выступил с речью, смысл которой сводился к фразе: «Все наши трудности — из-за Америки».

Москва объявила все эти действия «антиамериканской истерией», что было более чем странно, поскольку Исламская революция обернулась для ее соперников в «холодной войне» потерей громадного плацдарма у протяженной южной границы СССР. Кого-то устраивал союзник Израиля и американский жандарм в районе Персидского залива. Кого-то не вдохновлял пример успешной освободительной борьбы. Любопытно, что именно в это время пал зависимый от США никарагуанский режим, усилилось сопротивление народов Палестины и Ливана, воспряли исламские движения во всех арабских странах и Турции, а проамериканские советники Кремля спровоцировали его на приказ о кровавом перевороте в Афганистане и безнадежную войну с еще не покорявшимся никому гордым народом, надеясь обложить Иран с востока.

В самом Иране проявилось удивительное единодушие левых и правых контрреволюционеров, руководствовавшихся указаниями из советского и американских посольств. Координировались и действия США и СССР по лихорадочному вооружению Саддама Хусейна, пришедшего к власти в Ираке. Аятолла Хомейни придерживался твердого принципа: «Не Запад и не Восток».

А ненавидеть Америку было за что. Не говоря уже о 22 миллиардах долларов заблокированных авуаров, из которых все-таки черпались средства на борьбу с революцией, американцы пригласили шаха, скитавшегося из страны в страну, к себе подлечиться и отказывались выдать преступника, виновного в смерти десятков тысяч иранцев.

* * *

Еще летом 1979 года после выборов в Совет экспертов был разработан новый проект конституции ИРИ, которой, по мысли Хомейни, предстояло закрепить принцип «веляет-е факих» (управление богослова-правоведа). У либералов был свой проект. Не поддерживала Хомейни и часть духовенства во главе с великим аятоллой Шариатмадари, который в его отсутствие считался главным религиозным авторитетом в Иране и, не без основания, боялся еще большего роста влияния имама на революционные события.

Однако, победил проект конституции, отразивший взгляды Хомейни на исламское правление. Он был принят на референдуме и утвержден конституционным собранием 24 абана 1358 года, что соответствует 15 ноября 1979 года. Через десять лет по указу духовного лидера страны некоторые статьи ее были пересмотрены, ибо того требовал накопленный государственный опыт.

Эту конституцию, в корне отличающуюся от основных законов старых демократий, которые списывают тупо, приспособивая их под то или иное правящее лицо и в интересах групп, дорвавшихся до власти и денег, было бы интересно изучить и сопроводить должными комментариями, что за недостатком места в кратком очерке сделать невозможно.

Воздав должное 60 тысячам павших шахидов (мучеников за веру) и сотням тысяч раненых, создатели Конституции подчеркивали, что нация самоорганизуется, дабы достичь конечной цели (прийти к Богу), а на этом пути — создать образцовое исламское общество, пример для исламских и народных движений за границей.

Отчетливо прослеживается в конституции желание утвердить религиозный контроль над всеми сторонами политической и общественной жизни страны и забота о морали и развитии способностей каждого мусульманина. Над всеми ставится признанный духовный вождь нации, который в силу своих личных качеств и учености способен оценить действия президента, премьера, министров, законодательного собрания, опираясь на указания священных книг

(«Дела вершатся улемами, точно выполняющими повеления Бога о дозволенном и недозволенном», — сказано в священном хадисе).

Экономика объявлена не целью (поскольку концентрация и увеличение личного богатства, согласно мировому опыту, приводят лишь к деградации личности и разложению общества), а средством достижения конечной цели. Главное в исламском правлении — вера в единого Бога, в установленные им законы шариата, в Страшный суд, в божественные откровения и справедливость, в преемственность имамов, в изначальное благородство и ценность каждого человека, в отрицание угнетения и гегемонии.

Другое дело — как этого достичь. Известно, что рыба гниет с головы. Государственным служащим запрещается всякая деловая деятельность, включая адвокатскую, за исключением преподавательской. Скажете, что вы об этом уже слышали и знаете, как ловко попираются законы при коррумпированных тоталитарных и демократических режимах, но ни в одной из конституций я не читал ничего подобного статье 142 Конституции ИРИ:

«Собственность лидера страны, Президента, заместителей Президента, министров, а также их жен и детей проверяется главой судебной власти до и после окончания службы указанных лиц на предмет предотвращения ее незаконного приращения».

При этом судебная власть полностью независима и возглавляется одним из высших религиозных авторитетов, который руководствуется не только буквой закона, но и моралью исламских источников.

Прибыв в марте в Кум, аятолла Хомейни заявил:

«Мы не хотим, чтобы наша судебная система была системой Запада и чтобы наши законы были законами Запада, так как у нас есть свои, божественные, исламские законы».

Довольных среди грешников, естественно, было мало, но честные люди одобряли нововведения, и последствия, даже когда суровые революционные законы были смягчены, стали очевидными. «Международная прогрессивная общественность» протестовала против «дикого средневековья», руководствуясь, как всегда двойной моралью, делая вид, что не замечает, как от убийств гибнет в тысячи раз больше людей, чем от казней.

Кстати, безупречная сингапурская демократия еще раньше приняла законы, наказывающие непременно расстрелом владение оружием без разрешения и торговлю наркотиками. И это никого не удивляет, как и спокойствие американцев по поводу того, что во многих штатах введена строгая цензура на показ секса и сцен насилия по телевидению, осуществляемая и на ретрансляционных станциях, чего не скажешь о нашей телевизионной помойке, куда сливаются нечистоты со всего мира.

Всякому, посетившему Иран в последнее время, заметна неэтичность его жителей по отношению друг к другу, отсутствие угодливости перед вышестоящими по положению, если не считать традиционного уважения старших по возрасту, что нельзя было бы полностью отнести к требованию конституции считать «всеобщей обязанностью призыв к добру, проповедь одобряемого и запрещение неодобряемого» без уточнений, защищающих честь и достоинство каждого. В армии, например, запрещается любое использование чего-либо казенного в личных целях, даже труда солдата при переезде офицера с квартиры на квартиру...

Иностранцам ни баз, ни концессий, ни любых фирм, ни служб, ни собственности по конституции в Иране не видать. Такого не было даже при нашем убогом социализме. Зато честно нажитая собственность охраняется законом. Но государство не упускает из рук крупной промышленности, банков, страхования, электроэнергии, связи, бесплатного среднего образования... И не отказывается от планирования. От пятилеток!

Что же касается честности, то законы, оберегающие мораль граждан весьма строги, и особенно, если это касается нечестной наживы, поскольку она — мать всех пороков. Самые большие деньги наживаются присвоением чужой собственности, взятками, растратами и на слабостях человеческих, на разврате и азартных играх. Кстати, аятолла выразил свое мнение об азартных играх в фетве, запрещающей их мусульманам, включая шахматы, но потом для последних сделал исключение, как для развивающихся у молодых людей быстроту разума.

К числу неодобряемых исламом издревле родов деятельности относится ростовщичество. Впрочем, и христианство подвергало его запрету, отдав на откуп иудеям, которые за тысячелетия на ростовщичестве, работоторговле и содержании притонов скопили неимоверные богатства, употребляемые ныне еврейскими националистами для скупки по-дешевке всего, что плохо лежит, приоб-

ретения средств массовой информации, подкупа влиятельных лиц и укрепления вдруг резко обозначившейся своей власти.

Но как же функционируют банки, если нельзя отдавать деньги в рост, если это запрещается исламскими установлениями, столь ревностно поддерживавшимися имамом Хомейни? Банк обычно безжалостен. Он даст деньги под проценты и, по истечении срока, заберет себе твое имущество и предприятие. У нас он переправляет деньги за границу, уменьшая денежное обращение, разоряя производство, лишая людей законного заработка. В Иране банки дают беспроцентные ссуды и ставят себя в рискованную зависимость от прибыльности производства, направляют, подправляют, подпитывают его, дабы не нести убытки, а получать оговоренный доход.

Ислам по своей сущности интернационален, он не признает исключительности ни крови, ни расы. Поэтому Хомейни был так суров к увлечению шаха арийством, к национализму вообще и никогда не выделял персов среди многочисленных арабов, азербайджанцев, туркменов, курдов. Конституция считает официальным языком персидский, но и любой другой язык не ущемляется ни в школах, ни на телевидении, нигде, хотя административное деление страны по национальному признаку не строится. Снисходительность к другим религиям проявляется в статье конституции, предусматривающей отдельные выборы зороастрийцев, иудеев, ассирийцев, халдеев и христиан-армян, по одному депутату в парламент, состоящий из 270 человек, что даже превышает их процентную численность в стране. Кстати, все попытки обвинить Хомейни в антисемитизме осыпались, как шелуха, поскольку гнев его распространялся лишь на сионистов и жуликов, поспешивших после победы революции из Ирана вон, поскольку мошенники оказались не в чести, к какой бы национальности они не принадлежали. Тем более, что у него была добрая толика арабской, то бишь семитской, крови.

После отставки Временного правительства Революционный совет на основе принятой конституции создал новое правительство, в котором прочно утвердились религиозные деятели, ученики Хомейни. Но волнения в стране продолжались. Кроме левых и либералов, действовали и недовольные создаваемой Хомейни властной иерархией некоторые шиитские авторитеты, считавшие это нарушением традиций. Их «Партия мусульманского народа» тоже провоцировала беспорядки и создавала свои боевые группы.

В каше заговоров, интриг, мгновенно возникавших и распадавшихся союзов, террора пути ее пересекались с путями коммунистических и монархических групп, и она была распущена...

Сердце имама Хомейни не выдержало постоянного напряжения, и в феврале 1980 года его свалил инфаркт. После 39 дней лечения в Тегеранской кардиологической клинике он поселился в столичном округе Дарбанд. Весной он переехал с семьей в небольшой дом в пригороде столицы Джамаран, где жил до самой своей кончины.

А страна готовилась к выборам президента. Хомейни еще до инфаркта верил, что им не должен быть представитель духовенства. Среди кандидатов началась война компроматов, чему способствовали документы, захваченные в американском посольстве. Среди всех имам выделил Абольхасана Бани Садра, сорокасемилетнего сына аятоллы Садра, с 60-х годов принимавшего участие в оппозиционном движении. Его арестовывали, потом он эмигрировал, закончил Сорбонну. Это в его парижской квартире провел свои первые дни во Франции имам, с которым Бани Садр и вернулся в Иран.

Однако в предвыборных заявлениях Бани Садра не подчеркивалась особая роль шиитского духовенства, и оно с трудом скрывало свое раздражение по поводу его победы, тем более что кандидат Партии Исламской республики, которой руководил аятолла Бехешти, получил всего полмиллиона голосов из 14 миллионов.

Бани Садра вызвали в клинику, где лежал Хомейни, и он поцеловал руку имама, который пожелал ему успехов, не зная еще, что тот задумал втайне свести на нет достижение исламской революции. Клерикалы отыгрались на парламентских выборах и среди депутатов меджлиса более половины носили чалмы. Началась борьба между группировками Бехешти и Бани Садра, которого на первых порах поддерживал сам Хомейни.

Шли свары из-за министерских портфелей. Но аскетичный имам напоминал обеим сторонам о сырых и голодных:

«Ведь именно они дали вам революцию и позволили занять ваши посты. Так можете ли вы спорить из-за постов?».

Но такова уж природа людей, дорвавшихся до власти — каждый, даже мулла, хотел иметь красивый дом, красивую машину, красивую жену.

*«Перестаньте тратить так много! — сердился имам. —
Вспомните, как вы ограничивали себя прежде!»*

После захвата студентами заложников в американском посольстве, Запад, в свою очередь, подверг экономической и политической осаде весь Иран. Создавался опасный прецедент, чреватый войной. Имам Хомейни уже говорил о необходимости создания двадцатимиллионной армии...

22 апреля шесть американских самолетов С-130 приземлились на своей бывшей военной базе в Табасе, в пустыне на востоке Ирана. Перед летчиками поставили задачу: после прибытия самолетов-заправщиков и 8 вертолетов взять курс на Тегеран, где десантники должны были с помощью американской агентуры сбросить бомбы на жилище имама Хомейни в Джамаране и другие важные объекты и в возникшей панике под шумок напасть на американское посольство и вызволить заложников.

Но случилось то, что теперь иначе, чем чудом не называют. Разразилась песчаная буря. Часть вертолетов вернулась на авианосец «Нимитц», а другие спешно приземлились. Один из них столкнулся с уже севшим самолетом, и оба взорвались, восемь человек погибли, остальные бежали, бросив несколько самолетов, вертолетов и иное снаряжение.

В августе в Египте скончался шах. Отпало требование выдать его в обмен на заложников, и их отпустили после того, как в Алжире на переговорах США обязались не вмешиваться во внутренние дела Ирана и разблокировать иранские авуары. Кстати, деньги американцы так и не отдали.

Была и еще одна попытка офицерского заговора, финансируемого американцами, но приближалось еще большее испытание. Саддам Хусейн в августе же с большой помпой совершил хадж в Мекку, где встретился со многими видными людьми и выяснил, что честолобивым планам сделать Ирак мощнейшей державой за счет захвата нефтяных богатств Ирана препятствовать не будут. Еще летом 1978 года он заявил: «Один из двух баррелей нефти, добываемой в мире, должен поступать из Ирака».

22 сентября иракские танковые колонны, перейдя границу, устремились вглубь провинций Хузестан, Илам, Курдистан, Керманшах. МИГи и «Миражи» обстреливали и бомбили иранские

аэродромы, включая столичный аэропорт Мехрабад. Захваченный крупный город Хорремшехр тотчас был переименован в Аль-Мухаммару, как он назывался тысячу лет назад, во времена халифов, что говорило об амбициях Саддама.

Расчет был такой: во-первых, мощнейшая иракская армия, снабженная современным оружием и Западом и Востоком, быстро разгромит иранскую армию, которая после революции находилась в процессе восстановления, и, во-вторых, Саддаму казалось, что нефтеносный Хузестан, населенный арабами, восстанет против персов и образует государство Арабистан под патронатом Ирака.

Ни того, ни другого не случилось. Восстания арабов в Иране не произошло, граждане всех национальностей оказались верными родине. Что же касается блиц-крига, то даже элемент внезапности не сработал.

Имам Хомейни немедленно выступил с обращением к народу. *«Мы должны быть благодарны Аллаху за войну, которая объединяет нас»*, — сказал он, казалось бы, странную фразу и призвал иранцев не шадить жизни во имя спасения ислама. Но он знал, что говорил, превосходно знал историю революций, после которых неприменные войны гражданские были страшнее войн против внешнего врага. А развязывание гражданской войны было в планах, обнаруженных в американском посольстве.

На пути иракцев встала армия и Корпус стражей исламской революции, вскоре к ним присоединились добровольцы. Миллионы молодых людей записывались в ополчение (басидж). Воодушевление было таково, что, слабовооруженные, они шли толпами на пулеметы и танки регулярной иракской армии, гибли тысячами, но вражеское наступление было остановлено. Восемь лет после этого продолжалась война, которую можно назвать позиционной, поскольку крупных подвижек войск не было, а освобождение Хорремшехра было с ликованием воспринято населением всей страны.

Слишком велик был иранский кусок для малого иракского рта.

Война войной, а борьба за власть продолжалась. По-прежнему Партия Исламской Республики (ПИР) во главе с религиозными деятелями Бехешти, Рафсанджани, Хаменеи и другими внимательно наблюдали за деятельностью президента Бани Сафра, назначенного, к тому же, главнокомандующим вооруженными силами.

Премьер-министр Раджаи, действуя совместно с руководством ПИР, назначал в министерства своих людей. Бывший министр иностранных дел Готбзаде, который, кстати, добыл в Париже за 200 тысяч долларов тайный план воззвратить с помощью Ирака на трон шаха, когда он был еще жив, резко критиковал духовенство, отражая взгляды Бани Садра. Его арестовали. Сторонники Бани Садра устраивали манифестации, требуя ограничить деятельность духовенства мечетями. Ответные манифестации проводились «против заговора, имевшего целью подрыв позиций духовенства и ислама». Доходило до рукопашных схваток на улицах.

Имам Хомейни увидел в действиях Бани Садра, все более удалявшегося от него, отклонение от начальных целей революции, совершенной во имя исламского правления. За Бани Садра выступали многие торговцы, студенты, интеллигенты. В витринах магазинов появились его портреты. Часть духовенства была недовольна религиозной пирамидой, которая строилась взамен прежней системы независимых авторитетов, и обвиняла Хомейни в претензии стать «мусульманским папой».

Дошло до того, что 5 марта 1981 года на митинге в Тегеранском университете, где присутствовали и либералы, и левые, а также члены ПИР и Хезболла, Бани Садр фактически призвал к физической расправе со своими противниками. В столкновении тут же было ранено 45 человек. Манифестации и схватки обеих сторон продолжались. Бани Садр, побывав на фронте и заручившись поддержкой некоторых высших офицеров, начал готовить переворот. Но заговор был сорван.

Бехешти и Хашеми-Рафсанджани предоставили имаму доказательство вины президента и потребовали снятия его с поста главнокомандующего. Но имам не хотел «выставлять противнику напоказ наши разногласия». Председатель верховного суда аятолла Бехешти заявил:

«Если вы его не уничтожите, то тогда я сам и мои друзья уничтожим его и всех соучастников».

И все же имам освободил Бани Садра от обязанностей верховного главнокомандующего, а парламент, обвинив его в недостаточной приверженности к «линии имама» и даже в симпатиях к США, лишил президентства. Бывший личный пилот шаха и лидер боевой организации «Моджахедин-е халк» (народные борцы) Раджави увез его в женском платье на летное поле аэродрома Мехрабад и доставил на самолете в Париж. Это напоминало бегство Керенского из Гатчины.

С этого дня начались массовые демонстрации сторонников Бани Садра, разгон их, аресты моджахедов. А те объявили террор. Был серьезно ранен аятолла Хаменеи. 28 июня в здании штаб-квартиры Партии Исламской Революции во время большого собрания раздался взрыв. Под обломками здания остались аятолла Бехешти, четыре министра, двадцать семь депутатов парламента — всего 72 человека.

Идеализм Хомейни разбивался о людское жестокосердие. Его идеи подхватывались людьми очень решительными, но для воплощения их в жизнь требовалось время, потому что сопротивление оказывали люди тоже очень решительные.

Новым президентом был избран Раджаи, а премьер-министром впервые назначено духовное лицо — Бахонар. Вместе с председателем парламента Хашеми-Рафсанджани они составили триумvirат, начавший устранение моджахедов, некогда самоотверженно боровшихся против шахского режима. Было арестовано 7 тысяч, а полтысячи казнено. Эти исламисты с марксистской экономической программой (бывает и такое) оказались серьезной силой. 30 августа в канцелярии главы правительства прогремел новый взрыв. Погибли новый президент и премьер-министр.

Все-таки это была гражданская война со своими вандеями, лагерями боевых отрядов моджахедов и федаев, партизанскими действиями и индивидуальным террором. Не говоря уже о потерях армии и стражей революции, было убито более двух тысяч высших политических и религиозных деятелей. Из семи улемов, посланных Хомейни управлять различными районами страны, погибли и тяжело ранены шесть. Но революционное правительство при поддержке большинства народа успешно теснило иностранную агентуру...

Через месяц после гибели Раджаи президентом был избран аятолла Хаменеи. Набирал силу великий аятолла Монтазери, возглавлявший штаб исламской культурной революции и находившийся возле имама с семнадцати лет. Всенародно избранный Совет экспертов прочил его в преемники имама.

Война с Ираком протекала вяло, но послужила возрождению вооруженных сил. В армии и Корпусе стражей было уже по полумиллиону человек, и пополнялись они из трехмиллионного ополчения, но до «20-миллионной исламской армии», задуманной Хомейни, было еще далеко. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы тес-

нить армию Саддама Хусейна, который на деньги арабских шейхов, закупал оружие и в западных странах, и в СССР. И все в один голос, в том числе и Кувейт, уговаривали иранское руководство заключить перемирие, на что согласиться было невозможно, так как оставались оккупированными несколько тысяч квадратных километров, и потом их пришлось бы выпрашивать. В результате мировой пропагандистской шумихи у несведущих людей уже создавалось впечатление, что Иран напал на Ирак, а не наоборот.

Более того, когда обстановка стала меняться в пользу Ирана, в Персидском заливе появились французский, британский и советский флоты. Началась «танкерная война» — Ирану не давали вывозить нефть. Досматривались и арестовывались коммерческие суда, доставлявшие необходимые товары. В прибрежных водах поджигались иранские нефтяные скважины. Иракцы подвергли химической бомбардировке город Халабче, где от удушья скончалось до пяти тысяч человек.

Дошло до того, что 3 июля 1988 года в чистом небе над заливом двумя ракетами с американского военного корабля «Винсент» был сбит аэробус (рейс N655) с 297 пассажирами, среди которых были женщины и дети. Их гибель была подана, как чистая случайность, и можно лишь представить себе, какой шум поднялся бы, если бы был сбит израильский или американский самолет. Достаточно вспомнить взрыв самолета над Англией, когда подозрения пали на Ливию, в результате чего столицу суверенного государств бомбили и были жертвы в семье Каддафи.

С самого начала имам Хомейни объявил войну с Ираком священной, направленной против США и международного сионизма. Он призывал к жертвенности, и народ внял его зову. Войну эту можно назвать отечественной. И, естественно, сионисты рассматривали ее цинично, радуясь междоусобице мусульман, стремясь попользоваться ею. Израильский министр обороны Рабин сказал: «Победа Ирака или Ирана в войне в Заливе станет угрозой для безопасности Израиля. Выгодно, чтобы эта война продолжалась как можно дольше». То же, примерно, говорил Трумэн, когда мы воевали с Германией.

В 1986 году у Хомейни был второй инфаркт, сорок дней он пролежал в клинике, где, преодолевая боль, живо интересовался делами на фронте и в тылу, в котором после подавления левой и правой оппозиции разгоралась нешуточная борьба за лидерство в случае кончины имама.

Через год Совет безопасности ООН принял резолюцию 598, в которой был учтен некоторые требования Ирана. Имам принял решение создать комиссию из сведущих людей, чтобы изучить новые условия перемирия. Свое мнение он высказал еще через год в «Послании принятия», где дал исчерпывающий анализ своего видения политики противостояния супердержавам и осуществления идеалов и целей революции. Вот отрывок:

«Что же касается принятия резолюции, которая, в сущности, является делом горьким и бесполезным для всех и особенно для меня, то еще несколько дней назад я считал, что надо придерживаться оборонительной тактики и позиции, которых мы придерживались в течение всей войны. Я полагал, что это будет полезным и выгодным для Порядка, для Страны и Революции, но события, которые мне сейчас не нравятся и станут ясными, по Божьей воле, в свое время и которые рассмотрели все высокопоставленные политические и военные специалисты, чьей верности я доверяю, привели меня к решению согласиться с резолюцией и примирением. В настоящее время я считаю это целесообразным для Революции и Системы, хотя и не вдохновляющим всех нас, но мы должны пожертвовать своей честью и постоянством ради пользы для ислама и мусульман. Я бы не согласился, принимая во внимание, что мученическая смерть принесла бы мне больше радости, но что поделаешь? Все должны подчиняться воле всемогущего Бога, что непременно выполнялось и будет выполняться храбрым народом Ирана...».

Однако примирительная нота была воспринята Саддамом, как слабость. Было предпринято новое наступление на юге. Моджахеды, «лицемеры», как их называл имам, при поддержке иракской армии, проникли в Иран со стороны западной границы, но, пройдя город Исламабад, были истреблены в результате операции «Мерсад». Коварство Саддама и проникновенное слово имама снова всколыхнули народ, враг был отброшен.

Наконец 20 августа 1988 года между Ираном и Ираком было заключено перемирие, на границе появились наблюдатели ООН. Судя по воспоминаниям, большинством народа это было воспринято с унынием, поскольку готовность иранцев-шиитов жертвовать собой ради общего дела поразительна.

* * *

Уже мелькнуло в послании имама Хомейни слово «целесообразно». Несмотря на войну, кровавые политические разборки, блокаду, экономическая жизнь не замирала. Строились дороги, плотины, увеличивалась добыча нефти. Новое послание Хомейни о политике и планах реконструкции страны из 9 пунктов предусматривало и создание Совета по определению государственной целесообразности, призванного примирить соперничающие стороны в самом хомейнистском движении и обратить их усилия на процветание государства, на борьбу с разрастанием раковой опухоли сионизма, на полную независимость от великих держав.

Покончив с притонами, развратом, пьянством, власти столкнулись с проблемой наркотиков, особенно острой на Востоке (а теперь и в нашей стране). Еще во время войны на афганской и пакистанской границе были сосредоточены войска для борьбы с контрабандистами, да и в самой стране проблема была решена самым радикальным образом. Укрепление семьи, нравственных устоев, чистая от химикалий пища не замедлили сказаться на здоровье нации.

За двадцать лет, прошедших после революции, численность населения увеличилась почти вдвое. При этом две трети его моложе двадцати пяти. Среди молодых людей царит настоящий культ знаний, удовлетворяемый в великом множестве новых университетов и других учебных заведений, которые готовят специалистов для работы в самых различных областях — от ядерных исследований до ветеринарного дела, не говоря уже о богословии, правоведении и философии, основы основ идеологии исламского государства.

Однако в связи с распространенным знанием английского языка, представление о русской культуре они получают искаженное. Энциклопедии, справочники, учебные пособия, находящиеся под контролем международного сионизма, называют лишь имена русскоязычных деятелей, оставляя за бортом громадный слой русских писателей и деятелей подлинно национальной культуры. Впрочем, то же под влиянием средств массовой информации происходит в нашей стране, где население, убывает, в отличие от иранского, каждый год более чем на миллион, а влачание нищенское существование основные массы, при полном отсутствии какой-либо положительной идеологии и харизматических вождей, при соглашательстве православной иерархии, все больше охватываются чувством отчаяния, имея перед глазами весьма небольшой выбор

«идеалов» — несправедную наживу, политическую беспринципность и преступность. Иранские студенты, обучающиеся в наших университетах, под пристальным вниманием просионистских элементов тоже подвергаются усиленной промывке мозгов...

* * *

Третий инфаркт имам Хомейни перенес в 1988 году. Когда человеку восемьдесят шесть лет, он, естественно, думает о близости мгновения соединения с Богом. Мистические настроения, завладевшие им, давали силы для молитв и благочестивых размышлений, но жизнь грубо вторгалась, нарушая их и тяжко ранив сердце.

Нелегко ему далось решение о перемирии. «Словно выпил яду», — сказал имам. Ранило известие, пришедшее из Мекки, где во время хаджа фанатичные ваххабиты с оружием в руках вдруг напали на пилигримов из Ирана и других мусульманских стран, которые, по призыву Хомейни, совершали марш, провозглашая единение в борьбе против США, СССР и Израиля, рассадников мирового безбожья. На улицах Мекки погибло 400 пилигримов, 5000 было ранено. Осквернение святого места при потворстве саудовских правителей, тесно связанных с Америкой, вызвало праведный гнев имама.

Его стараниями затихли раздоры между суннитами и шиитами. Создавался единый фронт мусульман, основанный на общности культурно-исторических ценностей и религиозных догм. Однако идеологический натиск Запада под видом поощрения этического вольнодумства продолжался. У всех на слуху была в свое время история с романом Салмана Рушди «Сатанинские стихи». Помнится, какой резонанс вызвал у нас демонстративный показ фильма о Христе, искажающий Евангелие. Но всякий, познакомившийся с некоторыми страницами «Сатанинских стихов», счел бы фильм скучной фантазией, потому что иносказания о жизни пророка Мухаммеда и его семьи отражают все мерзости, порожденные современной «сексуальной революцией» и воображением развратника-извращенца. Исламские общины всех стран протестовали против появления книги в печатном виде, но правительства англоязычных стран взяли публикацию ее под свое покровительство, видя в ней превосходное оружие против крепнувшей мусульманской морали.

Пылкое религиозное чувство и нравственная чистота Хомейни были оскорблены. Он издал декрет, в котором отлучал Рушди от ислама и призвал верующих наказать его смертью, что вызвало бурю в западных средствах информации. Однако впоследствии между-

народная организация Исламская конференция, разобравшись в деле, подтвердила отлучение без указания на казнь Рушди и его издателей. Любопытно, что единоплеменные мусульман, независимо от их места жительства и убеждений, настолько охладило притворное негодование западных деятелей, что они стали нащупывать пути сближения с Ираном.

Бежавший в Париж Бани Садр сказал в своих мемуарах об имаме: «Он и при смерти будет работать».

4 января 1989 года имам Хомейни написал послание Горбачеву, а 7-го в Москву прибыл его ученик аятолла Амоли в сопровождении заместителя министра иностранных дел Ирана и госпожи Даббах, члена парламента. На другой день они были приняты в Кремле Горбачевым, и во время двухчасовой беседы ему было вручено послание Хомейни. Документ оказался настолько впечатляющим, что его скрыли от советского народа, а опубликован он был задним числом и лишь в оппозиционном «Дне» тогда, когда уже никакое разоблачение или свежая мысль не воспринимались читающей публикой, замороженной телевизионными говорящими головами самых разных политических оттенков и приученной к тупому созерцанию обвала несчастий.

Письмо аятоллы было философским, каждая фраза его, исполненная смысла, требовала внимания, и можно только представить себе, как поверхностно образованный, льющий в речах одну воду Горбачев воспринял его. Слабый властитель, игрушка в руках марксистско-капиталистических деятелей, которые, повертев его, отбросили за ненадобностью, был, разумеется, польщен дипломатичной лестью мудрого старца о «смелости и дерзаниях», однако генсека компартии не могли не смутить утверждения, что «отныне коммунизм следует искать в музеях политической истории», и что коммунизм загнил, не добившись создания справедливого общества из негодного озлобленного атеистического материала, и «хруст костей его уже услышан потомками».

Но Хомейни явно метал бисер перед свиньями, когда старался внушить атеисту Горбачеву, что человек нуждается в познании мироздания и конечной цели своей жизни, что дело совсем не в вопросах собственности, экономики и свободы, а в спасении человека от кризиса веры и духовности, от трясины подлости, от тупика, в который загонял и загоняет Россию дьявольский Запад, который сам болен и погряб в тех же проблемах, что и коммунизм, хотя и в других формах.

«Разумеется, в результате дурной экономической политики прежних коммунистических властей на вас мог произвести впечатление Западный мир, этаким иллюзорный рай, но правды Вы там не найдете. Если вы питаете надежду разрубить экономические гордые узлы социализма и коммунизма, обратившись к средоточию Западного капитализма, то не излечив ни одного недуга вашего общества, Вы совершите ошибку, исправлять которую придется тем, кто, в конце концов, придут на Ваше место», — писал Хомейни.

Материалистических потуг исправить человечество в последние века было предостаточно. Хомейни предлагал Горбачеву отказаться как от утопий, так и «естественного отбора» в царстве наживы, и обратиться к каждому отдельному человеку, который «по своей природе старается во всем достичь абсолютного совершенства». В ходе своих рассуждений Хомейни приходит к выводу, что абсолютное знание, как и абсолютная власть, которые так притягивают человека, должны существовать. Это-то и есть всемогущий Бог.

«Человек стремится к абсолютной истине, чтобы раствориться в ней, в Господе. И, вообще, стремление к Вечной жизни заложено в каждом человеке, и оно свидетельствует о существовании Бессмертного мира».

Бедный Горбачев! Его засыпали философскими и религиозными терминами, цитатами из десятка Мудрецов, из которых он слышал, пожалуй, лишь о Платоне, Аристотеле и Авиценне. Ему даже посоветовали направить в Иран специалистов, дабы они излечились от «американской религии», этого истинного «опиума для народа», и набрались ума-разума.

Что уж там понял из послания Горбачев, не знаю.

Но ответ он с помощью «специалистов» составил¹ и поручил доставить его... Шеварднадзе. Этот бывший министр иностранных дел, тогда уже сильно навредивший России и обкорнавший ее в угоду Америке, ожидал роскошного приема во дворце духовного вождя Ирана, всяческих церемоний, а оказался в 12-метровой ком-

¹ Когда очерк набирался, удалось добыть ответное послание Горбачева. Демагогическое и убогое по смыслу, оно содержало и такую сакраментальную ложь: «Народы нашей страны определили свой выбор еще в октябре 1917 года. С этого пути мы не сойдем, верим в его правильность».

натушке саманного дома в Джамаране, на северной окраине Тегерана.

Длинный ЗИЛ пришлось оставить, не въезжая в улицу Шахида Хасана, где ему не развернуться было, и пешком проследовать к дому да еще снять туфли у входа. Внутри обстановка была спартанская: низенький столик с Кораном и четками на нем, кушетка, стул, газеты, радиоприемник, молитвенный коврик... вот, пожалуй, и все. Старец предложил Шеварднадзе стул, а сам сел на пол рядом со столиком, что пришлось сделать и какому-то высокопоставленному советскому чиновнику, сопровождавшему Шеварднадзе. Им принесли по чашке чая с двумя кусочками сахара, и они, видимо, подумали, что их разыгрывают¹, нарочито унижают, тем более, что спокойный старец принял их сухо, проницательно разглядев, что это за птицы. Им, коммунистическим вельможам, привыкшим к спецобслуживанию, и в голову не приходило, что значение и влияние великого религиозного, государственного и общественного деятеля далеко не всегда вяжется с показной роскошью и прочими атрибутами власти. Кстати, мне говорили, что имам не любил говорить по телефону — ему надо было видеть глаза собеседника, и правда редко укрывалась от него...

Письмо Горбачеву оказалось пророческим. Россию и в самом деле загнали в экономический тупик и трясины пошлости, предопределив ее населению рабскую долю в сырьевом обслуживании «золотого миллиарда».

Исследователь трудов имама Хомейни господин Ансари недавно прокомментировал обращение к Горбачеву так:

«К сожалению, русские лидеры не вняли этим предупреждениям и советам, и американские и европейские корпорации и компании превратили современную Россию в экономический полигон, где испытываются новые формы эксплуатации для будущего, в котором нет ничего, кроме темноты и глухих закоулков, если только народ страны не восстанет!»

¹ Могу заверить, что никакого розыгрыша не было. Побывал я в этой комнатухе дома, в котором и сейчас живет его вдова. За дом он исправно платил его хозяину господину Джамарану 10 долларов в месяц иранскими туманами. Дом соединен мостиком с очень скромным залом мечети, куда ему, изнуренному тремя инфарктами, не добраться было бы по крутым лестницам, а общаться с людьми, выслушивать их, высказываться хотелось ...

* * *

Старый революционер давно уже подготовился к встрече с Всевышним, но земные дела все не давали покоя. Он не мог примириться с захватом исламских земель сионистами, зверствами их в Ливане, расправами с палестинцами, компромиссом правителей некоторых арабских государств с мировым сионизмом, выкачивавшим из одной Америки три миллиарда долларов в год для ненавистного Израиля, который не собирался возвращать мусульманам священный город Иерусалим.

Он еще шесть лет назад в подробном завещании проанализировал главенствующие порядки в современном мировом сообществе и попытался дать полезные советы всем слоям населения родной страны. Пожалуй, главным в его религиозно-политическом кредо было стремление различить два типа ислама. Один, названный им «американской версией ислама», поддерживается деспотическими колониальными правителями и лживыми клириками. В нем остаются математически выверенные обязанности верующего, но забываются коранические заповеди и традиции, отменяются заветы, определяющие социальные и экономические взаимоотношения, исламское правосудие, поощрение добра и борьба со злом, забывается джихад, как высшее напряжение духовных и физических сил во имя ислама, а сама религия рассматривается, как некое число молящихся и занимающихся религиозными обрядами, независимо от собственной философии и подлинного состояния души. Именно такой ислам позволяет дегенеративной западной культуре проникать глубоко в исламское общество, навязывать свои нравы, институты и законы, что в конце концов приведет если не к гибели, то выхолащиванию веры и жалкому существованию мусульман.

Этому он противопоставил «чистый» ортодоксальный ислам, лишенный недостатков «американского» и способный не только поднять общество на восстание, как это было сделано в Иране, но и морально укрепив каждого, добиться процветания и указать человечеству выход из нынешнего тупика безверия и торжества сил зла.

Он твердо верил в мировое признание своих идеалов и заповедал нынешнему и будущим поколениям распространять свое учение, надеясь, что его подхватят и воплотят в жизнь все обездоленные.

Но было и еще одно обстоятельство, тревожившее старика. Занятый вопросами высокими и мистическими, он верил и в человеческий фактор, в сильную личность, которая могла бы подхватить знамя в случае его кончины. В 1983 году, как мы помним, Совет

экспертов избрал его преемником аятоллу Монтазери, верного ученика имама, прошедшего вместе с ним весь тернистый путь и пользовавшегося большим влиянием.

Однако ни для кого не было секретом, что личностью Монтазери оказался слабой, часто подпадал под влияние сомнительных лиц, совершал оплошности. Имам поправлял его, наставлял, доверял важные задания, чтобы тот поднабрался опыта, и вдруг, по прошествии шести лет, имам Хомейни стал сомневаться, сможет ли тот действовать самостоятельно. Монтазери получил от него письмо, в котором уже было твердо сказано, что для принятия на себя тяжелой и серьезной ответственности духовного лидера страны (подразумевалась кончина имама) у того «не хватит жизненных сил».

Трудно сознаваться в собственных ошибках, но все отмечают, что он умел это делать. Он открыто говорил о своих сомнениях, отдаваясь на суд сподвижников. 10 апреля 1989 года он обратился к парламенту и кабинету:

«... мой религиозный долг взывает к принятию решения для защиты порядка и ислама, и поэтому я с кровоточащим сердцем увольняю плод моих жизненных усилий (Монтазери) с должности...»¹.

«Со спокойным сердцем радостной и уверенной душой и с надеждой на мудрость Господа я расстаюсь с братьями и сестрами по вере и отправляюсь в мир вечный. Я очень нуждаюсь в ваших добрых молитвах. Я прошу милостивого и милосердного Господа простить мои прегрешения, ошибки и недостатки и надеюсь, что народ тоже простит мои упущения и недостатки и мощно и уверенно пойдет вперед...».

Так писал он в завещании еще в 1983 году, добавив, что поручает зачитать его после своей кончины сыну Ахмеду, который теперь не отходил от постели больного. Отказывало сердце и пищеварительная система. Иمامу делали операции в небольшой больнице, специально построенной на соседней улице. Там постоянно дежурила бригада врачей, а имаму говорили, что это общая больница, для

¹ Заместителя рахбара — духовного лидера страны.

всего околотка. И в самом деле, там лежали больные, чтобы имам не догадался, что его как-то выделили из народа.

Я видел поразительный фильм, смотреть который было больно, тревожно, даже муторно. У меня на руках умирали близкие... Ощущение было почти такое же. В палате установили скрытую телевизионную камеру, а потом смонтировали отрезки ленты... Сперва это был красивый старик с его замечательной бородой, которому помогали встать с постели и опуститься на коврик для молитвы... Проходило время, и во все новых кадрах человек истаявал. Истаявал на глазах, пока не превратился в тень...

Говорят, что, наряду с зачитываемыми бюллетенями о состоянии здоровья имама, по телевидению показывали некоторые кадры. Люди плакали у экранов и молились. «О ты, ничем не омраченная душа! Вернись к Владыке своему, ему угодной и довольной...» — говорится в Коране.

В 22 часа 20 минут 3 июня 1989 года отлетел последний вздох вместе с недосказанной молитвой. В ту ночь многие иранцы из-за переживаний были доставлены в клиники, и несколько десятков скончалось от сердечных приступов.

На другой день в Совете экспертов, вместо занемогшего Ахмеда Хомейни, завещание имама было оглашено аятоллой Хаменеи, и он же был избран преемником покойного.

5 июня или 15 хордада, в годовщину восстания 1963 года, миллионы жителей Тегерана и пришельцев из других городов собрались вокруг высокой платформы, закрытой зеленой материей, на площади Мусалла и прилегающих улицах. Все происходило без обычных церемоний. Одетые в черное люди рыдали. Ночью загорелись тысячи свечей, никто не уходил. Наутро стали хором читать похоронную молитву.

Подсчитано, что если встречали имама, когда он прилетел из изгнания, 6 миллионов человек, то провожали в последний путь 9 миллионов. Дети, женщины, мужчины громко стонали, били себя в грудь и по голове. Похоронная процессия в сторону Бехешт-е-Захра, кладбища мучеников Исламской Революции, не могла тронуться с места. Сохранились кадры кино, на которых видно, как цепляются люди за вертолет с телом имама, как вертолет пытается взлететь, и люди падают...

Когда тело было все-таки доставлено на кладбище, оцепление не смогло сдержать толпы. Еле удалось вырвать гроб из рук, и тело увезли обратно в Джамаран, к жилищу имама. Объявили, что похо-

ронная церемония откладывается, но это было против обычая, и, к тому же, в Тегеран прибывало все больше народу. Несмотря на все трудности, похороны состоялись в тот же день. Тело имама, завернутое в саван, опустили в могилу, головой к Мекке.

Над могилой давно уже вырос мавзолей — с золоченым куполом и четырьмя минаретами мечеть, гигантская, тысяч в десять квадратных метров, с мраморным полом, устланным коврами. Она находится на южной окраине Тегерана, у дороги в Кум, с которым было столько связано у имама. Со всего Ирана стекаются сюда паломники, чтобы помолиться и поклониться праху имама. Растет гостиничный комплекс, тянутся вверх деревья в парке-оазисе среди каменистой пустыни. Планируется построить университет и студенческий городок.

Я оказался у могилы Хомейни на третий день своего приезда в Иран, у прозрачного решетчатого куба над ней, кажущегося крошечным в циклопическом пространстве мечети. Там не было никаких часовых, люди подходили к кубу и тотчас рассредоточивались, стелили на пол молитвенные коврики, садились на пятки лицом в сторону михраба, ниши, указывающей направление на Каабу, каменный куб в Мекке, в который вмурован черный метеорит. Они углублялись в себя, шепча молитвы, восхваляющие Господа.

И вдруг поразило одно явление, не виданное мною ни в одном из храмов или молитвенных домов, а тем более в усыпальницах и пантеонах. То и дело привозили детей, мальчиков и девочек, нарядно одетых в светлые рубашки и блузки (темная чадра на голове появляется лишь в девичьем возрасте), целые классы, школы. Дети щебетали, вскрикивали, шалили, гоняли по мечети взапуски, и никто из молящихся не повернул головы, не сделал им замечания.

Как-то стало светло в этом доме смерти. Подумалось, что и Хомейни возрадовался бы в том мире, откуда, как сказал Шекспир, «еще никто не возвращался». Вспомнились стихи Пушкина: «И пусть у гробового входа младая жизнь будет играть...».

Часть третья: Заключительная

Нас, русских, пытаются убедить, что «лимит на революции исчерпан», что ничего хорошего из революций не получается, что все образуется само собой, когда сильные и богатые мира сего, насытившись грабежом, вдруг изменят своей ненасытной природе и начнут осыпать благодеяниями угнетенных и обездоленных.

Но всякая медаль имеет две стороны. Да, почти в каждом из нас живет и тиран, и собственник, и раб, готовый к кровожадному бунту, ради потакания своим разрушительным инстинктам, и надеющийся на конечное обогащение. Имам Хомейни говорил:

«Человек — это чудо, которое может развиваться в божественное или дьявольское существо!».

Он надеялся на лучшее, раздувая огонь исламской революции и считая необходимым создать условия, при которых из безгрешного ребенка вырастет человек достойный. Даже сам дух противления жестокому режиму он считал воспитующим. Говорят, что после подавления восстания 1963 года друзья спросили его, не сдающегося, с кем он собирается поднять страну и установить справедливое правление? Он молча указал на колыбель. Через 15 лет подростки были в первых рядах...

Разговаривая с его внуком Масихом Боруджерди в Куме, я попытывался, каким был имам в семье:

— Я маленький был, но помню его пронизательный взгляд, — сказал Масих. — Задает вопрос, а ты чувствуешь, что он знает все, и говоришь правду. Бывало, сидит, разговаривает и смотрит вниз, чтобы не смущать. Нас, внуков, любил, но замечаний его боялись как огня, особенно, когда дело касалось нравственности. А так был внимателен с каждым, как с близким, и всегда находил нужное слово, чтобы убедить...

И вдруг он задумался и добавил:

— Ни в одной революции не было такого, чтобы старик стал вождем молодых!

Вопреки распространенному мнению, имам никогда не старался принизить положение женщины в мусульманском обществе, совершенно здраво учитывал физиологию, ключевую роль женщины в семье, как матери и хозяйки, а не свободной игрушки для пошлых наслаждений, всячески поддерживая стремление тех, кто хотел проявить себя в политической и хозяйственной сфере. С женщины и материнства для него начиналось все. *«Первая школа ребенка — материнские колени»*, — говорил он.

В свою очередь, начальную школу он ставил выше университета. *«Достоинства и недостатки уходят корнями в школу, и ключи от благополучия находятся у учителей»*.

Более того, эта мысль развивалась до вселенского значения. *«Путем правильного воспитания и образования преобразуется весь мир»*. Но именно правильного, сеющего доброе. *«Знание в злобном уме более губительно, чем невежество»*, — восклицал он.

Но, безусловно, мерилom всего для него был ислам, вера во всемогущество Бога. *«Счастье и совершенство человека и общества зависит от соблюдения божественных законов, сообщенных человечеству пророками. Человек деградирует и гибнет из-за лишения своих прав и подчинения другим человеческим существам»*. На этом он строил свое политическое здание, борясь за демократию, против шахской тирании и господства международного сионизма.

Философ, мистик, правовед, он умело сочетал принципы логики и философии, как исламской, так и западной, склоняясь к интуитивизму, основанному на религиозных знаниях, но относился с подозрением к лицемерному гностицизму. О правовых аспектах уже говорилось много... Несколько высказываний об исламском правлении привести не помешает.

«Всякий факих, действующий диктаторски, будет удален из руководства». «В тот день, когда правительство станет на сторону жителей дворцов, нам надлежит тотчас ударить в колокол, хороня правительство и страну».

Отсюда аскетизм, завораживающая убежденность и правдивость. Он считал замечательные мысли всех времен и народов как бы своими, хотя обвинения в обскурантизме слышатся и по сей день, вплоть до таких, что своей революцией он будто бы отбросил Иран на тысячу лет назад.

* * *

Взгляды Хомейни содержат потенциал для перемен и приятия современности с ее техническим прогрессом, умеренным равенством, защитой прав личности и социальной демократией. Фундаментализм отступает на второй план и богословские догмы не заслоняют необходимости гибкой политики.

Под влиянием имама Хомейни шиизм, в основном созерцательный и крепко державшийся за традиционность, превратился в боевую идеологию, которая ни в чем не отступает от веры и в то же время признает празднование рабочего праздника 1 мая, зародившегося на Западе.

Исламской революции в Иране уже посвятили много трудов философы и социологи различных, особенно англоязычных, стран, всякий раз подчеркивая, что это предварительные прикидки, поскольку дать точный анализ не позволяет им лишь поверхностное знакомство с историко-культурными основами иранской жизни, уходящими в очень далекое прошлое и усложненными религиозно-этическими особенностями шиитского образа мыслей.

Одни отводят ей весьма скромное место в потоке мировой истории, другие же говорят, что последствия ее непредсказуемы, поскольку речь идет о влиянии на миллиард с лишним приверженцев ислама, который во второй раз за время своего существования может сыграть роль всемирно-исторической силы.

Исламская революция в Иране, осуществленная под руководством духовенства, только этим и напоминает Реформацию в Европе XVI века, которая лишь приспособляла религиозные институты к новым способам ведения хозяйства, не меняя монархического правления, за исключением кратковременной тирании Кальвина в Женеве и Джона Нокса в Шотландии.

Личность и роль имама Хомейни можно оценить в сравнении его с вождями великих революций, менявших лицо мира. Деятели Французской революции руководствовались «общественным договором», возникшим лишь в век Просвещения, и были в чистом виде бунтарями, нравственно нечистыми, антирелигиозно настроенными и принадлежавшими, по большей части, к тайным, масонским, организациям. Вознесенные к вершинам власти стихийным взрывом гнева безоружных горожан, они являли собой скопище либо изуверов-честолюбцев, либо карьеристов-стяжателей, которые безжалостно пожирали друг друга и идеалистов, поверивших в высокие цели революции.

Февральская революция в России возглавилась либералами, которых в октябре 1917 года смели революционные же массы, подстрекаемые сыновьями еврейских богатеев и трактирщиков, распалившими классовую ненависть во имя сына раввина Маркса. В том же году зародилось государство Израиль, которое в петроградской газете «Еврейская неделя» приветствовали, как «метрополию для наших колоний». Стравив и истребив несколько десятков миллионов человек, вожди стали пожирать и друг друга, пока их не перехитрил грузин Сталин, установивший порядок, личную диктатуру и... государственный капитализм, который, не давая никому пикнуть, драг по три шкуры с рабочих и обратил крестьян в крепостных.

И все-таки это была империя, выигрывавшая войны, строившая заводы, поддерживавшая фундаментальную науку... «Торжество марксистско-ленинской политики», система распределения благ, мелочная регламентация всего и вся, доходившая до глупости, привели страну к почти полному воцарению безбожия, двойной морали и нравственной разнузданности, сделав ее легкой добычей бывшей коммунистической номенклатуры, которая пошла на службу банкирам и министрам, ставленникам международного сионизма, уничтожила экономику, армию, науку, нагло ограбила население и положила на свои заграничные счета миллиарды четырехста долларов.

Если, по статистике, наше население из-за обнищания и чувства безысходности убывает почти на миллион ежегодно, то, видимо, не худшим доказательством ценности идей имама Хомейни можно считать, что в Иране население с 36 миллионов человек в предреволюционный год увеличилось до 62 миллионов сейчас.

Вот тут бы стоило вспомнить «Персидские письма» Шарля Монтескье, который вместе с Вольтером открыл век французского Просвещения, приведшего к революции. В них он утверждал, что «выгода отдельных лиц всегда заключается в выгоде общественной».

Но не будем увлекаться многими идеями «Персидских писем», вспомним его размышления о плодovitости нации, о том, что **«народ, численность которого падает ниже известного уровня, прозябает потом в том же положении, а если паче чаяния и возродится, то для этого нужны века»** (выделено мною — Д.Ж.).

Его герой Узбек говорил, что магометанские страны становились безлюднее оттого, что забывали порой об угодных Богу делах — «про извести на свет ребенка, возделати поле и посадити де-

рево». Евреи же восстанавливали свои потери «единственно в силу надежды, теплящейся у них в каждой семье, — надежды на то, что родится у них могучий царь, который станет властелином Земли».

Но, внимая иносказаниям «Персидских писем» теперь, когда Зверь уж при дверях, нельзя забывать наставления имама Хомейни, которые содержат мудрость понимания и жадно воспринимаются во многих странах, вопреки информационной блокаде.

* * *

С о времени кончины имама Хомейни в 1989 году все чаще появляются публикации о целенаправленном планировании нового мирового порядка, о тайных встречах его влиятельных адептов, о новой науке «конспирологии», изучающей возможности обработки населения и армий различных стран, внедрения «агентов влияния» и осуществления переворотов в пользу держав, предводительствуемых определенными кругами Америки. Это почти не скрывается, поскольку Россия уже повержена и манипулируется иноземцами, идет к еще большему раздроблению, а вокруг кипят вооруженные конфликты.

Главной является идея одного послушного «золотого миллиарда», который будет жить в XXI веке в условиях интенсивного потребления и чистой экологии за счет остальных 5 миллиардов населения Земли, обреченных на вымирание от голода и «грязных» производств. Иран и Россию в «золотой миллиард» включать не собираются. Причем население России хотят довести до 50-60 миллионов, необходимых для бесперебойного поступления нужных Западу сырья и продуктов потребления с вредным для человека циклом производства.

Имам Хомейни обладал даром прозорливости и предвидел многие последствия наступления Запада на позиции стран, борющихся против неокOLONиализма и деспотизма.

В своем завещании имам Хомейни подчеркивал, что мусульманские народы и угнетенные всего мира должны сохранять достоинство и ощущать свое духовное превосходство над сатанинскими силами, не поддаваться воздействию пропагандистской машины Запада и следовать своим путем. Он настаивал на том, что это касается всех обездоленных, *«какой бы национальной и религиозной принадлежности они ни были»*.

Однако, напомним, что имам Хомейни в своих революционных обращениях имел дело с народом, сохранившим веру, религиозные традиции и духовно окормляемым мощным духовенством, а не с

людьми, получившими атеистическое воспитание, морально развращенными, преследующими личные цели, а потому инертными в политическом отношении.

Казалось бы, иранская революция нарушила заповедь Корана: «О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику его и обладателям власти среди вас». Но дело в том, что шах, по мнению имама Хомейни и народа, оказался предателем, марионеткой сионистов и американцев, недостойный власти, и потому сработал шиитский принцип почитания авторитетного учителя, который в своей непрерывной заботе о людях, отрекается от земных благ, дает пищу для ума и развивает тягу к совершенству.

Общаясь с иранским духовенством, которое не выпускает из своих рук контроля во всех ключевых областях деятельности, я заметил его полное равнодушие к одежде, знакам почитания, быту. Орденов у них нет, это только для военных. Во время поездки в город Казвин по приглашению высокопоставленного улема, курирующего университеты от имени духовного лидера страны Хаменеи и выехавшего заранее, я нашел его в студенческом общежитии, где он спал, притомившись с пути, на голой койке. В комнату входили студенты, среди которых были и молодые представители мусульман российских и среднеазиатских республик, непринужденно присоединялись к беседе. И вообще никакого ажиотажа по поводу приезда начальства не было, каждый занимался своим делом. Дипломаты объясняли мне «простоту нравов» убеждением, что жизнь в земной юдоли временна, что она должна быть посвящена тому, чтобы предстать перед Богом...

Не раз я ненароком замечал, как человек, сидевший за компьютером, когда приходило время намаза, расстилал коврик и сосредоточенно молился про себя, а потом вновь переключался на современные технологии. В молодой стране, где две трети населения моложе 25 лет, миллиона полтора учатся во все растущем числе университетов. Хотя на одни научные исследования в стране тратится 2% ВВП, а преподавателей всех рангов более миллиона, обилие молодых людей вызывает трудности с обеспечением работой, но трудятся они при конкуренции усердно, кормя пенсионеров, средний возраст которых выше, чем у наших, лет на десять.

Из 15 тысяч иранских деревень половина, по общей тенденции, обезлюдела, но оставшиеся, а их 40%, кормят страну почти полностью, не применяя нитратов, пестицидов, и прочей дряни, запрещенной законом. Вообще-то американские санкции, направленные на экономи-

ческую изоляцию Ирана, во многом оказались благом, поскольку сохраняют иранцам здоровье и заставляют их пошевеливаться.

Частная инициатива поощряется, но и при жесткой налоговой политике (визу на заграничную поездку не получишь, пока не отчитаешься до последнего гроша), растут в северной части Тегерана роскошные виллы, о которых тут шутят — «нанесенные ветром». Впрочем, пойманный за руку, перед шариатским судом предстал сам тегеранский градоначальник.

Все это можно вычитать в местных газетах, где разброс мнений и политическая полемика ограничивается лишь одним — запретом на оскорбление религиозных чувств и поощрение безнравственности. При выборах же число кандидатов всех уровней с различными взглядами доходит до сотни, что вызывает скепсис, но не мешает гордиться своей демократией.

Так свободно обсуждаются вопросы взаимоотношений с Америкой. В последней проповеди аятоллы Хаменеи на пятничном намазе в Тегеранском университете был дан отпор отражению американской пропаганды в иранской печати. Он четко заявил, что с тех пор, как СССР «сошел с исторической арены, Америка намерена установить в мире однополюсный порядок и со всей силой движется в этом направлении. Она хочет быть единственной сверхдержавой, стоящей во главе огромной империи, то есть всего мира».

Само существование Исламской Республики Иран подрывает высокомерие американцев и сионистского правления. Создается новый полюс — исламский, и американцам, даже если они пойдут на уступки, никогда не вернуть того, что было при шахе. Что же касается Израиля, то это «самый яркий пример современного государственного терроризма». Любого человека за пределами этой страны могут захватить, убить. Такого мир не видывал.

Автоматчик поднял руку, и машина остановилась. Водитель Раул сказал: «Восемь часов», только два русских слова, вывезенных им из давней командировки в нашу страну, и открыл багажник своего «Пежо» иранской сборки, а мой заботливый опекун Мансур Мухаммади из Института подготовки и публикаций трудов имама Хомейни предъявил мой, советский еще, паспорт и билет на самолет. Суровый страж сказал: «Руси» и широко улыбнулся. Они все хмурятся, слышав слово «Америка» и улыбаются нам, постепенно отвыкая от неприятного «щуряви».

Улицы двенадцатимиллионного Тегерана были непривычно пусты, поскольку в него слетались главы многих десятков мусульманских стран. Первые секретари компартий бывших республик СССР в том числе. Меры безопасности были приняты крутые, вплоть до закрытия всех учреждений на неделю, иначе пробки мешали бы торжественному проезду кортежей. Собрались решать проблему исламского единства в преддверии XXI века и обдумывать судьбу своих стран с общим населением более миллиарда человек в свете грядущего торжества другого миллиарда, «золотого». По приезде в Москву я заметил, это событие заняло куда меньше места в наших СМИ, чем визит шепелявой голливудской дивы.

В горах Эльборза, у которых кончаются северные предместья города, выпал снег, ослепительно сверкавший в косых лучах утреннего солнца. Под ясным небом сохранилось достаточно тепла, чтобы пощадить распутившиеся розы и позволить понежиться северянину, знающему, что его ждет часа через четыре.

Думалось об этом, тогда еще будущем, очерке, о метком выражении директора Института господина Хамида Ансари: «Сочинения и великие деяния имама Рухоллы Мусави Хомейни столь необъятны, что попытаться дать представление о них в одном томе — это все равно, что влить бесконечное море воды в один кувшин».

Но, кажется у французов, есть другое выражение — чтобы узнать вкус вина, необязательно выпить его целую бочку. Тут же я вспомнил, что вступаю в противоречие с исламом, категорически отвергающим потребление зеленого змия. Однако, в персидской поэзии, у Омара Хайяма, например, вино встречается, да и мистический поэт Хомейни употреблял слово «вино», думаю, иносказательно.

Идеи имама Хомейни, растекаются по миру, вопреки всем препятствиям, потому что умны, своевременны и подтверждены всей жизнью этого гения революции.

О них делают доклады на международных конференциях, пытаются разгадать его харизму и влияние на современность.

Он сказал:

«Мое завещание всем мусульманам и обездоленным мира заключается в том, что вы не должны сидеть сложа руки и ждать, пока правители ваших стран и иностранных государств принесут вам в дар свободу и независимость...».

*Тегеран — Москва
1998 г.*

От Хомейни до Хаменеи

Воспоминания и размышления

В 1999 году с небольшим перерывом увидели свет две книги. Первой была книга имама Хомейни «Путь к свободе». Она содержала его речи и завещание, переведенные мною с английского языка, с моими же примечаниями и предисловием, рассказывающим о жизни и борьбе Хомейни, которое породило еще одну книгу «Имам Хомейни. Очерк политической биографии».

История работы над этими книгами такова.

За несколько лет до их появления я принимал участие в международной конференции, состоявшейся в Тегеране. В тот раз удалось посетить небольшой дом, в котором жил и скончался имам после победы Исламской революции. На полу небольшой комнаты был постелен ковер серого цвета, стояла кровать, у стены — полка с книгами, радиоприемник... В общем — аскетическая обстановка. Вспомнились слова, сказанные имамом одному из близких ему религиозных деятелей:

— Если мы поселимся во дворцах, то всему нашему делу придет конец.

И сразу же мелькнула мысль — не написать ли о жизни Хомейни. Кстати, я не раз впоследствии посещал этот скромный домик в районе Джамаран на севере Тегерана, и крутая улочка постепенно устилалась и обрамлялась мрамором. Об этом в завещании имама не было сказано ни слова.

Во время своих поездок в Иран и в Москве я встречался с родственниками имама, политическими и религиозными деятелями, беседовал об обстоятельствах его жизни, его трудах и борьбе. Особенно большую помощь в работе над биографией Хомейни оказал мне тогдашний Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в Российской Федерации Мехди Сафари. Этот матерый грузный человек, крупный политический деятель (мне говорили, что за глаза в Иране он носил прозвище «Бульдозер») не жалел своего драгоценного времени, разъясняя мне не только сложности шиитской юриспруденции.

После кончины имама было издано много книг об исламской революции на английском языке (не считая фарси), написанных не только сторонниками и почитателями Хомейни, но и его противниками. И что любопытно — последние в своих фолиантах не могли не отдать должное уму, честности, справедливости имама.

В книге «Жизнь и времена аятоллы Хомейни» с подзаголовком «Будучи покойником, он все же говорит» М.А.А. Монтазам утверждает, что имам — провидец, давший новую надежду и достоинство угнетенным и отторгнутым от культуры. В его облике они увидели знак божественности, а в исполнении предписаний ислама — справедливость. Миллионы увлечены его харизмой, увидев в ней ту власть и талант, которые были присущи шиитским непогрешимым имамам и святым всех наций, начиная с Авраама, первого среди ветхозаветных патриархов. Он получил исторически уникальную возможность добиться такой власти, которая позволила ему внести вклад в создание условий для улучшения жизни в собственной стране, что стало надеждой и для бедняков во всем мире. И все же в памяти людей он остался как религиозный лидер, а не как изощренный политик. Но его имя и идеи понесли, как знамя, другие...

Казалось бы, о Хомейни написано много, и моя скромная «политическая биография» дополняет великолепный список трудов о нем. Но осталось немало материалов, обойденных вниманием и достойных хотя бы упоминания.

Получилось так, что несколько лет я был участником регулярных научных конференций в Иране и выступал перед различными университетскими аудиториями. Год от года было заметно, во-первых, что студенты задают уже не дежурные, а осмысленные вопросы, стараясь докопаться до самой сути. Порой, вступают в дискуссию, выказывая изрядную начитанность. Во-вторых, более определенными стали их политические симпатии, явно навеянные развитием демократии, которая, как и роль студенчества в иранской внутренней политике, была заботой Хомейни всегда. И в-третьих, что бы там ни говорили о положении восточной женщины, ровно половину каждой аудитории составляли девушки.

В конце 20-х годов прошлого века Хомейни читал курс этики в кумском учебном заведении Фейзие. Лекции превращались в обсуждение политических вопросов с исламской точки зрения. Преподавание было необычным и привлекало студентов. Дискуссии продолжались многие часы. Он требовал возражений и старался во всем разобраться до конца. Он был за избавление духовенства от академической смиренной рубашки. Он считал духовенство ответственным за все человечество, за всех голодных и обездоленных. Профессор Мехди Хаери вспоминал: «В конце каждой недели,

когда не было классов, он приглашал всех, кто хотел. Он рассуждал об этике и морали, стараясь упростить очень сложные проблемы. Секрет его заключался в том, что он подходил к преподаванию всей душой. Чувствовалась некая божественная эманация. С Хомейни всегда ощущалось присутствие Бога».

В Куме имам сам платил стипендии своим способным студентам.

При всей своей учености и занятости, при аскетическом образе жизни имам Хомейни не лишен был черт, нарушавших строгость его образа святого человека и, тем не менее, симпатичных для жизнерадостных иранцев, которые доверительно расскажут тебе, как он в семинарии играл в футбол, потом болел за любимую команду, посещал матчи. Став во главе государства, он придавал большое значение строгим правилам в отношении одежды и другим мелочам, вроде запрета ходить в рубашках с короткими рукавами. Ревнители благочестия указали ему, что не мешало бы запретить и показ футбольных матчей по телевидению, поскольку игроки носятся по полю не только с обнаженными руками, но и в трусах, не прикрывающих волосатые мускулистые ноги. Ответ был краток и весьма вразумителен:

— Кому не нравится, пусть не смотрит.

7 марта 2000 года у меня состоялась встреча с дочерью имама Хомейни госпожой Захрой Мустафави Боруджерди, председателем Общества иранских женщин. Муж ее — доктор исламских наук, доктор философии. В Москве она уже третий раз, бывала проездом, когда муж служил в Финляндии.

Я спросил, являются ли победой либерализма, западного пути, последние выборы в парламент, на которых одержали верх сторонники президента Хатами. Она ответила, что ничего не имеет против междлиса 6-го созыва. Мнение народа надо уважать, но она не думает, что оно было направлено против основ ислама.

— Трудно ли быть дочерью имама?

— Мы живем, как обыкновенные люди. После кончины отца нам задавали вопросы, что будем делать. Жить, отвечали мы.

— Скажите о любимой еде имама.

— Отвергал все роскошное. Есть предпочитал жаркое — баранину с горохом.

По другим сведениям, он предпочитал молочную пищу, обожал рисовый пудинг, часто спал на полу и вставал за час до рассвета. После завтрака в течение часа принимал посетителей.

Дочь рассказывала, что в юности была завзятой революционеркой и как-то раз сказала отцу, что любит революцию больше него.

Имам в семейном быту никогда не сердился и не делал никакого различия между членами семьи. Если дети старшего сына не соглашались с ним, он старался их убедить.

Во время ссылки имама дочь с мужем оставались в Тегеране, в материальном отношении жили скромно. Мужа вызывали кое-куда и пытались подкупить, но ничего у них не вышло.

Когда я спросил ее, как писалось письмо Горбачеву, она ответила, что узнала о нем потом и сама расспрашивала. Отец ответил, что людям в России живется плохо, и потому он решил написать письмо. Имам считал, что люди верующие стремятся к совершенству, а коммунистическая агитация отвращает их от Бога. При возможности люди сами устремятся к Богу. Мировое зло старается отторгнуть их от Всевышнего.

И еще об одной встрече.

С Константином Викторовичем Шуваловым, теперь уже бывшим российским послом в Иране, мы встретились для беседы буквально накануне моего отъезда из Тегерана. Я слышал о нем, как о человеке сравнительно молодом, строгом, не женатом, проживавшем в своей резиденции с матерью.

За два года до этой встречи я написал политическую биографию имама Хомейни, в которой высказался довольно насмешливо о спутниках Шеварднадзе, который доставил имаму ответ на его письмо Горбачеву. Увидев узкие улицы, ведущие к дому имама, небольшую комнатку, в которой он жил до самой смерти, я представил себе, как кортеж машин нашего тогдашнего министра иностранных дел не мог проехать к дому и как разместились сопровождавшие его в крохотной комнатке. И вдруг я узнаю от посла, что именно во время той встречи он был переводчиком беседы имама с Шеварднадзе.

— Ну, а то, что вы написали, — сказал мне Константин Викторович, — будто бы Шеварднадзе сидел на стуле, а остальные на ковре, было совсем не так, стулья нашлись для всех.

Я слышал от работников посольства, от его политического советника Сергея Федоровича Бывшева и от советника по культуре неизменно приветливого и внимательного Николая Александровича Реца, что Шувалов большой знаток Ирана. Он учился в Тегеранском университете, изучал персидскую классическую литературу.

И теперь, когда отношения между Россией и Ираном становились все более перспективными, сулили взаимовыгодное политическое, культурное и экономическое сближение, он блестяще справлялся со своими дипломатическими обязанностями, как и его коллега в Москве господин Мехди Сафари.

Я высказал послу свою точку зрения на обстановку в Иране, по-прежнему подозревая, что ведется тонкая политическая игра правящей элиты с народом, аннулирующая противодействие различных идейных направлений.

Шувалов заговорил убежденно о том, что я недооцениваю иранцев, что по характеру своему они свободолюбивы, не очень уважают власть и не укладываются ни в какие схематические рассуждения.

Он рассказал, как советский посол В.Я. Ерофеев, служивший в Иране перед революцией, услышал как-то от шаха: «Почему, вы думаете, я зовусь шахиншахом (шахом шахов)? Да потому что каждый мой подданный считает себя шахом».

Посол уверял меня, что в Иране законы законами, а большее уважение внушает личная инициатива. Здесь всякий правитель должен обладать великолепной интуицией, знать психологию иранцев, чтобы управлять ими.

Константин Викторович опроверг и мои наблюдения, судя по которым иранцы мне показались похожими на русских. Терпят, молчат, а потом их не остановишь... Он говорил, что иранцы более рационалистичны. Сказывается опыт двадцати пяти веков государственности. Они больше склонны в своей массе к размышлению над общественными и религиозно-философскими проблемами, но есть и свои минусы — эти размышления нечасто применимы к делу.

И еще одна особенность. В шиизме заложен принцип справедливости. А, в общем, по складу ума иранцы похожи на евреев. По психологии, по игре воображения, по системе ценностей. Осталось многое от иудаизма, который влиял на образование ислама. Но культурные традиции берут свое начало в домонгольском периоде ислама и в еще более далеких временах. Во многих персидских именах проглядывают зороастрийские корни. Арабы не раз укоряли персов за «скрытый зороастризм».

Посол много и интересно говорил о культурном наследии Ирана. Кроме прочего он напомнил, что письмо — подарок Аримана. Авеста передавалась изустно. Звук держит святость, начертание убивает.

И вера, ислам, проявляет себя здесь немного по иному, чем в других мусульманских, особенно арабских, странах. Иранцы меньше других склонны афишировать свои взаимоотношения с Аллахом.

Посол предлагал вспомнить большое число ересей, возникавших в Иране, проповедников, стремившихся доказать, что внешняя сторона религии, муллы, мечети не приближают к Богу. И даже призыв к молитве, азан, звучит здесь не слишком громко и назойливо.

Когда я его расспрашивал о религиозно-государственных деятелях, он согласился, что Хатами благостен. Он подчеркнул интерес духовного руководителя Хаменеи к языку, литературе. Что же касается того, что я услышал о Рафсанджани, то посол сказал, что тот долго был у власти, и поэтому обиды накапливались у многих. И еще он подчеркнул, что Рафсанджани прагматик и больше занимается экономикой.

Мы поговорили с ним о памяти образованных иранцев. Он сказал, что когда еще был студентом, его поражало, как много стихотворений удерживается в голове каждого профессора.

Он говорил, что с русской стороны надо проявлять больше инициативы для того, чтобы расширять взаимоотношения с иранцами во всех областях. Привел даже персидское выражение «подогреть базар».

Я заметил, что в Иране очень распространен английский язык среди образованных людей. И вообще, судя по газетам, «большой сатана» гораздо привлекательнее для иранцев, чем «чертенята», не говоря уже о России, которая удостоивается упоминания в редких случаях.

Константин Викторович подтвердил мое наблюдение:

— Не помню где, но я вычитал, что в Иране наблюдается «застенчивая влюбленность в Америку».

Он добавил, что не следует недооценивать влияния четырех миллионов иранцев, проживающих в Америке и других странах. У многих родственники — процветающие западные бизнесмены.

Недавно мне попались воспоминания Эдуарда Шеварднадзе, который 25 февраля 1989 года привез в Тегеран ответ Горбачева на письмо имама Хомейни. Не помню, каким образом, но копия ответа советского президента с его факсимильной подписью оказалась у меня. В печати этот ответ не публиковался.

Как вспоминает Шеварднадзе, письмо Хомейни заставило Михаила Горбачева задуматься. «Он не знал, что ему ответить». Как не знал, что пребывать ему в должности оставалось всего года два, хотя он обещал, что с пути, на который встала наша страна в 1917 году, она не сойдет никогда.

Описывая свою встречу с имамом Шеварднадзе подчеркивал международное значение ее, поскольку тот редко встречался со знатными иностранцами.

«Шел снег, Хомейни жил на высоком месте. При входе нужно было, как и в мечети, снимать обувь. Я разулся и остался в носках.

Это было для меня несколько неудобно. Представьте себе человека, одетого в соответствии с дипломатическим этикетом, но без ботинок. Как если бы мы входили в святилище, с той разницей, что нам нельзя было отделяться от других, и нам нужно было разговаривать. Одновременно мне нужно было добиваться согласия моего собеседника... В этих местах много снега не бывает, однако во время снегопада становится холодно. Я был в носках, и у меня стали мерзнуть ноги. нас заставили ждать примерно 15 минут». И добавил: «Потом я понял, что там было так принято — встречи с иранскими официальными лицами начинаются на 15 минут позднее назначенного времени».

Сперва в комнату вошел сын имама, а затем — «щуплый старик с приятным лицом, седобородый, на голове в соответствии с местным обычаем — черная шапочка без полей, в серой одежде. Он сел рядом с нашими стульями на угол софы... Каждое мое движение, каждое слово и даже каждый взгляд в сторону были объектом пристального внимания».

Имам слушал посланца минут пятнадцать. Иногда кивал. Затем он погрузился в глубокую задумчивость и сказал:

— Я разочарован. Я слышал, что Горбачев — мыслящий человек. Я не случайно написал ему письмо. В письме речь шла о месте человечества в этом мире и в потустороннем мире. Я не задумываюсь о проблемах этого мира. Я размышляю о потустороннем мире, и на этот вопрос я не получил ответа. Что касается нормализации отношений, то я поддерживаю это.

Имам попросился, и Шеварднадзе «ощутил чувство неудовлетворения». Он вышел, «обулся, однако с трудом — ноги заледенели». Потом он жаловался на оказанный прием Валаяти, министру иностранных дел Ирана, но тот заметил:

— Вы не поняли. Он три раза в знак согласия кивнул. Знаете, как это для нас важно? Это знак уважения и чрезвычайно большого внимания.

Остается добавить, что Шеварднадзе перепутал место встречи — вместо Тегерана он указал, что она была в Куме.

В 1962 году имам, живший тогда в Куме, уже считал, что мусульманское общество — большое общество, и только хирургическое вмешательство спасет его от неминуемой позорной смерти.

Проводить шахские реформы, по его словам, это все равно, что «лить чистую воду в отхожее место».

На пике революции иранский народ, никогда не терявший чувства юмора, придумал великолепную шутку. Последним главой государства, прибывшим с официальным визитом в Иран при шахе был председатель Коммунистической партии Китая Хуа Гофэн. И будто бы у них с шахом получилась такая беседа.

— Скажите мне, — спросил шах, — есть ли оппозиция вашему правлению в Китае?

— Есть кое-какая.

— А большая ли оппозиция?

— Ну, наверное, миллионов тридцать пять возражает против руководящей роли коммунистической партии.

— Изумительно, — удивился шах, — оппозиция моему правлению абсолютно такая же.

Соль шутки в том, что тогдашнее население Ирана примерно столько и насчитывало.

Итальянская журналистка Ориана Фаллачи, сумевшая проинтервьюировать Дэн Сяопина, шаха Мухаммеда Резу Пехлеви и Хомейни, считала последнего фанатиком. Она сказала: «Если вы прочтете мое интервью, вы увидите, что он (Хомейни) интеллигент, в отличие от Арафата или Кадаффи. По мне, фанатик — непременно личность ограниченная, но мне приходится признать, что этот пример — исключение из правила».

Шах, по ее мнению, далеко уступал Хомейни, но, судя по тому, что она рассказывала, у шаха был некий сдвиг на религиозной почве. Он сказал, что разговаривал со святыми и пророками. Она решила поддеть шаха. «И руки им пожимали?». Он ответил утвердительно. «Если бы я была с вами, могла бы я увидеть их?» — спросила она. «Разумеется нет, а я мог, потому что я избранный». Впрочем, непонятно еще, кто кому морочил голову.

Свои речи Хомейни произносил, сообразуясь со словарным запасом тех, кто, по его мнению, должен был понять его. И на портретах своих он всегда серьезен.

Для него молитва была не просто словами, а призывом и руководством к действию.

* * *

Хомейни, высланный в Турцию, жил в Бурсе, где на рубеже XIV—XV веков была столица Османской империи, на улице Акамлер Кадеси (Персидской улице). Вместе с приехавшим сыном Мустафой они часто посещали Стамбул, ездили в город Конья,

где находится гробница великого иранского поэта Джалаледдина Руми, суфия, основавшего орден вертящихся дервишей в XIII веке.

Я побывал в этом святом месте, видел гробницу, закрытую зеленой тканью, с удивительно большой чалмой, лежавшей на ней, в отличие от имама Хомейни, отказавшегося посетить гробницу потому, что не считал ее святой. Он сказал тогда:

— Ни один человек, как бы ни были велики его заслуги, не заслуживает того, чтобы его могила стала местом поклонения, за исключением шиитских имамов, прямых потомков Имама Али, и паломничество к таким гробницам мы не будем обсуждать сегодня.

И слава Богу, что в постреволюционном Иране так не считают. Или сам Хомейни отказался от своего мнения, так как всегда считался с народными традициями и сообразовывался со здравым смыслом. Над местом захоронения имама все же построена громадная мечеть, и люди стекаются к его гробнице со всех сторон и стран для поклонения...

По настоянию шахской охраны турки препроводили Хомейни в Ирак. В аэропорт Хомейни с семьей провожали двадцать грузовиков и бесчисленное количество легковых автомобилей, сигнализировавших напропалую.

Баасистский режим определил местом его жительства город Неджеф.

И тут, кажется к месту, разобраться, что такое Баас — «Возрождение».

Эту партию основали в 1940-ые годы в Сирии православный христианин Мишель Афлак и мусульманин-суннит Салахеддин Битар, получившие образование во Франции. Речь шла об арабском возрождении, идея была подхвачена в Ираке и других странах. Общеарабского движения не получилось, но региональные руководства баасистов действовали весьма активно, вплоть до политических убийств и переворотов. Саддам Хусейн взобрался в Ираке по партийной лестнице на самый верх в 1968 году. Это было уже во время пребывания там имама Хомейни.

Священные города шиитов, связанные с именами первых безгрешных имамов, находятся в Ираке. Туда устремлялись паломники из Ирана, увозя с собой кассеты с проповедями имама Хомейни. Несмотря на просьбы шаха, светские правители Ирака могли воздействовать на шиитскую половину населения лишь методом убеждения.

Изгнанный баасистами во Францию имам жил аскетически в Нофль ле Шато — пригороде Парижа. Черная чалма, коричневое

длинное одеяние, наглухо застегнутое и без воротника, поверх этого одеяния — нечто вроде накидки из прозрачной материи, похожей на чуть зеленоватую марлю, — в различных вариациях это униформа для всего духовенства, занимающего теперь все высокие посты в государстве. Я имел возможность внимательно разглядеть эту одежду на президенте Хатами и многих аятоллах при беседах с ними. Правда, я не уверен, что на ногах у них были синие пластиковые сандалии, как у Хомейни под Парижем.

Как-то я взялся подсчитать, сколько же за несколько месяцев французского периода имам Хомейни произнес речей, проповедей, дал интервью слетавшимся, как мухи на мед, корреспондентам всех мировых средств информации, то получилось у меня около полудюжины томов. Завидная трудоспособность в семьдесят шесть лет.

Теперь уже достоверно известно, что ЦРУ наняло виллу поблизости, но никакие подслушивающие устройства, никакие внедренные агенты не могли добавить ничего к уже известному. Впрочем, скрывать было абсолютно нечего. Аятолла и его окружение говорили то, что думали, и в этом была вся прелесть неизбежности революции.

Аятолле говорили, что жившие очень долго при деспотизме иранцы не готовы воспринять свободу. Действовать, мол, надо постепенно и мудро, чтобы не породить хаос и нового тирана. У большинства демонстрантов в Иране нет ни веры в Бога, ни в себя. Так было в споре с пребывавшим тогда в Париже политиком Мехди Базарганом.

Аятолла настаивал, что этого не произойдет, что сейчас самое время для революции. Свидетели рассказывают, что Базарган сдался и сказал:

— Ладно, попробуем сделать революцию.

Одному из корреспондентов, желающему знать, не станет ли правителем сам Хомейни, тот ответил:

— Сделать это не позволят ни мой возраст, ни отсутствие желания, ни религиозные убеждения.

Сильные мира сего волновались. Картер звонил Жискару д'Эстену с просьбой задержать вылет Хомейни в Иран. Телефонные переговоры велись еще не раз.

Возвращение имама из ссылки приветствовалось иранской пишущей братией в таком стиле:

«Весна пришла, и воздух напоен ароматом жасмина и лилий. И все потому, что любимый вождь возвращается домой, возвращается в грудь нации, как душа, расставшаяся с телом».

Отличие революции в Иране от западных в том, что главным феноменом тех революций была секуляризация. В Иране средоточием революционных преобразований стала мечеть. А власть оказалась в руках духовенства.

Мне часто приходилось слышать в Иране, от старшего поколения, правда, что истинные революционеры были постепенно ликвидированы карьеристами. Приводился в пример взрыв в штаб-квартире Исламской республиканской партии.

К концу января 1979 года была образована группа священнослужителей, организовавших встречу имама Хомейни в Тегеране. Во главе ее стоял Бехешти. Она сосредоточила в своих руках изрядную власть, но нашлись люди, уверявшие, что верхушка группы была платной агентурой охраны, а сам аятолла Бехешти прошел выучку в ЦРУ, а шейх Садык Халхали и шейх Сараби не раз сидели в тюрьмах по обвинению в различных преступлениях, вплоть до педерастии. Они вели борьбу с первым премьер-министром Базарганом. Впоследствии Бехешти стал во главе стражей революции, а также председателем комитета экспертов.

Так называемый «Третий путь» революционного Ирана был рожден лозунгом имама Хомейни «ни Запад, ни Восток».

Иранцы гордятся прозорливостью своего покойного вождя и приводят массу примеров ее.

Ричард Никсон в свое время объявил СССР главным врагом США. После Исламской революции в книге «Победа без войны» он же призывал Советский Союз к полной кооперации ради победы над новым Ираном.

Картеру, совершившему неудачную попытку, освободить американских заложников, он предсказал: нулевой политический рейтинг к следующим выборам.

О Саддаме Хомейни говорил, что если, не дай Бог, он обретет большую власть, то обращаться с арабами будет не лучше Израиля. Он назвал Саддама эгоманьяком и предсказал, что тот нападет на Кувейт.

Советский Союз вторгся в Афганистан в 1979 году. После революции советский посол посетил Хомейни и попытался убедить его, что оказывается интернациональная помощь народу Афганистана. И получил резкий ответ:

— Вы совершили большую ошибку. Вам ничего не выгадать из этой авантюры. Не сомневаюсь, что в один прекрасный день вы признаетесь в своей ошибке.

* * *

23 апреля 1979 года во время заседания Революционного Совета знаменитый революционный лидер Мортаза Мотаххари сказал:

— Нам не удалось выполнить свои обязательства перед широкими массами нашей страны.

В той же речи он говорил о том, что всякая народная революция не лишена грязи, жестокости и участия в ней авантюристов, но некоторые вожди французской и русской революций, например, хотя и были фанатичными идеалистами и проводниками безжалостного террора, все же имели в характере некие проблески благородства. Он осуждал звериную фанатичность, если даже она проявляется во имя ислама. Он осуждал презрение к культуре среднего класса, которая все-таки выше новорожденной исламской революционной культуры.

Премьер Мехди Базарган называл тогда свое правительство «ручкой ножа без лезвия».

Известно, что факты куда более удивительны, чем любой вымысел. И основываясь на них можно рассказывать триллеры, что по-русски значит «леденящие кровь». Джордж Керзон в своем солидном труде «Персия и персидский вопрос» говорит о персидском характере — «находчивы и равнодушны к страданиям».

«Террорист и полицейский были найдены в одной корзине», — сказал Джозеф Конрад. Горький, помнится, заметил, что если хочешь свободы, иди служить в полицию, хочешь абсолютной свободы, иди служить в охранку.

Много говорят о революционном терроре. Приводят в качестве примера, как стражи революции сожгли квартал красных фонарей, а их местный командир Мохсен Резаи, будто бы до революции имел какой-то заработок при бардаках.

Мне рассказывали о группах «сестер Зейнаб», бывших проститутках, разбегавшихся в джипах по Тегерану с автоматами. Они ловили женщин с накрашенными губами, стирали помаду тряпкой с запрятым в ней лезвием бритвы и еще заставляли писать «Ман йек руспи хастам» — «я проститутка». Мужчин наказывали за ношение рубашек с короткими рукавами, да и сейчас их не носят.

Доктор Муртаза Мотаххари, председатель Революционного совета, был убит в мае 1979 года. Хомейни сказал, что потерял как бы любимого сына, гордость свою. Два человека в форме стражей революции расстреляли его из АК-47 при выходе из дома. Сын Мотаххари с другом бросились на них, но были сбиты с ног другими

тремя стражами. Через несколько минут прибыл джип с новыми стражами и карета скорой помощи. Концов не нашли, но слухов было много. Нашего читателя, привыкшего к нераскрываемости серьезных заказных убийств, этим не проймешь.

Четыре месяца спустя был отравлен аятолла Талегани. Ему было 68 лет. После свержения Мосаддыка он создал тайную организацию национального сопротивления, сидел в тюрьме, критиковал коммунистов за диктатуру, но считал развитие коммунистических идей естественным и неизбежным. В 1965 году он основал боевую организацию Моджахедин-е Халк, боровшуюся с шахским режимом. Революция освободила Талегани из тюрьмы, где его бесчеловечно пытали.

Аятолла Махмуд Талегани, прекрасный оратор, сказал жителям Тегерана:

«Ислам запрещает терпеть деспотизм. Это фундаментальный принцип, на основе которого никто, даже пророки, не имеют права отнимать свободу у человека, и ни один индивидуум или партия не имеют права навязывать выгодный для себя контроль над мыслями и жизнями других».

И это вполне увязывается с ответом имама Хомейни, которого спросили в разгар революции:

— Значит, высшая власть в Иране сосредоточится у вас?

— Только Бог есть высшая власть.

9 сентября 1979 года Талегани позвонил советский посол, с которым они уже встречались не раз, и попросил о встрече. Дома у Талегани посол сказал:

— Жизнь вашего преосвященства в серьезной опасности. Мы точно не знаем, что затевается, но вам следует опасаться убийц в ближайшие дни или даже часы.

Аятолла не придавал этому значения. На следующий день его навестил врач с человеком, представленным, как швейцарский специалист по сердечным болезням. Тот дал лекарство, оказавшееся цианистым калием. Врачей нашли в доме аятоллы Бехешти. Люди Талегани окружили дом и требовали выдачи убийц. Завязалась перестрелка, кончившаяся тем, что прибыли стражи революции и убили большинство сторонников Талегани.

Громадная похоронная процессия выкрикивала: «Бехешти, Бехешти, Талегани ра тоу кошти» (Бехешти, Бехешти, ты убил Талегани). В конце концов стражи революции разогнали демонстрацию, убив сотню человек.

Исламская республиканская партия была основана аятоллой Мухаммедом Хоссейни-Бехешти, родившимся в Исфахане в 1927 году. Получив кое-какое образование, работал учителем, пока не был завербован в охранку. Ему купили звание муллы и отправили в Гамбург, где была единственная шиитская мечеть в Европе. Во время революции он по приказу охранки и ЦРУ поспешил в Тегеран для организации встречи аятоллы Хомейни. После нескольких ошибочных упоминаний в газетах о нем, как об аятолле, Бехешти теперь и сам приписывал себе это ученое звание.

Его ближайшим соратником был Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани, которого сейчас газеты тоже называют то ходжа-тольисламом, то аятоллой. Он сделал большую политическую карьеру, был президентом республики. Говорят, он очень богатый человек, сосредоточивший в своих руках торговлю фисташками. Ни об одном из нынешних лидеров республики мне не говорили ничего дурного, кроме Рафсанджани, которого, как мне показалось, недолюбливают в Иране, поскольку и стар и млад, оглядевшись по сторонам, шептали мне о его проделках.

Разумеется, это были не государственные служащие. Вот, мол, он въехал в особняк казненного революционером мэра Тегерана Никпея, и тотчас предложил купить жилище, поскольку мусульманину не положено молиться в собственности, ему не принадлежащей. И уплатил сумму, равную двумстам долларам. Мол, отец его, живший в Рафсанджане говорил: «Наш Али-Акбар уехал в Тегеран, чтобы стать шахом».

4 июля 1980 года примерно миллион человек собрались вокруг Тегеранского университета, чтобы поддержать призыв духовенства к чистке государственных учреждений и началу культурной революции. Этому предшествовала критика университетов, которые якобы ничего не дали, кроме моджахедов и коммунистов. Вскоре университеты закрылись на период от полугода до трех лет.

Борьба с террористической организацией Моджахедин-е Халк была не шуточной. Моджахедов коранически называли «лицемерами» и истребляли по решениям революционных комитетов десятками тысяч. За более чем двадцать лет, прошедших после революции, иранские власти не перестали бояться моджахедов, засылающих террористические группы из-за границы, особенно из Ирака. Во время моих странствований по стране, я не раз сталкивался с очень строгими предосторожностями, неизменным ощущением перед посадкой в самолет, множеством объектов, охра-

няемых солдатами, запрещением автомобилям останавливаться перед парламентом и иными правительственными зданиями.

* * *

Когда-то до Ирана добирались год. Во времена Грибоедова фельдъегерь с депешами для российского посольства мчался целый месяц. Ныне до него несколько часов лету, а вести с помощью электроники достигают мгновенно.

Времена новы, но предрассудки стары. Владельцы мировых средств информации старательно не замечают, что древняя восточная страна за последние двадцать лет семимильными шагами догоняет технически развитые страны, а в моральном и социальном отношении даже вырывается вперед.

Но искусственно создается впечатление, что в третье тысячелетие от рождения Христова страна якобы вступила с деспотическим затхлым режимом, поскольку он ликвидировал питейные заведения, игорные дома и бордели. Это было бы несомненным признаком отставания от прогресса, если не знать, что человечество предавалось греховным занятиям задолго до появления на свет мировых религий, которые так и не отучили его от многих скверных привычек и даже усилили их притягательность в силу сладости запретного плода.

Наше тяготение к Западу было вполне обосновано бесконечными российскими спорами о будущем страны в последние триста лет, с тех пор, как большинство образованных людей России отказались от великого прошлого, сделавшего ее самым обширным государством в мире, и стало считать Европу, говоря словами даже славянофилов, «страной чудес», средоточием технического прогресса, законности и порядка. Образовавшиеся в стране «две нации», отличавшиеся друг от друга по образу жизни и даже языку, не могли не стать питательной средой для враждебных ей бактерий, которые вызвали большевистский переворот, а в конце тысячелетия — гниение и распад.

Но «солнце всходит на Востоке», где набираются сил Китай, Япония и другие страны. Многие наши соотечественники заговорили о России, как о Евразии, о возрождении былого величия и справедливом распределении богатств, подаренных природой и трудом многих поколений. Они стали подумывать о возможных партнерах и союзниках в очевидной борьбе с глобализмом, средоточием власти над миром в руках международных корпораций и их политических ставленников, а те отводят России место сырьевого придатка, большая часть

населения которого удерживается на полуголодном уровне жизни компрадорской буржуазией и коррумпированными чиновниками.

В последнее время одним из очагов сопротивления всеобщей нивелировке и стремлению посадить каждого индивидуума под колпак электронного выявления несогласных с нарождающимся новым мировым порядком неожиданно стал Иран, воспрявший из рабского небытия к новой жизни, в кипении которой восстанавливается достоинство человека, растет его интеллект и благосостояние, укрепляется мораль.

Исламская эсхатология предполагает появление мессианского посланника и наступление золотого века за семь-двенадцать лет до конца света. В Коране нет упоминания о нем. Сунниты не очень верят в эту неотъемлемую часть шиитского учения. Но даже в одной из суннитских записей высказываний, приписываемых пророку, значится:

«Мир не придет к концу, пока человек моего племени и носящий мое имя не станет господином Аравии. Когда вы увидите черные флаги, приближающиеся со стороны Хорасана, присоединяйтесь к ним, потому что Имам Бога по имени аль-Махди будет со знаменами. Махди будет моего рода, с открытым лицом и орлиным носом. Он установит на земле равенство и справедливость, уничтожив тиранию и угнетение... Он будет царствовать семь лет и потом умрет».

Его ждут в начале каждого века, считая от хиджры по лунному календарю...

Священный закон ислама, шариат, играет большую роль в мусульманском обществе, но следует помнить, что Пророк обходился без правоведения. Он учил людей спасению и давал самые общие указания ритуального и морального плана.

Арабские обычаи стали общемусульманскими. Обрезание диктовалось санитарными условиями в жарком арабском климате. Свиное мясо — единственное разлагающееся, а не высыхающее на солнце. Местные адаты постепенно превратились в догмы. Позже появилась и система наказаний. Коран запрещает потребление вина, но наказание за это появилось позже. Нет в Коране и побивания камнями до смерти за семейную измену. Это отголосок древне-еврейской традиции. Нынешнее исламское правоведение включает в себя даже приказы первых халифов. Скромность в одежде женщины вызвана развязным поведением воинов, находящихся вдалеке от дома. В Иране, например, чадра была введена только при шахе Аббасе Великом по настоянию его двух советников-англичан братьев Ширли. Объяснение этому дается обычно весьма туманное.

* * *

Ирак напал на Иран.

Это Аллах устами Хомейни дал приказ выступить в поход. На улицах иранских городов и по пути на фронт солдаты видели лозунги, напоминавшие им об их священной миссии, о мученической гибели Хусейна:

«Путь к Аль-Кодсу (Иерусалиму) лежит через Кербелу. Чтобы достичь берега счастья, мы должны перейти море крови».

Отдельные солдаты, особенно плохо обученные ополченцы-басиджи и революционные стражи приняли на себя все тяготы войны. Они носили на голове красные повязки с надписями: «О, Хусейн! Аллах-акбар!». Многие молодые люди писали родным, что не собираются возвращаться живыми. Верующие родители понимали их.

Иракские войска имели грозное советское оружие. У иранской армии оставалось американское оружие. Из-за плохих отношений с Соединенными Штатами, запасные части к нему не поступали, не было средств для борьбы с танками. И пришлось идти на сделку с государством, которую иранцы называли Великим Сатаной. В мае 1986 года в Тегеран прибыли бывший советник президента по национальной безопасности Мак Фарлейн и подполковник Оливер Норд. Речь шла о поставке противотанковых ракет.

24 мая 1982 года иранская армия совместно с ополченцами ценой больших потерь освободила Хоррамшахр. Ликовал и высыпал на улицы весь Иран. Были амнистированы заключенные, имевшие срок менее двух лет. С тех пор этот день принято отмечать ежегодно, как праздник.

Как-то мне сказали, что вечером я увижусь с человеком, который был отравлен газами во время артиллерийского обстрела неподалеку от города Хорремшехр. Саддам Хусейн потерял этот город и пошел на крайнюю меру.

К вечеру за мной заехали. Мы купили букет роз и поехали в больницу. Колам Реза Резаи оказался моложавым и веселым человеком, он рассказал мне, как пошел на фронт добровольцем в 18 лет, как попал в отравленное облако и потерял сознание, потому что противогаза у него не было, и как вернулся на фронт, едва оправившись.

Но вскоре он слег. Оказалось, что отравляющее вещество остается в организме все время, не выводится. Пришла его жена. Он был весел, все шутил. Выяснилось, что за долгие годы пребывания в больнице он успел закончить высшее учебное заведение.

И мне как-то было спокойно за него, хотя мне говорили, что многие функции его организма уже не осуществляются. Больно уж у него было оживленное, почти веселое, лицо. Мы расстались крепко, пожав друг другу руки.

И вот, когда я уже приехал на родину, и сел писать эту книгу, вдруг на даче у меня раздался телефонный звонок. Это был человек, сопровождавший меня к Резаи.

— Вы знаете, — сказал он, — а Резаи скончался.

Я издал какой-то недоуменный звук.

— Тот самый Резаи, — добавил он, — у которого мы в больнице были.

Не знаю, что говорить в таких случаях. Передо мной стояло веселое лицо Колама Резы Резаи.

О смерти имама Хомейни объявил его сын Ахмед около полуночи в субботу 3 июня 1989 года.

Это было в тот день, когда на площади Тяньаньмынь в Пекине разгоняли демократов, чтобы предотвратить хаос и завершить реформы, результат которых теперь вызывает зависть в нашей обворованной лжедемократии стране. Это было на глазах у Горбачева, пребывавшего тогда в Пекине и помалкивавшего в тряпочку. И этот урок, как и недавнее письмо Хомейни к нему, не пошел ему впрок.

В 1985 году собрание экспертов из 80 богословов избрало аятоллу Монтазери заместителем духовного руководителя страны. Перед смертью Хомейни он опубликовал с согласия имама два письма, призывавших коллег быть более терпимым к оппонентам. И тогда же его заставили отказаться от чести быть преемником духовного руководителя опять же с согласия имама, который, по утверждению многих, был уже не в состоянии принимать решения, поскольку сердечные приступы и рак простаты забрали все силы.

Рассказывают трогательную историю, что будто бы Монтазери присутствовал при последнем вздохе имама и плача слышал его последние слова:

— Моя душа никогда не успокоится, если моя гробница станет лавочкой для религиозных торговцев. Я бы предпочел, чтобы моя могила была в тихом уголке заброшенного сада, и весенний северный ветер раскачивал дикие тюльпаны на ней.

Но это лишь одна из версий, которые бытуют среди современных иранцев, порой не согласных с официальной точкой зрения.

Аятолла Монтазери ныне преподает в Куме и время от времени смущает души мусульман нестандартными мнениями.

Дочь имама Захра, с которой я встречался, отрицает присутствие Монтазери при последнем вздохе Хомейни. Говорить он уже не мог, лишь сложил руки, молясь про себя.

Многие помнят описание скорби миллионов иранцев. О том, как вертолет доставил его тело на кладбище Бехешт-е Зухра, как народ прорвал оцепление и бросился к телу имама, как сорвали флаг Исламской республики и оттолкнули Ахмеда Хомейни, который упал. Тело подняли и передавали из рук в руки до кареты скорой помощи.

Вспомним статью 142 Конституции Исламской Республики Иран: «Собственность лидера страны, Президента, заместителей Президента, министров, а так же их жен и детей проверяется главой судебной власти до и после окончания службы указанных лиц на предмет предотвращения ее незаконного приращения».

Имам Хомейни был первым, кто представил список своего небогатого имущества в Верховный суд. После его кончины, его сын в письме, кстати, опубликованном в газетах, попросил судебные власти снова оценить собственность имама в соответствии с конституционным законом.

2 июля 1989 года появилось заявление Верховного Суда. Стало ясно, что собственность его не только не увеличилась, но даже земля, унаследованная от отца, была передана неимущим по его распоряжению еще при жизни. А в его старом кумском доме стали собираться студенты-богословы и представители общественности. Я бывал на их собраниях.

У имама не оказалось никакого личного имущества, кроме книг. Старая утварь, необходимая для простой жизни и находившаяся в доме, принадлежала его жене. Личных денег у имама совсем не было. Остались очки, ножницы, четки, Коран, молитвенный коврик, чалма, одежды священнослужителя.

После кончины имама Хомейни аятолла Хаменеи был избран Советом экспертов духовным руководителем Исламской Республики Иран в июне 1989 года.

В 2000 году, уже после последней поездки в Иран, я встретился с главой администрации духовного руководителя Ирана. Меня по-прежнему мучил вопрос, не является ли противостояние консерва-

торов и либералов политической игрой власти предержавшей. Я задал этот вопрос, и мой собеседник ответил на него весьма пространно.

Он говорил, что шиизм охватывает около 300 миллионов мусульманского населения мира. В шиизме есть свои течения, свои традиции, но главная задача руководства Ирана заключается в том, чтобы адаптировать исламские правила к нынешним условиям. Именно к этому стремился имам Хомейни, который выдвинул целый ряд новаторских идей. И правоверные воспринимали эти идеи, потому что верили ему, потому что он достиг иджтихада.

— Сейчас общество управляется принципами, завещанными нам имамом Хомейни, ради чего он воспитал своих преемников. Некоторые считали, что с кончиной имама наступит и конец революции. Но мудрость Хомейни сломала их планы. Враги знали о его плохом здоровье, поздравляли друг друга, надеясь, что он быстро умрет. Но Аллах сохранил его на 10 лет, за которые он многому научил своих преемников. Он прощупывал каждого, и после его кончины был избран тот, на кого он указал. Американцы очень хотели свержения исламского строя. Личность имама не давала им возможности действовать не военными способами. Падение режима планировалось через переворот, но они не понимали сущности революции. Руководители её — люди широко образованные. Противоречия между ними были, но для себя каждый считал главным сохранение революции. Духовного лидера избрали единогласно.

— Аятолла Хаменеи, — продолжал он, — человек, хорошо знающий историю. Он считает, что в общественной жизни должна воцариться интеллектуальность, нравственность, духовность. Аятолла является крупным специалистом в персидском языке и литературе. Именно он мог объединить интеллигенцию различных направлений.

Дальше он долго говорил о красоте и богатстве фарси, о его распространенности, позволившей ему стать носителем богатой культуры. Фарси служил распространению ислама. И сегодня, когда торжествует исламская революция, философия имама Хомейни изложена именно на нем. На нем же написано знаменитое письмо Горбачеву. С помощью этого письма, имам хотел воздействовать на мир.

И мой собеседник снова вернулся к личности нынешнего духовного руководителя Ирана, называл его активнейшим борцом за дело революции, сидевшим в шахских тюрьмах. После революции на него было совершено покушение, но он остался в живых.

— Это очень прогрессивный человек. До революции он был центром притяжения интеллигенции. Я знаю его 30 лет, еще с под-

росткового возраста. Можно сказать, вся его жизнь прошла на моих глазах. Интеллигенты в общении с ним чувствуют себя спокойно. Они знают, что он всегда защитит их от фанатиков. Он как бы является точкой пересечения религиозной и прочей интеллигенции, поскольку обладает и знаниями богословскими, и историко-литературными. Он был знаком с марксистами, социалистами и их взглядами, это расширило его мировоззрение.

Глава администрации рахбара уверял меня, что именно нынешний духовный руководитель Ирана дает правильное истолкование личности имама Хомейни. Он не только исследовал все стороны деятельности имама, но и сделал поведение того примером для себя. Исторические события развиваются согласно предсказаниям имама Хомейни. Враги стараются свергнуть революционную верхушку, действуя изнутри, но ничего не выходит. Полем борьбы стали реформы. Они думали, что после выборов, когда президентом стал Хатами, дело сделано. Но это не их человек. Хатами после выборов высказал свою точку зрения. Враги хотели бы злоупотреблять его именем. Спустя 20 лет после революции всякие настроения естественны. Революционные лозунги уже не действуют на людей так сильно, но общество остается религиозным.

Он подтвердил мое предположение о том, что между духовным лидером и президентом конфронтации нет. И тот, и другой стоят за реформы, направленные на процветание Исламской республики. Соединенные Штаты будут продолжать свою подрывную работу, но иранцы также будут защищать свою революцию.

— Я близок к нашему духовному лидеру и могу сказать, что с правильного пути мы не свернем. Чужие идеи не пройдут. Остановить лидера может только насильственная смерть. Аятолла Хаменеи сказал, что пока он жив, не даст восторжествовать реформам американского образца. Мы видим, что происходит в России. Народ верит в серьезность революции. Идеи имама Хомейни подхвачены и распространены в обществе. Нравственные основы непоколебимы. Западные политики не учитывают способности лидера управлять. Его позиция не может быть шаткой, пока наше общество религиозно.

* * *

Вскоре после нашего разговора вышла книга аятоллы Хаменеи «Свет Исламской революции», в которой собраны его выступления. В предисловии к ней Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ господин Мехди Сафари

сделал весьма интересное замечание, что за последние столетия в отношениях между Ираном и Россией было всякое, как он острожно выразился, периоды дружбы и охлаждения. Он даже назвал отношения между нашими странами «энциклопедией изменений в международных отношениях», так они были разнообразны.

И в той же книге есть краткая биография аятоллы хаджи сейида Али Хосейни Хаменеи, приставки к имени которого говорят о том, что он совершил паломничество в Мекку и является одним из отдаленных потомков пророка Мухаммеда. Он родился в 1939 году в Мешхеде в семье священнослужителей, до 1964 года учился в религиозной семинарии в Куме, когда там преподавал будущий имам Хомейни.

Видимо, тогда он и стал на революционный путь, провел в общей сложности три года в тюрьмах, а потом был сослан в район, который можно назвать иранской Сибирью, только там зверская температура со знаком плюс. С началом революции он оказался в Хорасане. Еще во время пребывания имама Хомейни под Парижем будущий рахбар, духовный руководитель страны был назначен членом Революционного совета. После революции он был заместителем министра обороны и командующим Корпуса стражей Исламской революции. В 1981 году на него совершили покушение, он получил серьезные ранения в области предплечья и груди. Его чудом спасли от смерти, и он до сих пор плохо владеет правой рукой. В том же году его избрали президентом Ирана, через четыре года переизбрали. Он женат, и у него две дочери и четыре сына.

Уже в первой же своей речи на этом посту он напомнил, что для имама Хомейни едва ли не самым главным вопросом, с революционной точки зрения, был вопрос высшего образования для молодых людей, потому что от них зависит будущее страны.

Можно проследить его взгляды. Он считает, что следующий век по христианскому летоисчислению будет веком ислама. В самом исламе есть две опасные тенденции. Одна из них заключается в том, что вера сводится к ряду культовых моментов. Ислам как бы становится личным делом человека, семьи. Но ислам — это не только вера, но и государственный строй. Он должен главенствовать во всех сферах жизни, а не только в сердцах и душах. Во-вторых, он считает опасным то, что западная культура выдает за ислам.

А между тем, западная цивилизация не делает человека настоящим счастливым. У западных людей нет душевного спокойствия, нет заботы о человеке. Две мировых войны развязаны хри-

стианскими странами. Запад при помощи колониальных режимов и местных деспотов отбросили тот же Иран назад. Теперь мусульмане должны оживить свою культуру и даже перейти в контрнаступление. На Западе лгут, когда говорят о свободе. Их свобода есть свобода похоти, личного действия. Это наносит ущерб другим. Кстати, он сетовал на то, что иранские писатели мало пишут о колониализме.

Говоря об имаме Хомейни, нынешний духовный руководитель Ирана считает, его важнейшим свойством благочестие. Он вспоминает, как в молодости они старались подражать имаму, хотя эта многогранная личность не спешила показать каждому свою душевную красоту. Впервые он увидел имама в 1958 году, когда попал в Кум. Он еще в Мешхеде был наслышан о нем. Обычно молодой семинарист в Куме ищет себе учителя. В семинариях студенту учителя не навязывают. И он вспомнил, как тянулись на занятия Хомейни студенты. В Куме было много замечательных преподавателей, но философию первым стал преподавать Хомейни. Как и этику, потому что очень заботился об укреплении нравственных устоев молодежи.

В 1961 году умер марджа-е таклид аятолла Боруджерди. Это был самый влиятельный священнослужитель. На его место прочили аятоллу Хомейни, но тот отказывался от этой почетной должности.

А через полтора года началось великое исламское движение в стране, которое «по сути дела» возглавил имам Хомейни.

Лидер вспоминал, что когда имама бросили в тюрьму, а потом отправили в ссылку, они, молодые, не воспринимали это как тяжкое наказание, забывая, что Хомейни уже было 63 года. Сами они переносили подпольную борьбу и даже тюремное заключение легко.

В отсутствие имама в подполье действовали самые различные группировки, различные политические партии, но у имама своей партийной организации не было, он обращался ко всему народу и, в сущности, руководил всем революционным движением в стране. Когда умер сын имама, тот сказал, что «смерть Мустафы — это тайная милость Аллаха». Что же это был за человек, который даже трагическое событие истолковывал как скрытую милость бога! Когда его выслали из Ирака и не приняли в Кувейте, он сказал: «Если мне не дадут остановиться ни в одной стране, я буду перелетать из аэропорта в аэропорт и нести свое послание всему миру».

После победы революции имам предстал перед своими учениками как бы в двух лицах: он лидер и глава государственного строя и в то же время мистик и аскет. Самые тяжелые испытания на его долю выпали, когда ему уже исполнилось 80, но он все переносил

стоически, оставаясь трезвомыслящим и смелым в своих решениях. Любопытно, что он все-таки всякий раз перед решением обращался к народу, проводил референдум. Исламскую республику выбрал народ. И это случилось через два месяца после победы революции.

В частной жизни имам был очень скромен, аскетичен, погружен в свои религиозно-мистические раздумья, далек от мирской суеты. Он иногда говорил, своим ученикам, что в их душах гнездится «плохой мир». Земля, деревья, небо — все это прекрасно, это «благо, данное Богом». Плох людской эгоизм, излишества.

За десять лет правления, будучи вождем, он даже не купил своему сыну Ахмеду дома. Хаменеи дружил с Ахмедом и бывал у него в тесной двухкомнатной квартирке. Иمامу приносили часто подарки, деньги, а он их раздавал во имя Господа.

Аятолла Хаменеи вспоминал:

«Во время одной из моих поездок по стране, ко мне подошла женщина. Она рассказала, что её сын на войне попал в плен, а потом дошла весть, что он убит. Она просила меня передать имаму такие слова: «Я переживаю гибель моего сына на войне, но еще важнее для меня ваше здоровье». Когда я вернулся в Тегеран, то пошел к имаму. Он стоял в своей комнате, и я рассказал ему об этом эпизоде. Внезапно я увидел, что имам — эта неприступная гора, это воплощение выдержки и гордого покоя, согнулся, как мощное дерево в бурю».

Лидер обещал продолжить курс, проложенный имамом, сообщаясь с обстановкой, но не нарушая его исламского характера. Любопытно, что Хаменеи вспоминал слова имама: «Мы делали революцию не ради хлеба!» И при этом он вспомнил, что революция в России, произошла из-за того, что прекратилось снабжение хлебом. А вот исламская революция произошла на основе веры.

Тут хотелось бы уточнить одно очень важное обстоятельство. Во время всей Первой мировой войны в России не было картошек, хлеб продавался свободно. И в самом Петрограде перед февральской революцией был большой запас муки. Но вот что странно. В один день из Петрограда было призвано на военную службу более тысячи пекарей. Образовались большие очереди за хлебом там, где он имелся. Началось народное возмущение, послали казаков умирять народ. Те отказались делать это, а дальше вы все помните сами... Был ли здесь чей-то злой умысел, сказать трудно, потому что никаких документов об этом не сохранилось, а то, что я рассказываю, мне поведал Василий Витальевич Шульгин, тот самый, который принимал отречение царя Николая II.

Имам, по словам лидера, много думал о том, как накормить народ. Еще тогда поговаривали, что он сидит в теплом местечке, всех поучает, а в стране нет социальной справедливости. Достижение социальной справедливости дело сложное и долгое. Её нет в Иране и по сию пору, но её обещают во всех странах, все обещают, кроме нового поколения богатых русских, утверждающих, что пропасть между богатыми и бедными — это естественное и вечное состояние общества.

Революция создала военно-духовную организацию Корпус стражей, который чем-то напоминает мне гулямов средневековых ханов — рабов-иноземцев, составлявших их гвардию или корпус телохранителей, хотя в данном случае речь идет не об иноземцах, а о сохранении целой Исламской республики. Все-таки, видимо, находящиеся у власти не очень доверяют армии и полиции.

В своих речах рахбар не скрывает, что еще существуют враги нового строя, устраивающие беспорядки, во время которых бьют стекла домов, поджигают магазины и машины. Они находят поддержку у торгашей, сколотивших состояния несправедливыми путями, всяких пройдох.

Кое-кто из них пытается ввезти в страну контрабандный товар и обречь молодежь на несчастья, болезни и наркотическую зависимость. Не на них ли похожи и те издатели газет, которые подхватывают измышления «Голоса Израиля», или «Голоса Америки». Если исламские власти проявляют порой бдительность, то это не значит, что они против свободы. Они против разложения.

* * *

В исламе земная жизнь считается частью вечной, в которой ваши добрые деяния приблизят вас в загробной жизни к Господу, а за дурные дела вас ждет наказание. По исламским понятиям, и сама эта жизнь, проведенная в разврате и поощрении своего эгоизма, может превратиться в ад. Духовенство в Иране считает, что их государственный строй несет миру Божественную пророческую миссию. Сам Иран еще не совершенен, но идея спасения человечества, возникшая в нем, благородна. Свою духовность Иран не собирает навязывать другим, но он предлагает миру, который теряет моральные ценности, новый подход. При всем своем богатстве Соединенные Штаты наводняются отчаявшимися и психически неполноценными людьми. Совершается много убийств и самоубийств. Духовный лидер высказался об этом очень ёмко:

«Сначала убивают сотни, тысячи людей, а потом в припадке лицемерной доброты начинают с помощью вертолетов искать в пустыне заблудившуюся кошку или собаку».

* * *

На Западе думали, что религия исчезла, и стали выкорчевывать остатки её из душ людей. И вдруг, на пороге третьего тысячелетия, люди устремились на круги своя. К вере в Бога обращаются молодые, и это знамение того, что в третьем тысячелетии человечество поймет главное и постарается изменить свою жизнь.

Ложное поведение — это все-таки не норма. Что это за народ, который подвержен распутству, склонен к алкогольным возлияниям и прочим непотребствам? Ирану предлагается скверное лекарство, и он не собирается принимать его от Запада.

Когда Ирак напал на Иран, случилось нечто поразительное. Под влиянием религиозного порыва на фронт просились подростки. Они умирали тысячами, останавливали голыми руками танки. Они зачислялись в ополчение, которое называется по-персидски «басидж».

Лидер приводит такой пример «свободы». Если директор школы попытается противостоять развращению детей, которым подбрасывают наркотики и похабные фотографии, то можно ли сказать что он ущемляет свободу? Можно ли бороться с этим, только лишь рассказывая о вреде героина? Вот тут и задумаешься, почему приходится бороться с некоторыми средствами массовой информации, которые исподволь учат молодых людей всякой мерзости, а в западной печати много шумят об ущемлении свободы слова в Иране, желая, чтобы публиковалось все, что заблагорассудится журналистам.

Но тут возникает вопрос, как сделать телевидение и газеты настолько интересными, чтобы не было соблазна вызывать интерес всякой «клубничкой»? Может быть, все-таки стоит пойти на некоторые самоограничения ради морального и физического здоровья подрастающего поколения.

При последнем шахе студентов в стране было в десять раз меньше, чем сейчас. Едва ли не каждый месяц открывается новое учебное заведение. Сейчас в Иране стараются возродить у людей веру в себя и чувство независимости, ведь если человеку долго говорить, что он ни на что не способен, то он и в самом деле станет таким.

С 9 по 11 декабря 1997 года в Тегеране заседала конференция глав исламских стран. Все гостиницы были заполнены участниками конференции и их свитами. Нас с известным поэтом, ныне покой-

ным, Игорем Ляпиным, впервые попавших в Тегеран, гостеприимным хозяевам из Института трудов имама Хомейни пришлось разместиться в специальной гостинице военно-воздушных сил Ирана.

И не одни мы из иностранцев попали туда. В номере напротив жил китаец, страшно деловой, не расстававшийся с компьютером, и, как выяснилось из разговора, он добивался подряда для КНР на какое-то крупное строительство. Китайцы времени даром не теряют — изготавливают, продают, строят за валюту. Не слишком качественно, зато дешево и очень много.

Нам было очень уютно в доме, стоявшем в небольшом парке, где цвели розы и призывно распахивал двери крытый бассейн, но только в те дни, когда в нем не плавали женщины. Обслуживали эту небольшую гостиницу молодые солдаты срочной службы — веселые, приветливые, с умными и ясными глазами.

Когда мы летели в Тегеран, в самолете зашел разговор о сухом законе в Иране. Мой спутник Ляпин, вдруг спохватился и сказал, что взял с собой три бутылки водки, чтобы дарить новым знакомым. Ему тут же и разъяснили, что он попадет уже на таможне, и он с сожалением засунул бутылки в мешок переднего кресла, и вышел из самолета без них. Но, как оказалось, ни он, ни я не были привержены к зеленому змию и вполне обходились возвышенными разговорами о поэзии.

В Иране для нас все было ново: и еда, и поведение людей, во взоре которых отсутствовала озлобленность, появившаяся у наших соотечественников в последнее время. Мы забредали в отдаленные уголки города, присматривались в лавчонках к людям и товарам и видели, что жизнь течет размеренная. Мы удивлялись невероятному числу машин на узких улицах, где было очень мало светофоров и полицейских. И все-таки машины умудрялись протискиваться, разворачиваться, не задевать друг друга, повинувшись каким-то загадочным знакам водителей.

* * *

12 мая 2000 года лидер Исламской революции аятолла сейид Али Хаменеи произнес пятничную проповедь под большим навесом на территории Тегеранского университета, куда обычно собираются тысячи людей для совместной молитвы. Я уже не раз бывал там и слушал аятоллу Хаменеи, президента Хатами и многих других высших лиц иранского государства, старавшихся в своих пространственных речах охватить насущные политические про-

блемы, что было еще одним подтверждением неразрывности ислама со всеми аспектами жизни мусульманина.

Получилось так, что, не зная фарси, я послушал немного голос аятоллы, приятного тембра, с некой как бы трещинкой, придававшей страстность всем его высказываниям, и ушел с проповеди, пытаясь поспеть всюду и объять необъятное. В воскресном номере местной газеты, издававшейся на английском языке, мне попала целая полоса с его пятничной речью, которую я удосужился прочесть лишь в последнее время и обнаружил в ней четкое определение соперничающих в Иране группировок.

Аятолла сразу заявил, что он, пока остается верховным лидером, не даст ни одной группе увести страну в сторону от прямой линии исламской государственности, которая запечатлена в конституции, и не позволит никому проводить политические реформы, подрывающие религиозную составную системы и возвращающую Иран к дикой междоусобице.

Заявление было недвусмысленным, однако аятолла счел необходимым разъяснить, что национально-идеологическим подгруппам следовало бы провести четкую линию раздела между собственными политическими лозунгами и тем, что хотят враги государства по обе стороны границы, а хотят они ликвидации завоеваний Исламской революции.

Одни стоят за политические реформы, другие заботятся о сохранении религиозной основы революции, а третьи ставят во главе всего экономику. Враги стараются вовлечь соперников в разрушительную для государства войну, подорвать доверие народа к политической, идеологической и административным системам.

Идеальным было бы гармоничное сочетание таких устремлений, но одни ставят во главу угла «независимость» страны от тисков мировой экономики, другие — «этику и мораль», третьи — «политическую свободу».

Аятолла сказал, что не видит кардинальной разницы между теми, кто стоит за традиционные «ценности», а кто — за «развитие». Он сравнил фундаменталистов и прогрессистов с двумя крыльями птицы, и важно, чтобы оба крыла были сильными, дабы птица государства не заваливалась в полете.

Но тех и других подстерегают опасности. Те, кто выступают против реформ, могут в силу своей отсталой ментальности тормозить прогресс, а те, кто за реформы и развитие, пренебрегая традиционными ценностями, могут уклониться от правильного пути.

И как тут не вспомнить товарища Сталина, который сказал в тридцатые годы о правом и левом уклонах, что они «оба хуже». Разница между постреволюционными обстановками в Иране и России именно в этом. Сталин признавал только собственное мнение и, не прислушиваясь ни к кому, физически уничтожил сторонников обоих уклонов.

Аятолла же Хаменеи пока предлагает обоим лагерям подумать о проникновении в их ряды людей, доводящих все до абсурда — до религиозного обскурантизма одних и до принятия капитализма западного образца других.

Наибольшей опасностью аятолла Хаменеи считает возможность захвата культурных учреждений и средств массовой информации сторонниками капитализма западного образца, что приведет к деспотизму денежных мешков, разглагольствующих о правах человека, и американскому контролю над культурой и экономикой.

Аятолла ссылается при этом на предостережения покойного имама Хомейни. Однако, думается, он неплохо осведомлен о том, что творится в нашей стране, где народ не только растерял духовные ценности, но и перестал производить материальные блага для себя, впад в полную зависимость от Запада, в развитие экономики которого ушли все наши накопления и уходят процентов сорок бюджета и сырье, оставляя большую часть населения за чертой бедности.

«Я призываю моих дорогих братьев пересмотреть ваши идеологические границы», — сказал в заключение своей проповеди аятолла Хаменеи, ставя себя как бы над схваткой.

«Теперь мне хотелось бы побудить народ сохранять верность ценностям системы. Я считаю, что большинство чиновников, президент и другие официальные лица в состоянии убедить народ, что будущее нации перспективно, и я чувствую уверенность, что наши враги не смогут приостановить наше поступательное движение».

«Никто не должен думать, что создание экономической безопасности означает создание благоприятных условий для жуликов и пиявок, присосавшихся к телу экономики страны».

В современном Иране экономическая безопасность трактуется так: любой человек из любого слоя общества, желающий заняться предпринимательством, найдет поддержку в законах страны. Те же, что сколотили капитал незаконными способами, пользуясь неразберихой послереволюционного и военного времени, попадают под надзор правоохранительных структур и судебной власти. Особенное внимание обращается на преступников, которые ввозят в

страну контрабандный товар и обрекают молодежь на несчастья, болезни и наркотическую зависимость.

Ислам рационален. Это здоровая и рассудочная религия. Многократный дневной намаз, который даже западные богословы считают великой тайной, всего лишь установление, не позволяющее верующему забывать о Боге на долгое время, потому что «этот мир — пашня, на которой всходят посевы для того мира», загробного. И даже этот мир может превратиться в чистилище и даже в ад, если человек становится рабом своих животных страстей.

Многие знающие Хаменеи иранцы рассказывают, что аятолла любит искусство, пишет стихи и очень много читает. От иных я слышал, что он очень добрый, искренний, веселый человек. Он свободно говорит по-арабски, по-английски и по-турецки.

У Хаменеи бывают утверждения, противоречащие друг другу. То он гордится древней цивилизацией Ирана, то вдруг начисто отрицает ценность Авесты, утверждает, что нравственность и поступки Рустама из «Шахнаме» Фирдоуси берут свое начало в исламском мировоззрении, авестийского же мировоззрения и вовсе не существовало, а это довольно странно для знатока классической поэзии.

Наследник Хомейни полностью воспринял его взгляды на сионистский режим.

«Мир — это хорошо, но когда и с кем? Кто-то взламывает дверь вашего дома, ворвется к вам, надругается над вашей женой и детьми и из трех комнат вашего дома оставит вам только половину комнаты, а потом будет удивляться, почему вы постоянно на него жалуетесь и не хотите жить с ним в мире».

Он даже Арафата называет предателем за переговоры с евреями, в то время как 4-5 миллионов палестинцев живут за границей, а 3 миллиона скучены в той самой половине комнаты и не допускаются даже в свою мечеть «Аль-Акса» в Иерусалиме. Хаменеи рассказывает, как хитро были скуплены земли, где работали арабы, у латифундистов, живших в Европе и Америке, причем одним из посредников был сейид Зия, способствовавший восхождению к власти Реза-хана в 1920 году. Потом арабов стали убивать и изгонять.

Аятолла вспоминал, что в юности увлекался Жаном-Полем Сартром, которого тоже обманула пропаганда массовых средств информации, уже тогда находившихся в руках евреев, и тот сказал в одной книге о Палестине: «Народ без земли, земля без людей!». А на земле все-таки жили арабы.

«Знайте, что за 50 лет, что сионисты правят Палестиной, Совет Безопасности ООН принял 29 резолюций с осуждением политики Израиля, но Америка всякий раз использовала свое право вето, чтобы их заблокировать. А вот уже десять лет (после распада СССР), как она вообще не позволяет, чтобы в Совете Безопасности была принята хоть одна резолюция против Израиля».

А в России несколько лет тому назад судебным порядком запретили издание «Завещания» имама Хомейни. Теперь его нельзя ни печатать, ни продавать, ни распространять, поскольку оно вошло в список материалов Федеральной регистрационной службы, признанных экстремистскими. Сделано едва ли не в годовщину смерти лидера иранской революции.

Ведущий российский иранист Алексей Малашенко заявил: «Глупость — единственное, что можно сказать». В этом списке уже более 150 произведений различных авторов (и весьма неглупых). Отменить решение суда городка Городище Пензенской области можно тоже только через суд. Прочитав фразу: «Вы сами должны подняться на борьбу ради жизненно важного дела осуществления свободы и независимости» и воспользовавшись энциклопедией издания 1982 года, две девицы — сотрудницы криминальной экспертизы — заключили, что она является призывом к насилию и опасна для России.

На сессии Генеральной Ассамблеи ООН 23 сентября 2010 года президент Ирана Махмуд Ахмадинежад сказал: «Жажда капитала и господства над другими заменили веру в единого Бога, который открывает врата к единству и любви». И еще: «Мир нуждается в управлении такими добродетельными людьми, как божественные пророки».

В общем, его взгляды полностью совпадают со взглядами имама Хомейни и, исходя из логики судейских городка Городище, кое-что из таких высказываний должно быть запрещено к публикации на просторах России.

Махмуд Ахмадинежад родился в семье бедного кузнеца 28 октября 1956 года. О его национальности пишут разное — иранский азербайджанец, талыш (есть такое племя) и даже еврей. Последнее считается еврейскими специалистами «уткой». Однако достоверно

известно, что отец его был глубоко верующий шиит, а мать — сейидой, т.е. причисляется к потомкам пророка Мухаммеда.

Он закончил Тегеранский университет науки и технологий, а в 1997 защитил докторскую диссертацию. В революционные годы примыкал к сторонникам Хомейни. В 1980 году отправился добровольцем на ирано-иракскую войну, участвовал в диверсионных операциях. Потом сделал политическую карьеру, был мэром различных городов. Вышел в отставку с поста советника министра культуры в 1997 г., после победы на президентских выборах Хатами, и вернулся к преподаванию, чем и занимался 6 лет. В 2003 году был избран мэром Тегерана и сразу свернул часть либеральных реформ, проводимых его предшественниками. Закрыв все западные заведения быстрого питания (фастфуда), открыв на их месте отечественные...

Еще через два года Ахмадинежад выиграл президентские выборы, победив Али Хахеми-Рафсанджани. У нового президента не было духовного сана, но он пользовался поддержкой Корпуса стражей исламской революции, подчиняющегося непосредственно рахбару Хаменеи. Пользуясь поддержкой военных и духовных лидеров, он решительно покончил с либеральной политикой Хатами и стал на сторону тех, кто не участвовал в дележе основных богатств Ирана после исламской революции.

12 июня 2009 года Ахмадинежад снова выиграл президентские выборы, набрав 63% голосов, что говорит и о народной поддержке. Он ослабил контроль иранских олигархов над добычей нефти, заявил о намерении пересмотреть контракты с иностранными компаниями и перераспределить доходы от ее продажи.

Особенный шум в мировой печати вызвало его мнение, что холокоста не было, а если и был, то его используют против миллионов палестинцев, изгнанных со своих земель при формировании нынешнего Израиля. В свое время он сказал, что желательнее перенести еврейское государство из Палестины на часть территории Германии или Австрии, потому что эти страны, а не палестинцы, обязаны компенсировать евреям страдания, причиненные им в годы Второй мировой войны.

После победы Ахмадинежада на выборах сторонники его конкурента Мир-Хосейна Мусави вышли на улицы Тегерана. Это были интеллигенты, богачи, часть студентов... В общем, электорат небедный, мечтавший об американских порядках — о либерально-экономических реформах, о возможности обогащаться, ничего не давая стране, о возвращении «свободы нравов».

Сравнительно недавно иранский президент сказал: «Главная миссия нашей революции — проложить путь для второго прихода Двенадцатого Имама, Махди. Именно поэтому Иран должен стать мощным, развитым и образцовым исламским государством. Сегодня нам следует определить наши политические, экономические и культурные задачи таким образом, чтобы они соответствовали плану возвращения Махди. Мы должны тщательно избегать подражания любым схемам, навязываемым нам Западом».

Теперь уже и в нашей печати говорят о склонности Ахмадинежада к религиозному мистицизму из-за его упования на приход Махди (а в это верит каждый шиит) и почитания аятоллы Мухаммеда Язди, который был ближайшим соратником имама Хомейни со времен борьбы с шахским режимом, за что не раз побывал в тюрьме и ссылке. Он крупнейший специалист по мусульманскому праву и написал на персидском и арабском языках множество научных трудов еще до Исламской революции.

Ясно одно — идеи и дела имама Хомейни продолжают торжествовать.

Молитва Хомейни:

«Господи! Благослови Твоего добронравного и скромного раба имама Хомейни, который предпочел Твое благоволение благоволению других; который претерпел все лишения и страдания во имя возвышения Твоего слова и возрождения Твоей религии; который приложил все усилия во имя народа Ибрагима и традиции Мухаммеда (да приветствует Аллах его и его род!), не давая себе ни на минуту остановиться в этом движении. Он жил с твоим именем на устах и вознесся в рай с надеждой на Тебя и с любовью к Тебе. Сделай слово его возвышающим, а путь его — сияющим. Сохрани его единственное наследие, осуществи его желания и цели и сделай нас его достойными продолжателями».

Москва — Переделкино
2011 г.

Приложение

Послание имама Хомейни М.С. Горбачеву

ВО ИМЯ АЛЛАХА МИЛОСТИВОГО
МИЛОСЕРДНОГО!

Ваше превосходительство, господин Горбачев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, примите пожелания благополучия и счастья Вам и Вашему народу. С Вашим приходом к власти ощущается новый подход к анализу мировых политических событий и, в особенности, к вопросам, касающимся Советского Союза. Ваша смелость и дерзание в подходе к реальным мировым событиям могут стать источником преобразований, которые изменят общую ситуацию в мире. Поэтому я счел необходимым привлечь Ваше внимание к некоторым проблемам.

Возможно, что круг ваших размышлений и новых решений не выйдет за пределы попыток преодоления внутрипартийных трудностей, а также вопросов, касающихся исключительно Вашего народа. Однако даже в этом случае Ваша смелость в пересмотре учения, которое долгие годы держало за железной стеной революционных сынов мира, достойна всяческой похвалы и одобрения. Однако если Вы решите дальше пойти по этому пути, то первым делом, которое несомненно послужит успеху Вашего начинания, будет пересмотр политики Ваших предшественников, заключавшийся в отречении общества от Бога и от религии, что, безусловно, нанесло сильнейший удар народу советского государства. Знайте, что нет более эффективного подхода к мировым событиям.

Конечно, неправильные методы и ошибочные действия прежних коммунистических руководителей в сфере экономики привели к тому, что Вам явился цветущий сад Запада и заморозил Вас, но знайте, что истина не там. Если Вы пожелаете на этом этапе распутать только клубок экономических проблем социализма и коммунизма, обратившись с этой целью к очагам капитализма на Западе, то не только не излечите свое общество от недугов, но придете к тому, что другие будут вынуждены исправлять Ваши ошибки, ибо если ныне марксизм зашел в тупик в своих экономических проблемах, то и западный мир погряз в тех же проблемах, только в другой форме и других сферах.

Господин Горбачев!

Вам следует обратиться к истине. Основная проблема Вашей страны лежит не в вопросах собственности, экономики и свободы. Ваши трудности заключаются в отсутствии истинной веры в Бога, и это ведет и будет вести Запад в трясину пошлости, в тупик. Ваша основная трудность заключается в тщетной длительной борьбе против Бога, основного источника бытия и всего сущего.

Господин Горбачев!

Всем ясно, что отныне коммунизм следует искать в музеях политической истории, ибо марксизм не отвечает ни одной из истинных человеческих потребностей, потому что это материалистическое учение, а материализмом нельзя спасти человека от кризиса веры и духовности, который является главной болезнью человеческого общества на Западе и на Востоке.

Господин Горбачев!

Возможно, Вы еще не отвернулись от марксизма, доказывая его правоту, и впредь будете говорить о своей вере в него. Однако Вы и сами понимаете, что это недоказуемо. Первым нанес удар по коммунизму вождь Китая, второй, и видимо, последний удар нанесли Вы. Ныне уже не существует в мире того, что называется коммунизмом. **Однако я настоятельно призываю Вас к тому, чтобы разрушая здание марксистских иллюзий, Вы не оказались в плену Запада и Большого Дьявола.** Надеюсь, что Вы удостоитесь великой чести того, кто сметет со страниц мировой истории и истории Вашей страны последние следы загнившего коммунистического мира, существовавшего 70 лет. Отныне союзные Вам государства, сердца руководителей которых верны своей родине и народу, уже никогда не пойдут на то, чтобы растрчивать более свои природные ресурсы на доказательство успехов коммунизма, хруст костей которого уже услышан потомками.

Господин Горбачев!

Когда с минаретов мечетей в некоторых Ваших республиках семьдесят лет спустя раздалось «Аллах Акбар!» и свидетельство о пророческой миссии Последнего посланника Аллаха (да благословит Аллах его и род его!), все исповедующие подлинный ислам Мухаммеда заплакали от восторга. Поэтому я счел необходимым вновь призвать Вас обратиться к размышлению относительно материалистического и божественного мировоззрения.

Материалисты избрали критерием познания ощущение. Они выносят ощущение за рамки науки, а бытие считают тождественным материи и отрицают нематериальное. Следовательно, они считают фикцией существование Всевышнего, божественное откровение, пророчество и день Страшного Суда. Тогда как критерием познания в божественном мировоззрении является ощущение и разум. Разумное подвластно познанию, даже если оно не дано в ощущении, поэтому бытие распространяется на объективно существующее и невидимое, которое может существовать вне материи. Так же, как материальная сущность воплощается в отдельном объекте, эмпирическое познание опирается на разум. Священный Коран критикует основу материального мышления и тех, кто считает, что если Бог не видим, то он не существует на самом деле. Такие люди говорят: «Мы тебе не поверим, пока лик господен не увидим». Коран отвечает: «Не постигают Его взоры, а Он постигает взоры, — Он пронизателен и сведущ». Оставим Священный и Благословенный Коран и его объяснения по поводу откровения, пророчества и Страшного Суда, поскольку для Вас это лишь начало пути. Я вовсе не хотел вводить Вас в лабиринты философских проблем, особенно проблем исламской философии, и поэтому ограничусь лишь несколькими простыми примерами, исходящими из самой сущности человеческой и которые могут быть полезны и для политиков.

Очевидно, что материя и материальный предмет — какими бы они ни были — не осознают сами себя. Каждая сторона каменной скульптуры или материального образа человека не ведаёт о другой стороне. Однако очевидно и то, что человек или животное осведомлены о своем окружении. Они знают, где находятся и что происходит в окружающем их мире. Следовательно, в человеке и животном заключено нечто более высокое, чем материя, и отличное от нее. Это нечто не исчезает с гибелью материи и продолжает свое существование: плоть, прекратив свое существование, одухотворяется и живет.

Человек по своей природе пытается во всем достичь абсолютно совершенства. Вы хорошо знаете, что человек стремится к абсолютной власти и его не удовлетворяет несовершенная сила. И если он станет властелином мира, то узнает о существовании другого мира и будет стремиться к тому, чтобы завладеть и этим миром. Какой бы ученой степени он не достиг, все равно, узнав о существовании других наук, он захочет изучить эти науки. Следовательно,

должны существовать абсолютная власть и абсолютное знание, которые притягивают человека. Это и есть Всемогущий Бог, к которому мы обращаемся, сами того не ведая.

Человек стремится к абсолютной истине, чтобы раствориться в ней, в Господе. И вообще, стремление к вечной жизни заложено в каждом человеке, и оно свидетельствует о существовании бессмертного мира.

Если Ваше Превосходительство пожелает исследовать эти проблемы, Вы можете дать указание специалистам обратиться не только к западным источникам, но и к трудам Фараби и Абу Али ибн Сины (да успокоит Бог их души!) в качестве последователей Аристотеля, чтобы уяснить, что закон причинно-следственной связи, составляющий основу дознания постижим разумом, а не ощущением, а также пониманием общего смысла и общих закономерностей, на которые опирается любое рассуждение. Они могут обратиться также к книгам Сохре-варди (да благословит его Бог!), последователя мудрого учения Платона, чтобы прояснить, что «материя и любой другой материальный объект нуждаются в истинном Свете, не достигаемом для ощущения, а эмпирическое знание человека о самом себе не нуждается в материальных проявлениях. Вы можете попросить их обратиться к возвышенному учению Муллы Садр, дабы понять, что «истинное знание есть сущность, не зависящая от материи, и любое размышление нематериально и не подчиняется правилам материи».

Не буду больше утомлять Вас выдержками из философских трактатов и не стану говорить, в частности, о Мухеддине бен Араби, ибо если Вы пожелаете изучить труды этого великого человека, направьте к нам в Кум несколько компетентных и сведущих в этой области лиц, чтобы они смогли за несколько лет познать всю тонкость и глубину этих наук, ибо истинное познание без такой поездки не представляется возможным.

Уважаемый господин Горбачев!

Изложив эти проблемы в качестве введения, прошу Вас обратить особое внимание и со всей серьезностью подойти к исследованию ислама, и не только потому, что ислам и мусульмане нуждаются в Вас, а ради высоких ценностей, которыми обладает исламский мир и которые могут принести успокоение и спасение всем народам и распутать клубок основных проблем, волнующих человечество. Серьезный подход к исламу, возможно, навсегда избавит Вас

от таких проблем, как Афганистан и т.п. Мы не отделяем себя от мусульман всего мира и всегда заботимся об их судьбе.

Предоставив определенную свободу в совершении религиозных обрядов в некоторых республиках Советского Союза, Вы продемонстрировали, что уже не считаете, что религия — опиум для народа. Разве религия, превратившая Иран в неприступную скалу перед лицом сверхдержав, — опиум для народа? Разве можно назвать опиумом для народа религию, устремленную к установлению справедливости в мире и желающую освободить человека от оков материальных и душевных забот. Да, безусловно, та религия, которая станет средством предоставления материальных и духовных богатств исламским и неисламским странам сверхдержавами и будет кричать об отделении религии от политики, и есть опиум для народа. Но это уже не настоящая вера, а то, что наш народ называет «проамериканской религией».

В заключение, хочу твердо заявить, что Исламская Республика Иран как самый могущественный оплот исламского мира может с легкостью заполнить вакуум, образовавшийся в идеологической системе Вашего общества. Как бы то ни было, наша страна по-прежнему придерживается принципов добрососедства и развития двусторонних отношений и уважает эти принципы.

Желаю благословения тем, кто следует праведным путем.

Рухолла Аль-Мусови Аль-Хомейни
01.01.1988 г.

Ответ М.С. Горбачева имаму Хомейни

Руководителю Исламской Республики Иран
Его Преосвященству
имаму Рухолле Мусави Хомейни
г. Тегеран

Ваше преосвященство,

Я с большим интересом ознакомился с Вашим личным посланием, наполненным глубоким философским смыслом. И полагаю, что, несмотря на расхождения в оценках таинств мироздания, мы с Вами все же сходимся в главном: люди должны помочь друг другу обеспечить человечеству бессмертие. Человек, его душа в широком смысле, его нравственные идеалы — все это близко нам, все это составляет сердцевину нашей деятельности.

Во внешней политике, как Вы, я уверен, отметили, во главу угла мы поставили задачу обеспечить верховенство общечеловеческих ценностей, их приоритет над всеми остальными интересами и целями. Эпоха, в которую мы вступили, требует соединения усилий всех стран и народов, ибо в этом и кроется ключ к решению жизненно важных проблем человечества.

В Вашем письме, которое мы внимательно изучили, говорится о добрых намерениях иранского руководства в отношении Советского Союза. Наши общие границы, уходящие в давнюю историю взаимоотношения, делают совершенно естественным стремление к добрососедству и взаимовыгодному сотрудничеству между Советским Союзом и Исламской Республикой Иран. В сегодняшнем мире особенно сильно чувствуется взаимосвязанность и взаимозависимость стран и народов.

Я еще раз хочу подтвердить то, что говорил Вашей делегации в Москве: мы, безусловно, признаем за каждым человеком и, тем более, за каждым народом свободу выбора. Ведь именно этой свободой воспользовался в 1979 году иранский народ, низвергнув шахскую диктатуру, которая попирала его достоинство и эксплуатировала его в угоду иноземным силам.

Народы нашей страны определили свой выбор еще в октябре 1917 года. С этого пути мы не сойдем, верим в его правильность. И

от других мы не хотим ничего более, чем уважения к нашему выбору. Время требует от всех учиться уважать чужие взгляды и интересы, проявлять обоюдную терпимость.

В своем письме Вы уделили внимание происходящим у нас переменам. Действительно, развернувшаяся в СССР революционная перестройка призвана во всей полноте раскрыть богатый потенциал советского общества. Ибо только на этом пути — через всестороннее совершенствование нашего общества, придание ему нового качества — можно найти ответы на вопросы, которые стоят перед нашим народом.

Ваше преосвященство,

Сейчас, когда завершаются кровопролитные конфликты, в которые оказались втянутыми в силу различных причин Советский Союз и Иран, по нашему убеждению, открываются хорошие перспективы для расширения сотрудничества и политического диалога.

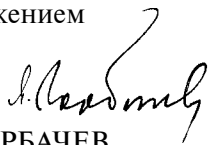
Интересам наших народов, несомненно, отвечало бы взаимодействие СССР и Ирана в деле утверждения мира и стабильности на Среднем Востоке и в зоне Персидского залива. Советский Союз, как известно, приложил немало усилий, содействуя прекращению ирано-иракской войны.

Иран, как сосед Афганистана, влиятельное и авторитетное государство в мусульманском мире, располагает серьезными возможностями содействовать урегулированию афганского конфликта путем формирования в Афганистане коалиционного правительства на широкой основе.

Мы подтверждаем свою готовность и дальше развивать с Ираном взаимовыгодные экономические связи, которые имеют давние традиции. Углублению взаимопонимания могло бы способствовать и расширение контактов между представителями общественности Советского Союза и Ирана, в том числе деятелей духовенства. О Вашем приглашении приехать в Кум я сообщил духовным исламским авторитетам нашей страны.

В заключение хочу передать приветствия Вам и иранскому руководству, пожелания благополучия и процветания народу Ирана.

С уважением

М. ГОРБАЧЕВ

16 февраля 1989 года

Жуков Дмитрий Анатольевич

Иран от Хомейни до Хаменеи

Компьютерная верстка и дизайн Ю. В. Балабанов

ООО «Издательский дом «НАУЧНАЯ КНИГА»

Москва, ул. Остоженка, 53/2

тел. (499) 246-82-47

E-mail: fletus@mail.ru

Подп. в печать 1.08.2011 г. Формат 60×90^{1/16}.
Усл. печ. л. 10. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз.